

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО»

СЕМЕЙНАЯ ЭКОСИСТЕМА ЧЕЛОВЕКА

Монография

Нижний Новгород
2018

УДК 316.356; 504
ББК 60.561.5
С 30

Семейная экосистема человека: монография / З.Х. Саралиева, Г.Л. Воронин, С.А. Судьин, Д.А. Шпилев [и др.]. – Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2018. – 225 с.

Монография

Рецензенты: *Г.С. Широкалова* – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой философии, социологии и политологии Нижегородской государственной сельскохозяйственной академии, ст. научный сотрудник Приволжского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Ю.А. Сучков – главный врач Клинической психиатрической больницы № 1, г. Нижний Новгород

Научный редактор: *З.Х. Саралиева* – доктор исторических наук, профессор ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Авторы рассматривают ключевую роль семьи в экосистеме человека, в межинституциональном взаимодействии, проблемы внутрисемейного климата с акцентом на самосохранительных, здоровьесберегающих практиках.

В основу работы авторского коллектива легли результаты социологических исследований, проведенных кафедрой общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского по исследуемой проблематике за последние годы.

Книга адресована преподавателям, аспирантам, студентам, осуществляющим подготовку по направлениям «Социология», «Социальная работа», специалистам учреждений социальной сферы, а также всем тем, кто интересуется состоянием, проблемами и перспективами семейной экосистемы человека.

ISBN 978-5-93116-205-8

Монография подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 18-411-520002 «Здоровьесбережение в практиках современной нижегородской семьи» в 2018 г.

© З.Х. Саралиева, Д.А. Шпилев, Н.Ю. Егорова,
Я.В. Ушакова, Е.А. Александрова, Н.Т. Отделкина,
Т.Н. Захаркина, И.А. Исакова, Е.А. Шинкаренко,
М.В. Рябоконь, А.А. Попель, Г.Л. Воронин,
А.А. Лакомова, С.А. Судьин, М.В. Курникова,
А.В. Ермилова, А.Л. Янак, Е.А. Шорыгин,
И.Г. Голубева, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. СЕМЬЯ В ЭКОСИСТЕМЕ ЧЕЛОВЕКА	14
1.1. Структура и качества семейной экосистемы (<i>Саралиева З.Х.</i>)	14
1.2. Семья перед лицом глобальных экологических изменений (<i>Штилев Д.А.</i>)	25
1.3. Современная семья в системе супружества–родительства–родства (<i>Егорова Н.Ю.</i>)	34
1.4. Семья в контексте чайлдфри-идеологии (<i>Ушакова Я.В., Александрова Е.А.</i>)	54
ГЛАВА 2. СЕМЬЯ В МЕЖИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ	67
2.1. Правовые вопросы семейной экосистемы (<i>Отделкина Н.Т., Захаркина Т.Н.</i>)	67
2.2. Безопасность семейной экосистемы: информационные риски (<i>Исакова И.А.</i>)	78
2.3. Молодежь в семейной, образовательной, профессиональной экосистемах (<i>Шинкаренко Е.А., Рябоконт М.В.</i>)	90
2.4. Экологические аспекты реализации креативного потенциала сотрудника в условиях вызовов на рынке труда (<i>Попель А.А.</i>)	106
ГЛАВА 3. СЕМЬЯ В СИСТЕМЕ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА	115
3.1. Семья как социальный институт сбережения здоровья (<i>Воронин Г.Л., Лаконова А.А.</i>)	115
3.2. Семья с психически больным родственником в контексте системного подхода (<i>Судьин С.А.</i>)	133
3.3. Физическая активность ребенка-инвалида как ресурс улучшения социального самочувствия его семьи (<i>Курникова М.В.</i>)	152
ГЛАВА 4. ВНУТРИСЕМЕЙНЫЙ КЛИМАТ	162
4.1. Бифуркации внутрисемейного взаимодействия (<i>Ермилова А.В.</i>)	162
4.2. Отцы в семейной экосистеме (<i>Янак А.Л.</i>)	172
4.3. Семья в социальной инклюзии ЛГБТ-подростков (<i>Шорыгин Е.А.</i>) ...	184
4.4. Сиблинговые отношения в семейной экосистеме (<i>Голубева И.Г.</i>)	195
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	204
ОБ АВТОРАХ	207

ВВЕДЕНИЕ

Материалы монографии структурированы по четырем проблемам: семья в экосистеме человека; семья в межинституциональном взаимодействии; семья в системе здоровьесбережения человека; внутрисемейный климат.

Именно эти аспекты позволяют сконцентрировать внимание на изучении актуальных трансформационных процессов современной семьи и ее проблем, фиксируемых как в социологических исследованиях, так и в практиках социальной работы с семьями в трудных жизненных ситуациях (слаборесурсность, возможная дисфункциональность, в том числе вследствие наличия в составе семьи людей с ограниченными возможностями здоровья).

Эмпирической основой материалов и теоретических обобщений монографии являются социологические исследования последних 10 лет, проведенные под руководством или при участии сотрудников кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Назовем некоторые:

- «Дети-инвалиды в системе образования» (2009 г.). Научный руководитель доц. С.С. Балабанов. Опрошено 260 учителей и родителей учащихся Нижегородской области.
- «Проблемы трудоустройства инвалидов» (2009 г.). Научный руководитель доц. Балабанов С.С. По заказу межрайонной общественной организации инвалидов «Соцреабилитация». Телефонный опрос 200 руководителей и специалистов кадровых служб предприятий и организаций Н.Новгорода, 180 инвалидов-нижегородцев, желающих найти работу.
- «Здоровье студентов» (2010 г.). Межрегиональное исследование Российского общества социологов, Комитета «Социология здоровья и здравоохранения». Научный руководитель д.с.н. И.В. Журавлева. Опрошено 229 студентов первых, третьих и пятых курсов трех вузов Н.Новгорода.
- «Психическая болезнь в массовом сознании» (2014 г.). Научный руководитель доц. Судьин С.А. Инициативное исследование, опрошено 450 жителей г. Нижнего Новгорода по репрезентативной выборке; «Семья с психически больным ребенком» (2015 г.). Научный руководитель доц. Судьин С.А. Пилотное исследование, 20 глубинных

интервью с руководителями общественных организаций, оказывающими помощь семьям с психически больными детьми.

- Межрегиональное исследование «Отношение подростков к здоровью и окружающей среде» (2017 г.). Руководитель д.с.н. И.В. Журавлева, зав. сектором Социальных проблем здоровья ИС РАН. Опрошено 250 респондентов.
- Всероссийское социологическое исследование «Год экологии-2017» (Российское общество социологов). Опрошено 75 студентов ННГУ.
- «Социальное самочувствие и социальное обслуживание инвалидов» (2018 г.). Научный руководитель д.и.н. З.Х. Саралиева. Пилотный опрос 140 инвалидов, 70 сотрудников учреждений социального обслуживания и здравоохранения Автозаводского и Сормовского районов г. Нижнего Новгорода, г. Дзержинска, Нижегородского областного геронтологического центра, 170 студентов нижегородских вузов.

Первый параграф первой главы «Структура и качества семейной экосистемы» (З.Х. Саралиева, д.и.н., профессор) задает общий тон монографического исследования, предлагая сосредоточиться на рассмотрении современной семьи как элемента экологии человека. Это необходимо для более объемного представления о сегодняшних проблемах, трансформациях семьи, ориентации усилий социума на функциональное совершенствование семьи как подсистемы в многомерном и разноуровневом взаимодействии с окружающим миром в целях своего самосохранения, здоровьесбережения (физического, психического, эмоционально-психологического).

Конкретизируются категории экологии семьи и экологичности семьи, включающей ряд критериев качества жизни семьи: ресурсность, самооценка своего положения и самочувствия, саморегуляция через самоконтроль, недопущение любых видов девиантного поведения, здоровьесберегающие технологии как терминальная ценность для обеспечения санитарно-гигиенического, экологического благополучия, культуры взаимодействия с природой и окружающей социальной средой, конвертируемость всех видов семейных капиталов (физического, человеческого, социального), экологическая цельность семьи.

В параграфе 2 первой главы «Семья перед лицом глобальных экологических изменений» (Д.А. Шпилев, д.с.н., профессор) на примере современной Германии исследуется влияние экологических, порой,

деструктивных изменений, на такие стороны жизнедеятельности семьи, как охрана ее окружающей среды, межпоколенная справедливость, потребление экологически чистых продуктов, стиль питания, производство экологически чистой мебели, строительство качественного жилья, энергопотребление в домохозяйствах, риски общения детей с естественной природной средой.

Автор приходит к выводу об особой актуализации формирования с детского возраста экологического сознания и поведения, соответствующих ценностей.

Параграф 3 первой главы «Современная семья в системе супружества–родительства–родства» (Н.Ю. Егорова, к.с.н., доцент) сосредоточен на рассмотрении семьи как микросистемы человека через призму ее основных подсистем: супружества-родительства-родства. В качестве релевантных для раскрытия проблемы автор выбрала системный и биоэкологический подходы к анализу семьи. Эмпирической основой являются сведения последних переписей населения РФ, вторичный анализ базы данных RLMS-HSE.

Автор систематизирует демографические показатели населения страны (брачность, разводимость, рождаемость, численность и состав домохозяйств, их распределение по числу детей, личные жизненные цели женщин и мужчин, внебрачные рождения, типы супружества). Акцентируется внимание на негативных тенденциях структурной трансформации современной семьи, изменений структуры и качества родительства (расширение поля монородительства), нарушение позитивного родительно-детского взаимодействия, разрыв ценностей поколений (с одной стороны, неприятие старшим поколением образа жизни молодых, с другой – незаинтересованность молодежи в жизненном, семейном опыте прародителей), снижение значимости родственных связей.

Это приводит к тому, что в одних случаях супружество, в других – родство, как бы, покидают общесемейное пространство, что не может не повреждать общесемейную экологическую оболочку.

В параграфе 4 первой главы «Семья в контексте чайлдфри-идеологии» (Я.В. Ушакова, к.с.н., заведующая Учебно-исследовательской лабораторией социологических исследований; Е.А. Александрова выпускница ФСН) на основании двух социологических исследований, проведенных в 2017-2018 гг. факультетом социальных наук, выявлены поведенческие установки сторонников чайлдфри как отдельного социально-демографического сообщества и взгляды нижегородцев на чайлдфри как международное социальное явление.

Рассмотрены мотивации чайлдфри-приверженцев: ориентация на карьеру, неуверенность в партнере, гедонизм, страх перед беременностью и рождением неполноценного потомства, за здоровье женщин, личная неприязнь к детям. Критерий оценки собственной удачной траектории – «жизнь для себя».

Проведенные исследования подтвердили приверженность большинства нижегородцев к детям как ценности и детности как качества полноценной семьи.

В первом параграфе второй главы «Правовые вопросы семейной экосистемы» (Н.Т. Отделкина, Уполномоченный по правам человека Нижегородской области; Т.Н. Захаркина, к.с.н., ассистент) на основе анализа ряда законодательных актов и, главным образом, письменных обращений граждан в аппарат Уполномоченного по правам человека и по правам ребенка по Нижегородской области за 2015-2017 гг. раскрываются проблемы правовой защиты семейной экосистемы.

Анализ письменных обращений позволил выявить: рост числа обращений граждан; в 75% случаев инициаторами являются женщины; заявления по вопросам обеспечения экологического здоровья семьи (право на медицинское обслуживание, благоприятную окружающую среду, жилье) находятся в первой пятёрке общего перечня:

Авторы отмечают две проблемы, затрудняющие реализацию прав, касающихся здоровья и экологичности семьи: несовершенство законодательной базы и недостаточный уровень межведомственного взаимодействия как институционального гаранта прав человека и его семьи.

В параграфе 2 второй главы «Безопасность семейной экосистемы: информационные риски» (И.А. Исакова, к.с.н., доцент) исследуется актуализация в современном обществе проблемы информационной экологии и угрозы информационных рисков безопасности семьи.

Рассматриваются, главным образом, два информационных источника – отечественное и зарубежное телевидение и Интернет.

Результаты собственных исследований и исследований других социологов позволили выявить два аспекта информационных рисков:

1. Презентация семьи, особенно в так называемых «семейных» сериалах, ее внутрисемейных ценностей, отношений и конфликтов в ироничном, искаженном свете; нередко высмеиваются и опошляются традиционные основы семейных норм, традиций, что не может не подрывать, особенно в глазах молодого поколения, доверия и уважения к семье и дому как жизненной первоосновы человека.

2. Сгруппированные в 4 блока опасности информации, размещаемой в сети Интернет, разрушительно действующей на семью, особенно на детей: контентные, коммуникационные, электронные, потребительские. Приводятся примеры особенно негативного влияния, провоцирующего детские и подростковые суициды; пропагандирующего мошенничество, неумное потребление; рекламы с сексуальным и порнографическим подтекстом, распространяющие ложную информацию.

Особое внимание уделено неадекватной социальным нормам самопрезентации семьи, ставящей под угрозу семейные отношения, нанося урон неокрепшей психике подростков.

В параграфе 3 второй главы «Молодежь в семейной, образовательной, профессиональной экосистемах» (Е.А. Шинкаренко, к.с.н., доцент; М.В. Рябоконт, к.с.н., ассистент) прослеживается положение молодого поколения в институциональном взаимодействии семьи, образования, трудовой деятельности. В основе трехуровневый анализ социализации: социум, семья и личность самого молодого человека-школьника.

Выводы базируются на материалах ряда социологических исследований, в том числе авторского в школах Нижнего Новгорода. Особое внимание уделено мнению школьников о месте высшего образования и профессионального трудоустройства в их жизненных траекториях.

Обобщающий результат – ключевая роль семьи и благоприятного семейного окружения в утверждении, укоренении социально значимого постулата: высшее образование – не инструментальная ценность, а необходимый подготовительный этап трудовой деятельности. В этом видится один из аспектов экосистемного подхода к социализационным, самосохранительным функциям современной российской семьи.

Параграф 4 второй главы «Экологические аспекты реализации креативного потенциала сотрудника в условиях вызовов на рынке труда» (А.А. Попель, к.психол.н., доцент) сосредоточивает внимание на творческом ракурсе самореализации современного специалиста в трудовой деятельности, необходимости экологической защиты человека и его семьи от «беспрецедентного давления», по выражению автора, от негативных последствий некоторых цифровых технологий, влияющих на психологическое здоровье человека. В этой связи даются сведения о прогнозировании появления принципиально новых профессий – «куратор коллективного творчества» и «тренер творческих состояний».

Глава третья «Семья в системе здоровьесбережения человека» посвящена анализу феноменов и практик, возникающих в диаде «семья – здоровье». Семейное здоровье, понимаемое нами как нечто большее, нежели простая совокупность индивидуальных показателей здоровья ее членов, является фундаментальным компонентом потенциала, основным условием, обеспечивающим возможность успешного функционирования семейных субинститутов и выполнения ими всех социальных ролей.

В параграфе 1 третьей главы «Семья как социальный институт сбережения здоровья» (Г.Л. Воронин, д.с.н., профессор, А.В. Лаконова, аспирант ФСН) на основании обширных статистических данных анализируется роль семьи как фактора формирования и сохранения здоровья, дается дифференцированная оценка по типам семьи, ее экономико-демографическим и социально-культурным параметрам.

Беспрецедентная значимость здоровья для семейного функционирования заставляет обращать особое внимание на семьи, имеющие родственников с ограниченными возможностями здоровья. Параграф 2 «Семья с психически больным родственником в контексте системного подхода» (С.А. Судьин, д.с.н., профессор) посвящена изучению проблемного пространства и адаптивных стратегий семей, отягощенных бременем заботы о родственнике, страдающем различными типами ментальных расстройств. В основу положен сравнительный анализ данных отечественных и зарубежных исследований, в ходе которого определена специфика копинг-стратегий российских семей, а также типы ресурсов, лежащих в основе их формирования.

Биопсихосоциальная природа человека требует понимания взаимосвязи медицинских и социальных компонентов семейного благополучия. В параграфе 3 «Физическая активность ребенка-инвалида как ресурс улучшения социального благополучия его семьи» (М.В. Курникова, к.м.н., доцент) исследуется положительное влияние спортивной активности ребенка на семейный климат, опосредованное ростом его социальных и коммуникативных компетенций. Предлагается интегральная модель физической активности детей-инвалидов с непосредственным участием родителей в совместных регулярных тренировках, основанная на синтезе субъективных, нематериальных ресурсов семьи и ее ближайшего окружения.

Первый параграф четвертой главы «Бифуркации внутрисемейного взаимодействия» (А.В. Ермилова, к.с.н., доцент) вскрывает причины реализации семьей воспитательной функции, в значительной степени определяющей и здоровьесберегающие практики. Автор прослеживает

изменение соотношения типов культурного обмена, фиксируя префигуративный тип как преобладающий.

По материалам двух авторских исследований 2013-2017 гг., проведенных методом анкетирования подростков в Ивановском регионе ($n_1=120$; $n_2=163$), были определены типы бифуркаций современной полной семьи, которые в большей степени сопряжены с преобладанием электронной коммуникативной сети как средства социализации подрастающего поколения. По мнению автора, ситуация усугубляется повышенным уровнем активизации в трудовой сфере в большей степени матерей и представителей третьего поколения, что ведет к элиминации постфигуративного и кофигуративного типов культурного обмена информацией между поколениями.

Второй параграф четвертой главы (А.Л. Янак, ассистент, заведующая Межкафедральной учебно-исследовательской лабораторией по социальной работе) «Отцы в семейной экосистеме» трансформация семейно-брачных отношений рассматривается в отношении субинститута родительства. Вариативность семейной структуры напрямую касается содержания родительских ролей. В частности, большие изменения происходят в социальных практиках отцовства – от номинального биологического до включенного, вовлеченного отцовства, монородительского отцовства. Для одних мужчин отцовство – «рудиментарный статус», для других – самореализация, в том числе гражданских позиций. Об этом свидетельствуют инициативно возникающие в последние годы ассоциации отцов. В 2009 г. создан «Совет отцов г. Нижнего Новгорода», его миссия – защита детей; направления деятельности: духовно-нравственное и гражданско-патриотическое воспитание; профилактика девиантного поведения; информационно-просветительское, профориентационное; спорт и здоровьесбережение, безопасность детей.

Третий параграф четвертой главы «Семья в социальной инклюзии ЛГБТ-подростков» (Е.А. Шорыгин, аспирант) на основе анализа зарубежных и отечественных исследований освещает тему общественных и научных дискуссий вокруг проблем детско-родительских отношений в контексте гендерной идентичности подростков.

Автор касается рисков, которым подвержены подростки в период их сексуального становления: виды ксенофобии в социокультурных пространствах нижегородских школ; суицидальные настроения; алкогольные и наркотические девиации; напряжения в межпоколенных отношениях, чувство депривации, отвержение родителями. Результаты авторского исследования и исследований других социологов показали, что среди проявлений ксенофобии в школах,

наряду с альтерофобией, этнофобией более высокие показатели у гомофобии в форме кибербуллинга, вербального и физического насилия. Особое внимание уделяется трудностям каминг-аута молодых людей перед семьей, которые часто первоначально заканчиваются негативной реакцией родителей и близких. Между поддержкой и принятием ЛГБТ-подростков родителями и их самооценкой, физическим, психическим и социальным здоровьем автор усматривает прямую связь.

Параграф 4 четвертой главы «Сиблинговые отношения в семейной экосистеме» (И.Г. Голубева, магистр социологии) рассматривает микроуровень семейных отношений, а именно детскую подсистему в многообразии сиблинговых взаимодействий в семейном окружении.

Взаимоотношения сиблингов варьируются в зависимости от их пола, разницы в возрасте, структуры семьи, количества детей, родительского статуса, позитивной/негативной экологичности семейной обстановки. Семейная среда – определяющий компонент в поведении и социализации сиблингов.

Подчеркивается, что в ситуации инвалидности одного из детей проявляются как формы поддерживающего отношения со стороны братьев и/или сестер, так и вероятность проявления психологического насилия, эмоционального отторжения.

На отечественных и зарубежных исследованиях прослеживается сиблинговая система выросших, взрослых, пожилых братьев и сестер. Разветвленная сеть родственников расширяет социальный, материальный капитал семьи, отражаясь и на здоровьесберегающих семейных практиках.

Авторы монографии апробировали результаты своих исследований на международных научно-практических конференциях, инициатором которых выступал факультет социальных наук: «Здоровье как ресурс» (2009 г.), «Специфика профессиональной деятельности социальных работников» (2015 г.), «Инвалиды – инвалидность – инвалидизация» (2018 г.).

По проблематике здоровьесберегающих практик современной семьи авторами опубликованы монографии, научные статьи в значимых рецензируемых отечественных и зарубежных изданиях, в том числе:

Жизненные миры современной российской семьи: Монография / З.Х. Саралиева, Н.Ю. Егорова, М.В. Рябоконь, С.А. Судьин и др. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2015. 264 с.;

Судьин С.А. Психически больной и его семья в теории и практике социологии психического здоровья: Монография. – Нижний Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2015. 116 с.;

Егорова Н.Ю. Имеет ли российская семья шанс стать солидарной? / Н.Ю. Егорова, И.Л. Сизова // Социологические исследования. 2014. № 4. С. 97-102;

Saralieva Z.K. Parenthood and Parenting in Modern Russia / Z.K. Saralieva, I.E. Petrova, N.Y. Egorova // Asian Social Science. 2015. Vol. 11. № 3. P. 255-261;

Saralieva Z. Helping parents with chores or going out with friends: Cultural differences in adolescents' responses to potentially conflicting expectations of parents and peers / Z. Saralieva, A. Tamm, K. Kasearu, T. Tulviste, G. Trommsdorf // Journal of Adolescent Research. 2017. Vol. 4. № 32. P. 456-478;

Саралиева З.Х. Пожилые в российской негосударственной социальной работе / З.Х. Саралиева, И.Э. Петрова // Журнал исследований социальной политики. 2018. Т. 16. № 1. С. 95-108;

Воронин Г.Л. Монородительские семьи: их типы и социальный портрет одинокого родителя / Г.Л. Воронин, А.Л. Янак // Женщина в российском обществе. 2018. № 1. С. 53-66;

Судьин С.А. Два контекста health beliefs: перспективы интеграции // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2010. № 2. С. 64-69;

Саралиева З.Х. Инновационные социальные макро-, мезо- и микротехнологии // Вестник Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 3-3. С. 229-234;

Саралиева З.Х. Молодая семья в контексте социологии семьи / З.Х. Саралиева, Н.Ю. Егорова, Е.Е. Кутявина // Личность. Культура. Общество. 2015. Т. 17. № 3-4. С. 195-206;

Судьин С.А. Общественные организации социально-психиатрического профиля и психиатрия: особенности взаимодействия // Вестник Пермского Национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2016. № 2. С. 132-141;

Судьин С.А. Психическая болезнь как проблема социализации в межсиблинговом взаимодействии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2016. № 2. С. 111-117;

Судьин С.А. Факторы формирования межсиблингового взаимодействия в семьях с психически больным ребенком // Женщина в российском обществе. 2016. № 2. С. 3-11.;

Янак А.Л. Отцовская вовлеченность в семьях различных типов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 2. С. 88-97;

Saraliev Z.Kh. The Analysis of Theoretical-Methodological Approaches to the Study of Family Institution / Z.Kh. Saraliev, T.N. Otdelkina // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. № 6. S.1. P. 407-414.

Работа авторов монографии в рамках исследуемой проблематики отмечена рядом грантов:

- Грант Президента РФ для поддержки молодых российских ученых-кандидатов наук (2010-2011 гг.). Тема: Health beliefs в современной России. Номер темы Н-162-6. Руководитель темы: Судьин С.А.
- Грант ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (2009-2013 гг.). Тема: Воспитание, родительство и детство в современной семье. Номер темы Н 279-21. Научный руководитель: Саралиева З.Х. Участники: Егорова Н.Ю., Исакова И.А., Судьин С.А., Шинкаренко Е.А., Отделкина Т.Н. и др.
- Грант Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) (совместный проект РГНФ и Министерства образования и науки Нижегородской области №14-13-52601). Тема: Молодая семья с детьми в регионах ПФО. Номер темы Н-544-З, 644. Научный руководитель: Саралиева З.Х. Участники: Егорова Н.Ю., Исакова И.А., Отделкина Т.Н., Судьин С.А., Воронин Г.Л. и др.
- Грант Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) Конкурс проектов 2018 г. фундаментальных научных исследований, проводимый РФФИ совместно с субъектами Российской Федерации. Тема: Здоровьесбережение в практиках современной Нижегородской семьи. Номер темы 18-411-520002/18. Руководитель: З.Х. Саралиева. Участники: Судьин С.А., Воронин Г.Л., Егорова Н.Ю., Ермилова А.В., Кутявина Е.Е., Янак А.Л., Захаркина Т.Н., Голубева И.Г., Лакомова А.А.
- Грант Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) Конкурс проектов 2018 г. фундаментальных научных исследований, выполняемых молодыми учеными «Мой первый грант». Тема: Трансформация детско-родительских отношений в эпоху информатизации общества. Номер темы 18-311-00348. Руководитель: Янак А.Л. Участники: Захаркина Т.Н., Шорыгин Е.А.

ГЛАВА 1

СЕМЬЯ В ЭКОСИСТЕМЕ ЧЕЛОВЕКА

1.1. СТРУКТУРА И КАЧЕСТВА СЕМЕЙНОЙ ЭКОСИСТЕМЫ

Значимость Года экологии в широком и глубоком понимании и трактовке – это не только о заботе об окружающей человека внешней среде, но и о взаимодействующих с ним социальных институтов. Рассмотрим роль семьи в экосистеме человека.

Выявление и исследование структуры любой социальной системы, в нашем случае семейной, необходимы по многим основаниям:

- для полноты представления о ее содержании;
- определения основных противоречий для их предотвращения, минимизации или, если возможно, устранения;
- для обоснованного, с соблюдением интересов и семейной системы, и социума, социального контроля (его степени, форм);
- для формирования принципов сохранения, функционального совершенствования семьи как экосистемы.

Опираясь на мощный пласт зарубежных и отечественных социологических исследований и их теоретических обобщений, предложим свой взгляд на семью как важнейший элемент экологии человека.

Ключевые слова: семейная экосистема, экология семьи, экологичность семьи, структура, качества, семейная ресурсность, субъектность, ценность семьи.

Любая экосистема структурна, действует в соответствии с присущими ей принципами, опирается на диалектическую взаимозависимость экологичности мышления, сознания людей, находящихся в ее орбите, и успешности самоосуществления. Распространяется данный набор требований и на семейную экосистему. Для анализа современного состояния семьи полезна конкретизация *двух категорий: экология семьи и экологичность семьи.*

Первая предполагает создание благоприятной для человека, человеческой в прямом смысле, экологически здоровой среды обитания. В этом случае уместно вспомнить о предпринятом в середине 90-х гг. медико-экологическом картировании Нижнего Новгорода. Исследование велось при непосредственной поддержке администрации города кафедрой общей гигиены и экологии Нижегородской государственной медицинской академии под руководством д.м.н., профессора Н.А. Матвеевой. Оценивалось качество природной среды города (атмосферный воздух, почва, питьевая вода, шумовые нагрузки) и ее

воздействие на условия проживания, самочувствие и здоровье населения, особенно детей. Как и в других подобных замерах, выявился спектр экологозависимых заболеваний и состояний (в лидерах – болезни органов дыхания, онкологические и аллергические заболевания, болезнь крови и др.). Самое печальное – исследователи обнаружили, что средний возраст умерших нижегородцев от болезней системы кровообращения, злокачественных новообразований и болезней органов дыхания на 3-6 лет меньше, чем в среднем по России, что на «грязных» микротерриториях жители умирали на 5 лет раньше, чем на территориях с умеренным загрязнением [1, с. 14].

Результаты исследования были обобщены и вошли в целый ряд программ: «Нижний Новгород – духовное и физическое возрождение, 1995 г.», «Оздоровительно-реабилитационные мероприятия среди детей и беременных женщин на экологически неблагоприятных микротерриториях Н. Новгорода, 1995 г., принята «Экологическая концепция развития Нижнего Новгорода до 2001 г.» [1, с. 17].

Тогда казалось, что завершен первый этап работы более 50 высококвалифицированных специалистов и впереди создание в городе службы социально-гигиенического мониторинга.

А теперь несколько отрывков из интервью с проф. Н.А. Матвеевой 31 января 2018 г. «Природа не может самостоятельно справиться с последствиями» индустриализации, химизации и т.д. Дзержинск – «город химии», «там забыли не только о природе, но и о людях. Один из страшных эффектов – онкологические заболевания». Результаты той масштабной экспертизы были опубликованы в ряде статей, защищены диссертации. «Предметом моей гордости является учебник, который переиздавался 2 раза – «Гигиена и экология человека». 3-е издание 2017 г. отмечено дипломом». «Сейчас у власти, наверное, нет интереса к этим проблемам, а самостоятельно ученым это не под силу, нужны материальные средства».

Вторая категория экологичности семьи включает следующие критерии качества семьи как экосистемы:

- ресурсность (материально-финансовые, жилищные условия, собственность; физические, здоровье; чувства любви, доверия, уважения, взаимопонимания, эмпатии, сплоченности; эмоционально-психологическое равновесие; социальный статус, социальные связи; интеллектуальный потенциал, уровень образования членов семьи; престижность профессии; коммуникативно-информационный; адаптационный; креативный; просемейные ценности);

- самооценка (адекватная/неполноценная/преувеличивающая своей ресурсности);
- самоактуализация, соотнесение себя с социальными запросами, готовность к самореализации и полноценному функционированию здесь и сейчас, одновременно не теряя перспективных, стратегических целей;
- эффективная функциональность, структурная полнота функций; гармоничность, качественность их реализации, стремление к самосовершенствованию;
- внутренний самоконтроль, саморегуляция, основанные на доверии, заботе, взаимопомощи, неконфликтности, толерантности;
- эмпатичность, сопереживание, заинтересованная, ответственная вовлеченность всех членов семьи во внутреннее и внешнее взаимодействие;
- ориентация на позитивное и эффективное реагирование на неблагоприятные внешние вызовы, прежде всего, с опорой на свои силы, а не на поддержку извне, ориентация на независимое, автономное самоосуществление и самообеспечение;
- поливекторность, интенсивность, эмоционально-психологического общения всей семьи, по возможности с активным и паритетным участием всех поколений, инклюзивное поведение, накопление совместного опыта преодоления сложных жизненных ситуаций;
- формирование, сохранение, преумножение и конвертируемость всех видов капиталов (физического, человеческого, социального);
- семья – открытая система, отсюда необходимость гибких форм мобильности: превалирующие представления о ее направленности (село → город; в карьерно-профессиональной сфере; оптимальности увеличения в соответствии со своей ресурсностью; совмещение, смена семейных ролей (взрослеющие дети выступают в роли семейного ядра);
- способность к максимальному использованию социальных лифтов для обеспечения более высокого статусного положения с целью совершенствования возможностей для удовлетворения возрастающих потребностей семьи в целом и ее членов;
- социальная защищенность семьи, которая обеспечивается ее межинституциональным взаимодействием, главным образом, с институтами труда, образования, здравоохранения, культуры, государством как носителем семейной политики;

- здоровьесберегающие технологии для обеспечения санитарно-гигиенического, экологического благополучия, культура взаимодействия с природой.

Все эти качества в совокупности и определенной неранжируемости в значимости обеспечиваются через выработанный в семье механизм выравнивания и наращивания потенциала всех ее членов, повышения самооценки как гаранта избегания резких различий, возможных конфликтов, отчуждения, зависти, агрессии.

Экологически ценностно цельные семьи не имеют неразрешимых противоречий, затяжных конфликтов интересов между поколениями семьи, супругами, сиблингами. Приведем несколько примеров нарушения этой целостности, относящихся к различным сферам семейного взаимодействия:

- нарушение полноты семейной структуры как следствие недопустимо высокого уровня разводов, замещающее родительство, часто неспособное удовлетворить потребность детей в родительской любви и заботе;
- несовпадение биологического и социального родства, проявления безответственного родительства;
- проявление экологического неблагополучия современной российской семьи, отражающееся в масштабах социального сиротства; психологически и педагогически запущенные и брошенные дети, что с трудом и далеко не всегда преодолевается в детских государственных учреждениях и замещающих семьях;
- допущение некоторых девиантных отклонений в образе жизни (алкоголизм, наркомания, табакокурение и др.);
- условия ведения и содержание семейного бизнеса, возможно, не согласующиеся с экологическими требованиями;
- разногласия в понимании значимости и соотношении частей семейного капитала – физического, человеческого, социального;
- различия в представлении членов семьи приоритетов материально-финансовых или духовно-нравственных ценностей;
- рассогласование взглядов старшего семейного поколения на направление и образовательный уровень детей, представлений о высшем образовании как инструментальной или терминальной ценности;

- неодобрение новых форм семейно-брачных отношений (конкубинат, осознанно монородительские материнские семьи, сожителство, разделенные семьи);
- частично-избирательное предпочтение тех или иных функций, выпадение из фокуса внимания родителей, например, социокультурной, когнитивной функции;
- семейные разлады, определяющиеся разными подходами к распределению семейных ролей – сторонников гендерной симметрии/асимметрии;
- разные взгляды на проведение досуга (предпочтение пассивного ничегонеделания или спортивного отдыха, в зонах умеренного климата или климатически активных южных районах).

В социологии приняты категории социально слабые или сильные, слабо- или сильноресурсные семьи. С позиции нашего подхода к семье как экосистеме, можно говорить об экологически благоприятном семейном взаимодействии и функциональной полноте конкретной семьи как социального института или об экологическом неблагополучии, функциональной неполноте.

Институты социальной поддержки семьи (социальные государственные и негосударственные учреждения), социально-психологического вспомоществования (социальная работа), психологические службы призваны помочь семье в достижении основных критериев экологического благополучия.

Схематически это можно представить следующим образом:

- преодоление существующего разногласия между ценностным императивом социума, представлениями семьи о своих потребностях и способах их удовлетворения, взглядами отдельных членов семьи на правила поведения и связях с окружающим миром;
- сравнение нормативных представлений о благоприятном семейном взаимодействии с реальной картиной семейных взаимоотношений (в оценке, например, психологов и социальных работников) и в семейной самооценке;
- социальная диагностика обнаружения внутренних и внешних факторов, определяющих состояние и саморефлексию семьи;
- непосредственная социально-психологическая терапия, стимулирующая семью к позитивным изменениям.

Почему мы не акцентируем внимания на финансово-материальных формах поддержки семьи, что занимает большое место в объеме современной

семейной социальной политики? Ответ: многочисленные социологические замеры позволяют сделать вывод *об определяющей роли* субъективного фактора, умонастроения, интенции самой семьи или, как необходимый минимум, родительского ядра. Экологичность семьи как ее суммирующее качество зависит именно от этого обстоятельства: далеко не все материально благополучные семьи экологичны, как и материально слабые не обязательно имеют серьезные изъяны своей экологичности. Качество жизни семьи в интерпретации понятий «экологический стиль жизни», «экологичность взаимодействия с внешним миром» выводит нас на категорию социальной субъектности, которую мы понимаем как осознание семейных проблем, ответственный выбор способов их разрешения, восприятие семейных функций и ролей в единстве их социальной и индивидуальной значимости [2, с. 297].

Считаем уместным привести некоторые данные проведенного в Нижнем Новгороде в декабре 2017 г. анкетирования студентов (n=188) в рамках международного исследования мнения молодых людей об их ценностных ориентациях, взаимодействии молодежи и общества, отношении к политике и власти, каналах получения информации, которые выявили противоречивые оценки семьи в жизненных приоритетах молодого поколения. При определенном различии мнений респондентов 18-летних и тех, кому около 30 лет, первокурсников, получающих или получивших высшее образование, разной этнической принадлежности, общая картина такова: в жизненных ценностях семья, дети, счастье в семейной жизни занимает 4-ую позицию после здоровья, любви, работы, что нельзя не признать правомерным. Крепкая семья – 2-ое место в критериях благополучной жизни. Но в жизненных целях лишь 7% респондентов указали создание прочной, счастливой семьи, и всего 4% свое будущее связали с позицией «стать хорошим родителем» (можно было выбрать из перечня 16-ти ответов только один). В этом случае семью опередила с большим отрывом цель создания собственного бизнеса, на три процентных пункта «иметь возможность приобрести дорогие вещи». Не нашли мы и прогнозируемых существенных гендерных различий.

Противоречия проявились и во многих ответах на вопросы: «пять наиболее важных ценностей» и «представление о благополучной и счастливой жизни» (три варианта на выбор). Не попав во многих ответах в пятерку важных ценностей, крепкая семья вошла, тем не менее, в число качеств счастливой жизни. Опрос студентов также показал, что разница в возрасте (от 18 до 32 лет) проявляется, подчас довольно резко, в разных позициях семьи в ценностях и жизненных планах респондентов. У 18-летних семья, дети часто не отмечены в числе пяти наиболее важных ценностей.

Возможно, отмеченное противоречие отражает ограниченность предложенных в анкете вариантов выбора той или иной позиции. Нередко параметр «Другое» позволяет не только уточнить позиции респондентов, но фактически является скрытой критикой предложенных в анкете вопросов. Некоторых студентов не удовлетворили, в частности, названные критерии благополучной жизни. По их мнению, «благополучие – это и жилье, и занятие наукой, достойная жизнь своих детей», «получить работу, которая будет нравиться», «саморазвитие», «крепкая семья, возможность заниматься любимым делом». (В качестве курьеза, «не быть балбесом»).

Контент-анализ с использованием специализированного пакета «Лекта» серии глубинных интервью со школьниками, учащимися ссузов и ПТУ, молодыми специалистами (как вторая составная часть международного исследования) позволил отнести семью и здоровье к традиционным ценностям в представлении молодежи. Участвовало 50 респондентов от 15 до 32 лет. Как нередко в интервью, в отличие от анкетирования, респонденты более развернуто и откровенно излагали свои позиции. Например, женщина, 29 лет, высшее образование: «Я хочу родить второго ребенка, состояться как мать двоих детей, заботиться о семье и иметь здоровых родителей и друзей». Ответ 17-летней девушки: «Мой смысл жизни заключается в рождении ребенка». Мнение 16-летнего юноши: «Смысл жизни в семье. Жизнь надо прожить так, чтобы тебя запомнили».

Предложенный организаторами исследования инструментарий, вопреки нашим ожиданиям, не включил не только, с нашей точки зрения, необходимый экологический блок, но даже не содержал ни одного вопроса экологической направленности ни в разделе о жизненных ценностях, ни в критериях благополучной и счастливой жизни, ни в таком вопросе, где он, в нашем представлении, обязателен – об обеспечении национальной безопасности нации и государства.

Еще раз подчеркнем, именно поэтому мы взяли рассмотреть некоторые факторы жизни и поведения современной семьи как самой близкой к человеку экосистемы.

Родители в семейной экосистеме

Касаясь этого аспекта семьи как экосистемы, сосредоточим внимание на влиянии социального положения, образования, профессиональной мобильности родителей на образовательные траектории детей. То есть, воздействии

(стимулирующим или тормозящим) родительских позиций, семьи на стратификацию современных обществ.

Существует два аспекта проявления этого воздействия: опосредованное, когда сам образ жизни родителей определяет судьбу детей; непосредственное, сопряженное с осознанными намерениями и усилиями родителей повлиять на выбор детьми их жизненной стратегии.

В обоих случаях следует принимать в расчет ориентации, интенции самих детей и их ресурсный багаж и на запросы и требования социальной экосистемы, которая во многом определяет жизнь семьи. Оптимально: совпадение запросов социума, усилий родителей и готовности детей для поддержания уровня социально-экологического благополучия семьи как института и малой группы, то есть избежание нисходящей мобильности, в идеале – достижение семьей более высокого стратификационного положения.

Родители – ядро семейной системы, гарант достижения семьей необходимых характеристик для обеспечения стабильности, гармоничности ее жизнедеятельности и внутрисемейного взаимодействия.

Родительство в наибольшей степени аккумулирует и институциональное начало (обеспечение функциональной полноты, социального контроля), и самосохранительные, консолидирующие и развивающие усилия малой социальной группы.

Дети в семейной экосистеме

Исследование благополучия детей в их самооценке/субъективном благополучии возможно с выходом за границы семейного взаимодействия, распространив его на привычное первичное окружение – школу и сверстников. Замеры социологов детства показывают, что по мере взросления именно детское сообщество приобретает все большую значимость для подростков, определяя позитивную или, нередко, девиантную окраску социальной экологии.

Наше внимание привлекло новаторское международное исследование, проведенное в последние годы в восьми европейских странах, на выявление зависимости между реализацией прав ребенка и его восприятием качества своей жизни. Опрошено было 8 149 респондентов. В связи с тем, что это были восьмилетние дети, вопрос и ответы им зачитывались, для ответов использовались смайлики. Интервьюеры могли что-то комментировать, но не подсказывать ответы. Опрос был посвящен правам ребенка на заботу, безопасную жизнь, справедливое отношение, быть услышанным. В

совокупности они должны были показать восприятие ребенком своего благополучия, которое формулировалось как утверждение «У меня хорошая жизнь». Предлагалось согласиться или нет со следующими показателями благополучия: I. Я чувствую себя в безопасности дома. Я чувствую себя в безопасности в школе. II. Мои родители меня слышат и считаются с моим мнением. Мои учителя меня слышат и считаются с моим мнением. III. Мы хорошо проводим время с семьей. Мы хорошо общаемся с друзьями. IV. Мои родители ко мне справедливы. Мои учителя ко мне справедливы.

Обработка данных показала, что полностью согласных с утверждением «У меня хорошая жизнь» было от 69% до 82%, лучше всех у детей Польши и Испании, скромнее оценки детей Германии и Соединенного Королевства. Авторы исследования доверились субъективной оценке детей, применяя понятие «компетентного ребенка», правда, соглашаясь с тем, что следует принимать во внимание социальное окружение и ценностно-культурный контекст жизни детей разных стран. Общий вывод, в жизни восьмилетних детей позитивно определяющую роль играет семья, различий в ответах девочек и мальчиков не обнаружено [3].

Мы так подробно остановились на этом международном исследовании, потому что наши родители и учителя в массе своей не готовы к серьезному восприятию мнения учащихся 1-2-х классов, а тем более принимать их во внимание, решая те или иные проблемы семейной и школьной жизни. Следовательно, семья и школа как две институциональные экосистемы не реализуют свою ресурсность во взаимодействии с детьми, тем самым ослабляя свои позиции их референтного окружения.

Семья – важнейший субъект трансформации современного мира. Субъектность того или иного актора имеет несколько ступеней/степеней вариабельности, зрелости: от порой смутного понимания цели, неумения сформировать на ее основе задачи, подобрать оптимальный способ их реализации до полной конгруэнтности ясной цели – четких задач – социально приемлемых, эффективных средств. В этом процессе «от» – «до» и застревают многие противоречия в оценке значимости семьи в жизни людей, толковании семейных ценностей, проблем. С этой точки зрения (а все это, на наш взгляд, касается исследуемой проблемы семейной экосистемы), стоит еще раз использовать новейшие исследования социальной активности российской молодежи, масштабов и факторов ее сдерживания, проведенные рядом социологических центров. Один из вопросов к респондентам касался причин регулярного их неучастия в общественной деятельности. Среди ответов по удельному весу на 2-м месте были такие: «Все силы уходят на поддержание

приемлемого уровня жизни для себя и своей семьи», «много времени уходит на помощь родным и близким», «на чужих времени просто не остается» [4, с. 356]. Другими словами, молодежь заинтересованностью делами родных и близких (участие в семейной экологии) оправдывает свой абсентеизм в экологии социума.

Непонимание взаимосвязи ближнего и дальних миров проявляется и в разной оптике, как в бинокле. С одной стороны, свой жизненный успех молодые люди связывают с семейным благополучием (37%), но с другой – «отсутствие взаимопонимания с родителями» заботит лишь 15-16% [4, с. 359-360]. В очередной раз зафиксируем незрелость современной молодежи в понимании ценности семьи как ближайшей к личности среды обитания, «погоды в доме».

Рассмотрение современной российской семьи требует совмещения макро- и микросоциологических подходов к ее исследованию как социального института и малой социальной группы. Именно в этом случае удастся комплексно представить семейную экосистему в экологическом пространстве бытия человека и природы, экологичность самой семьи.

Литература

1. Матвеева Н.А. Медико-экологическое картирование Нижнего Новгорода: здоровье населения и природная среда. Актовая речь. – Нижний Новгород: Изд-во НГМА, 1997.
2. Саралиева З.Х. Система социальной работы. Монография. – Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2008. 315 с.
3. Kutsar D. et al. Does the Realisation of Children's Rights Determine Good Life in 8-Year-Olds' Perspectives? A Comparison of Eight European Countries // Child Indicators Research. – DOI: <https://doi.org/10.1007/s12187-017-9499-y>.
4. Сохадзе К.Г. Социальная активность российской молодежи: масштабы и факторы сдерживания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2017. Т. 17. № 3. С. 348-361.

STRUCTURE AND QUALITY OF FAMILY ECOSYSTEMS

The importance of the year of ecology in our wide and deep understanding means not only caring about the environment itself but also about these social institutions that interact with the human. We suggest examining the role of a family in human ecosystem.

The identification and examination of the structure of any social system, in our case a family one, is necessary for many reasons:

- *to get a clear idea of its contents;*
- *to identify the key contradictions for their further prevention, minimization or, if possible, elimination;*
- *to ensure well-grounded social control with reference to interests of both the family system and the society (its degree, forms);*
- *to develop principles of conservation and functional improvement of the family as an ecosystem.*

Relying on multiple foreign and domestic sociological studies and their theoretical generalizations, we will share our views on the family as an important element of human ecology.

Keywords: family ecosystem, family ecology, structure, qualities, family resources, subjectivity, value of family.

1.2. СЕМЬЯ ПЕРЕД ЛИЦОМ ГЛОБАЛЬНЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Рассматривается роль семьи в решении проблем современного общества, оказавшегося перед лицом глобальных экологических изменений. Подробно исследуются задачи семьи при решении проблем межпоколенной справедливости и непрерывного поступательного развития государства и отдельных территорий. Перечислены новые направления эмпирических исследований в Германии, связанные с отдельными сторонами жизни семьи и функционирования домашнего хозяйства.

Ключевые слова: семья, экологические изменения, межпоколенная справедливость, непрерывное развитие, экология.

В последние годы все чаще не только в политических, но и в научных кругах Германии обсуждаются темы так называемой межпоколенной справедливости (Generationengerechtigkeit) и непрерывного поступательного развития государства и отдельных территорий (nachhaltige Entwicklung). С правовой точки зрения, под межпоколенной справедливостью понимается обеспечение справедливого доступа разных поколений к таким ресурсам и услугам, как чистая окружающая среда, социальное государство, правовое государство, демократические принципы, защита семьи и брака, обеспечение прожиточного минимума, защита собственности и права наследования, защита от принудительного членства в организациях, принцип равенства всех перед законом. Следует отметить, что понятие межпоколенной справедливости, по мнению немецких социологов, имеет четыре измерения: экономическое, политическое, социальное и экологическое. Именно такой подход к реализации принципа межпоколенной справедливости позволит обеспечить государству непрерывное поступательное развитие. Появился даже термин – «четырёхугольник непрерывного развития» (Nachhaltigkeitsviereck) [1]. При этом большинство ученых согласны с тем, что среди всех компонентов, входящих в понятие межпоколенной справедливости, в обязательном конституционном закреплении в первую очередь нуждается принцип защиты основ естественной жизнедеятельности человека, к которому относится и чистая окружающая среда [2].

Тремя предпосылками непрерывного поступательного развития федеральных земель, территорий и регионов (и отдельных поселений, входящих в них), по мнению немецких исследователей, являются модернизация, гибкость, создание социальных и инфраструктурных сетей (сетевизация). Для этого необходимо последовательное и многоступенчатое

согласование интересов, прежде всего, на межкоммунальном уровне, а затем и на уровне городов и пригородов. Только так можно выработать единый план развития территории. В этой связи особая роль отводится коммунальной политике, которая получает новые возможности и компетенции для решения стоящих перед ней задач [3]. Однако реализация эффективной коммунальной политики невозможна без умения договариваться, вести диалог между поколениями, сообща преодолевать возникающие трудности.

Итак, для согласования интересов отдельных поколений необходим диалог между поколениями, который на первичном уровне осуществляется, прежде всего, в семье. В каких же условиях существует современная немецкая семья? Немецкие ученые отмечают, что до 2030 г. демографическая ситуация в Германии будет характеризоваться двумя основными тенденциями: во-первых, продолжающимся старением и сокращением численности коренного населения; во-вторых, перемещением основной массы населения крупных городов в пригородные зоны (субурбанизация). Таким образом, в будущем сохранится большой спрос на отдельно стоящие многоквартирные жилые дома, а также на промышленные и торговые площади в зеленой пригородной зоне. Параллельно у населения будут возникать новые жизненные стили и появляться новые формы ведения домашнего хозяйства. Именно поэтому уже сейчас управленцы и политики вместе с учеными должны не только решать вопросы экологической, транспортно-технической и социальной совместимости, но и проверять уже найденные решения на их жизнеспособность [4].

В последние десятилетия тема непрерывного поступательного развития стала составной частью политики по охране окружающей среды. В связи с этим в развитых промышленных странах возникла необходимость адаптировать потребление энергии и продуктов питания к стоящим перед обществом новым задачам. До этого момента потребительская культура в сфере питания исследовалась достаточно мало, несмотря на то, что и для каждого человека в отдельности, и для всего общества в целом тема питания имеет первостепенное значение и напрямую связана с реализацией концепции непрерывного развития. В настоящее время немецкие и австрийские социологи вновь ищут ответы на следующие вопросы: какова структура питания отдельного человека; какие факторы влияют на изменение этой структуры; как изменяется структура питания в зависимости от работы, свободного времени, семьи, модных тенденций; как наилучшим образом адаптировать стиль питания людей к решению задачи по обеспечению непрерывного поступательного развития государства? [5]

В частности, большой популярностью пользуются исследования о потреблении экологически чистых продуктов. Немецкие ученые констатируют, что объем рынка экологичных биопродуктов в Германии постоянно растет, оборот товаров на нем ежегодно увеличивается, поэтому для развития данного рынка необходима информация о поведении и предпочтениях потребителей, как изменяется потребление экологичных биопродуктов в семьях с детьми по мере взросления последних, а также о том, какие факторы вызывают подобные изменения [6]. Кроме того, в результате применения количественных методов исследования установлено, что данный сегмент рынка, помимо семей с детьми, включает пять групп потребителей: убежденных сторонников здорового питания; успешных и обеспеченных людей с высокими запросами; потребителей в возрасте от 50 лет и старше, заботящихся о своем здоровье; дистанцирующихся скептиков; молодежь, следующую моде и еще не принявшую окончательного решения о системе питания. Исследования показывают, что особой популярностью здоровое питание пользуется у респондентов среднего и старшего возраста от 40 до 60 лет, в отличие от возрастной группы до 30 лет [7].

Немецкие социологи активно исследуют базовые потребительские ценности различных социальных групп немецкого общества. В частности, они выделяют так называемых традиционалистов, гедонистов, группу, ориентированную на эксклюзивное потребление, а также группу эстетов. Кроме того, существуют непривилегированные социальные группы со стойкими пораженческими ориентациями. Каждой из этих групп соответствует свой жизненный стиль, в котором экологические ценности занимают соответствующее место. Данная информация используется разработчиками и производителями экологически чистой мебели для одно- и двухквартирных домов и офисов, в частности, для кабинетов, кухонь и гостиных. Выпускаемая мебель должна соответствовать самым высоким экологическим и социальным стандартам и отвечать потребностям различных групп потребителей, например, одиноких, семейных, семей с одним ребенком, многодетных семей. Таким образом, речь идет о строительстве и оборудовании экологически чистых жилых и рабочих помещений с низким энергопотреблением [8].

При этом немецкие ученые также констатируют, что у них отсутствуют данные об исторической эволюции энергопотребления в небольших многоквартирных домах с индивидуальным отоплением. Однако сейчас уже известно, что энергопотребление в подобных домах начало снижаться примерно с 1997 г. и за последующие 10 лет сократилось на 19%. Подобное снижение энергопотребления обусловлено внедрением новых отопительных

технологий. Данные были получены в результате исследования, проведенного в Северной Германии, выборка которого предусматривала опрос 25000 семей, проживающих в подобных домах [9].

Исследования жилых помещений, проводимые немецкими социологами, направлены не только на снижение энергопотребления и оснащение домов и квартир экологически чистой мебелью. Общеизвестной является взаимосвязь между принадлежностью к социальному слою и соответствующими типичными заболеваниями. Уровень загрязнения воздуха внутри и снаружи жилья также зависит от социального положения проживающих. Данные исследований, проведенных в Германии, показывают, что около трети беременных женщин и новорожденных детей подвергаются большой опасности в результате воздействия вредных веществ в квартирах, нуждающихся в проведении ремонта (как правило, речь идет о старом жилом фонде). Но существует и еще одна опасность. Очень часто родам предшествует переезд на новое место жительства (или покупка нового жилья), сопровождающийся ремонтом. По мнению немецких социологов, необходимо предупреждать молодые семьи, ожидающих ребенка, что проведение интенсивных ремонтных работ может самым негативным образом сказаться на здоровье матери и ребенка. Во время беременности и в послеродовой период должен действовать девиз: «чем меньше ремонтных работ, тем лучше» [10].

Другие специалисты по семейному быту активно занимаются исследованиями досуга детей и подростков, в частности, соответствующей вспомогательной инфраструктуры – игровых и спортивных детских площадок. Немецкие социологи установили, что не все игровые площадки имеют рукотворный характер и регулярно проверяются на соответствие строгим немецким стандартам по безопасности. В данном случае речь идет о пространстве для общения детей с естественной природной средой (Naturerfahrungsräume). Этот термин обозначает естественные природные ландшафты на территории города, которые уже несколько десятилетий существуют без вмешательства человека или были созданы искусственно в результате разовой акции (например, насыпь холмов, закладка озер, высаживание растений, кустов, деревьев). Рукотворные объекты должны в дальнейшем также оставаться без вмешательства человека (деревья не должны подрезаться, трава стричься, сорняки выпалываться). Как показывают исследования, естественные и искусственные игровые площадки по-разному влияют на поведение и игровую активность детей. Естественная природная среда предлагает детям особый вид опыта, другие возможности и другое качество времяпрепровождения, чем обычные искусственные спортивные и

игровые площадки. Дети, играющие в естественной природной среде, могут дольше оставаться без родительского присмотра, им меньше нужны воспитательные учреждения полного дня, они дольше остаются на улице [11].

Тем не менее, для обеспечения непрерывного поступательного развития этого не достаточно. Именно поэтому у детей и подростков необходимо в раннем возрасте формировать и экологическое сознание, и экологическое поведение, что означает воспитание соответствующих ценностных ориентаций и желания активно участвовать в решении экологических вопросов, конкретного повседневного поведения, знания об экологических проблемах в месте проживания, а также получение первичной информации об окружающей среде в семье от родителей, умение взаимодействовать со сверстниками при решении экологических вопросов. Кроме того, дети и подростки должны уметь не наносить своим поведением экологического ущерба при прогулках как в городе, так и в пригородной зоне, а также осознавать опасность глобальных экологических проблем [12].

Успешное формирование экологического сознания и экологического поведения у детей и подростков не означает, что они не будут подвергаться вредным воздействиям, вызванным, например, использованием транспорта. Когда речь заходит о транспорте, то, как правило, в первую очередь, упоминаются темы, связанные с экономикой и техникой. Тот факт, что шум и загрязнение воздуха, вызванные транспортом, являются причинами стресса, от которого больше всего страдают семьи, в первую очередь дети, часто не воспринимается как одна из основных проблем политики в области транспорта. Эту проблему не в состоянии решить отдельные активисты, поэтому немецкие ученые в последнее время активно выступают за расширение привычных рамок трактовки задач политики в области транспорта, в частности, за укрепление в сознании чиновников тесной связи, существующей между семейной политикой, политикой в сфере здравоохранения и политикой в области транспорта [13]. В этой связи необходимо сказать и о том, что с середины 70-х гг. прошлого века тема организации транспортного сообщения перестала быть интересной для политиков. Менялись министры путей сообщения, их имена не оставались в памяти населения. Однако климатические, структурные демографические и экономические изменения, рост дефицита государственного бюджета полностью изменили привычную ситуацию в транспортной сфере. Вновь стал актуальным вопрос не только о ценах на транспортные услуги, но и о роли государства в обеспечении функционирования общественного транспорта, о предотвращении или, как минимум, смягчении негативных последствий использования транспортных средств [14].

Что касается взрослых членов семьи, то здесь стоит упомянуть о двух интересных направлениях исследований. Во-первых, в последнее время обсуждение уже привычной зависимости между здоровьем, продолжительностью жизни населения и экологией дополняется еще одним фактором – гендерной принадлежностью, определяющей не только профессиональную деятельность (ведь разделение на мужские и женские профессии продолжает существовать), но и выполнение определенных работ по дому. Таким образом, мужчины и женщины подвергаются разным негативным воздействиям окружающей среды и, соответственно, имеют впоследствии различные проблемы со здоровьем. Это означает, что в завершающей жизненной фазе им будут требоваться различные уход и лечение. В данном случае можно говорить об еще одной выявленной форме гендерного неравенства [15].

Во-вторых, в течение последних двух десятилетий не только в Германии, но и во всем мире пользуется большой популярностью тема о кадровой политике предприятия, направленной на поддержание семьи (*familienbewusste Personalpolitik*). Цель этой политики в обеспечении совмещения профессиональной и семейной жизни. Такой подход должен повысить экономическую эффективность деятельности предприятия. Именно поэтому, как правило, во всем мире для оценки результатов проведения подобной политики на предприятии применяются количественные методы анализа. Немецкие же социологи в свою очередь констатируют общую недостаточность теоретической базы, а также говорят о необходимости проведения качественных исследований в этой сфере [16].

Необходимо также упомянуть и об аграрных реформах, проходящих в ряде стран Европейского Союза и вызванных экономической, экологической и социальной переориентацией национальной аграрной политики на концепцию непрерывного устойчивого развития. В первую очередь, речь идет о потере привычных для фермеров ценовых и сбытовых гарантий со стороны государства. Именно поэтому многие крестьянские семьи вынуждены переориентироваться и менять устоявшийся экономический уклад. Однако экономический уклад крестьянской семьи напрямую связан с концепцией семейного уклада, со всей структурой миропонимания и мироустройства, выработанной в семье. Именно поэтому для успешного изменения экономического уклада крестьянского семейного хозяйства необходимо совместить его с реформой концепции семейного уклада. Подобные изменения возможны только при совмещении новых потребностей индивида, семьи и

предприятия, что часто является очень непростой задачей, решить которую без помощи социологических исследований практически невозможно [17].

В заключение несколько слов об исследовании жилых строений, обеспечивающих высокий комфорт семейного проживания и с точки зрения конструктивных особенностей, а также экономических, экологических и социальных характеристик, отвечающих требованиям непрерывного развития территории. Под данную категорию подходят, в частности, жилые кварталы с плотной застройкой из таунхаусов (домов рядной застройки) с небольшими земельными участками, а также другие типы жилья, обеспечивающие проживание в отдельном доме. Жителей подобных домов опросили на предмет того, какие именно характеристики жилья, по их мнению, отвечают требованиям непрерывного развития, а также представляют наибольшую имущественную ценность (в том числе, и для передачи по наследству) и соответствуют экологическим требованиям, предъявляемым к жилым строениям. Исследование показало, какие требования к качеству жилья существуют у населения, а также позволило определить типы жилых строений, в максимальной степени отвечающие стратегии непрерывного развития территории [18].

Таким образом, традиционные для социологии направления исследования семьи дополняются в современном обществе разнообразной экологической тематикой, вопросами межпоколенной справедливости и непрерывного развития территорий. Это означает, что проблемы, возникающие в сложном глобальном мире, касаются каждого человека, каждой семьи. Да и решение этих проблем часто приходится искать не на макроуровне, а на уровне отдельного домашнего хозяйства.

Литература

1. Aßländer M.S., Suchanek A., Ulshöfer G. Generationengerechtigkeit als Aufgabe von Wirtschaft, Politik und Gesellschaft, (DNWE-Schriftenreihe, 15), München: Hampp. 2007. 195 s.
2. Welti F. Rechtliche Aspekte von Generationengerechtigkeit // Kritische Justiz. Jg. 37/2004. H. 3. S. 255-277.
3. Ekardt F. Theorie der Nachhaltigkeit. Rechtliche, ethische und politische Zugänge – am Beispiel von Klimawandel, Ressourcenknappheit und Welthandel. Baden-Baden: Nomos Verlag. 2011. 735 s.
4. Forschungsprojekt STADT+UM+LAND 2030 Region Braunschweig Teilprojekt Mobilitäts-Stadt-Region. URL: http://www.wvigmbh.de/fileadmin/user_upload/pdf/Projektblatt_Stadt2030.pdf (дата обращения 21.11.2017).

5. Brunner K.-M., Geyer S., Jelenko M., Weiss W., Astleithner F. Ernährungsalltag im Wandel Chancen für Nachhaltigkeit. 2007. XII. 244 s.
6. Riefer A. Veränderungen im Öko-Lebensmittelkonsum in Familien mit Kindern und deren Hintergründe. Kassel. 2010. VI. 216 s.
7. Leitzmann C., Pfaff S. Praxishandbuch Bio-Lebensmittel. Loseblattwerk, Behr's Verlag, Hamburg. 2012. S. 1-12.
8. Kreibich R. Das Jahrhundert der nachhaltigen Entwicklung. Integriertes Roadmapping and Sustainable Value als Methoden zur Durchsetzung nachhaltiger Innovationen // Ressourcenmanagement. B.A.U.M. Jahrbuch 2011. München: ALTOP Verlag. 2011. S. 44-47.
9. Ermittlung von Effekten des KfW-CO2-Gebäudesanierungsprogramms. URL: https://www.kfw.de/DE_Home/Research/Sonderthem68/PDF-Dokumente/effekte_des_kfw-co2-gebauedesanierungsprogramms_2005_und_2006.pdf (дата обращения 20.11.2017).
10. Elvers H.-D., Bolte G., Borte M., Diez U., Kabisch S., Wichmann H.-E., Herbarth O. Einflüsse der sozialen Lage auf die Wohnumwelt von Neugeborenen: Ergebnisse einer epidemiologischen Studie zu Renovierungsaktivitäten im Innenraum // Umweltgerechtigkeit: die soziale Verteilung von Umweltbelastungen, Weinheim: Juventa Verl. 2004. S. 117-138.
11. Grün in der Stadt – Für eine lebenswerte Zukunft. URL: https://www.bmub.bund.de/fileadmin/Daten_BMU/Pool/Broschueren/gruenbuch_stadtgruen_broschuere_bf.pdf (дата обращения 23.11.2017).
12. Umweltverhalten im Alltag österreichischer Jugendlicher: Analyse der Teilerhebung zur Fessel-GfK Jugend-Online Studie 2003. Wien 2004. 20 s.
13. Flade A. Die sozialen Kosten des Verkehrs // Handbuch Verkehrspolitik, Wiesbaden: VS Verl. für Sozialwiss. 2007. S. 490-509.
14. Canzler W., Knie A., Schöller O. Ende des Modells Deutschland: der demographische Wandel macht eine neue Verkehrspolitik nötig // WZB-Mitteilungen. 2007. H. 115. S. 21-24.
15. Pauli A., Hornberg C. Gender-Perspektiven im Kontext Umwelt und Gesundheit // Zeitschrift für Frauenforschung und Geschlechterstudien. Jg. 25/2007. H. 2. S. 44-62.
16. Juncke D. Betriebswirtschaftliche Effekte familienbewusster Personalpolitik: Forschungsstand, (Arbeitspapier / Forschungszentrum Familienbewusste Personalpolitik. Nr. 1/2005). Münster, 2005. IV. 48 s.
17. Rossier R. Familienkonzepte und betriebliche Entwicklungsoptionen: Entscheidungsmuster und Handlungsorientierungen von Bauernfamilien. Agroscope. FAT Tänikon. 2004. 105 s.

18. Weeber H., Bosch S. Nachhaltig gute Wohnqualität. Beispielhafte Einfamilienhäuser in verdichteter Bebauung. Bauforschung für die Praxis. Weeber und Partner, Institut für Stadtplanung und Sozialforschung, Stuttgart/Berlin. 2004. 220 s.

D.A. Shpilev

FAMILY IN THE FACE OF GLOBAL ECOLOGICAL CHANGE

The article examines the role of the modern family in solving the problems of modern society, faced with global ecological change. The tasks of the family in solving problems of intergenerational justice and the continuous progressive development of the state and individual territories are studied in detail. New directions of empirical research related to individual aspects of family life and the functioning of the household are listed.

Keywords: family, ecological change, intergenerational justice, continuous development, ecology

1.3. СОВРЕМЕННАЯ СЕМЬЯ В СИСТЕМЕ СУПРУЖЕСТВА–РОДИТЕЛЬСТВА–РОДСТВА

Семья рассматривается как микросистема в экосистеме человека, как первичная среда формирования личности. В этом контексте современная семья анализируется через призму основных структурных элементов: супружества, родительства, родства. В качестве эмпирической базы используются данные последних переписей населения (2002, 2010, 2015 гг.), а также материалы Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ. Выделяются направления изменений в сфере супружества, родительства, родства. Подчеркивается трансформация системы в целом и отдельных ее элементов. В качестве особенностей современной семейной микросистемы человека называются, во-первых, уменьшение размеров первичной группы, во-вторых, нестабильность микросреды вследствие распространения новых семейных стратегий, в-третьих, возможность частичного включения супружества–родительства–родства в экосистему современного человека. Структурные изменения экосистемы человека меняют представления о семье как малой группе, приводя к многообразию дефиниций и появлению новых терминов, а также качественно преобразуют всю систему первичных взаимодействий.

Ключевые слова: экосистема, семья как микросистема человека, супружество, родительство, родство, семья как малая группа.

Системный и биоэкологический подходы к анализу семьи как микросреды человека. Системный, экологический, биоэкологический подходы к анализу семьи являются важными теоретическими основаниями, в первую очередь, для практики социальной работы с семьей, семейной терапии. Неслучайно первое применение данного подхода к анализу семейной группы было связано с областью психотерапии. Г. Бейтстон, Д. Джексон, исследуя причины шизофрении, утверждали, что подобные отклонения личности вызваны не столько индивидуальной патологией, сколько нарушениями в семейной системе, которая является основной средой коммуникации [1, с. 89]. Несмотря на то, что данный тезис впоследствии не нашел серьезной эмпирической поддержки, понятие семьи как системы закрепилось и в семейной терапии, и в исследовательской практике. Как система семья анализируется сквозь призму понятий: структура, подсистемы, границы, целостность, взаимосвязь членов семьи, семейных подсистем и семьи с окружающей средой [1, с. 90-95].

Биоэкологический подход рассматривает человека в контексте окружающей среды, где семья – биосоциальная система, а, с точки зрения экологии развития человека, – первичная среда развития ребенка

(микросистема). Основоположником теории экологии развития человека считается Ури Бронфенбреннер, работы которого оказали большое влияние на ученых во многих странах мира, изучающих факторы успешного развития ребенка. В рамках данного подхода анализируются позитивные/негативные последствия взаимодействия семьи/родителей и ребенка. Практики в сфере социальной работы широко используют эту теорию для работы с неблагополучными семьями, территориальными сообществами с целью оптимизации экологической среды ребенка [1, с. 124-131].

Оба подхода не допускают изучения процесса становления и существования личности вне контекста окружающей среды. Семья становится той микросистемой, в которой происходит формирование и развитие человека, первичной средой взросления ребенка. Рассмотрение экосистемы человека сегодня невозможно без анализа семьи, семейных отношений, условий, в рамках которых проходит его первичная социализация.

Трансформации структурных элементов семейной системы. Представление семьи как самостоятельной экосистемы подразумевает, в первую очередь, необходимость описания ее структурных составляющих: супружества, родительства, родства – основных компонентов семейной системы, очерчивающих границы ближайшего окружения/среды ребенка/личности, определение значимости и включенности каждого элемента в экосистему современного человека.

Базовая модель семьи аграрного общества – патриархальная, расширенная/ составная, многодетная семья постепенно начала уступать место малой нуклеарной семье в середине XIX-го столетия, в странах Западной и Центральной Европы этот процесс начался раньше [2]. По материалам исследований Б.Н. Миронова, до середины XIX-го века в условиях расширенной, составной семьи проживало более половины населения городов России. К концу века, оставаясь все еще значимой структурной единицей города для 47% населения, роль большой семьи снижается, в начале XX-го столетия распространение небольшой семьи, особенно в крупных городах, становится подавляющим. Несмотря на то, что структурные преобразования семейной организации деревни происходят позже примерно на полвека, в первой половине XX-го столетия и здесь малая семья завоевывает лидирующие позиции [3, с. 236]. На рубеже XIX-XX веков, в первую очередь среди городского населения, начинает меняться не только родственный состав семей, но и число рожденных детей постепенно ограничивается (табл. 1). Если вплоть до второй половины XIX-го столетия как для сельского населения, так и для

городского была характерна очень высокая рождаемость (50-55 детей на 1000 населения, или 6-8 рождений на один брак [3, с. 179], то в начале XX-го века в городе эти показатели снизились в 1,5 раза.

Т а б л и ц а 1

Основные демографические показатели, православное население России
(на 1000 человек)

	XVIII век	XIX век	начало XX века
все население			
брачность	9,9	10,2	8,2
рождаемость	51	50	47
разводимость		0,002	0,029
городское население			
брачность	11,7	10,6	6,7
рождаемость	60	55	36
сельское население			
брачность	9,7	10	8,4
рождаемость	50	50	49

Источник: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2-х т. – 3-е изд., испр., доп. – СПб: «Дмитрий Буланин», 2003. Т. 1. С. 176.

Максимальная рождаемость, высокая брачность и низкая, фактически минимальная, разводимость обеспечивала стабильную структуру семейно-родственной группы и окружения человека, которая менялась только посредством основных событий, связанных с прохождением через этапы жизненного цикла семьи, семейной динамикой: вступлением в брак, рождением ребенка, смертью одного из супругов. В условиях традиционного общества система норм, регулирующих поведение в семейной сфере: обязательность и пожизненность брака, обязательность деторождения, недопустимость контроля над рождаемостью и, как следствие, многодетность создавали вокруг человека достаточно разветвленную сеть родственников и свойственников, организуя полноценную микросреду, с точки зрения вовлеченности в отношения и супружества, и родительства, и родства.

Несмотря на зарождающиеся изменения, семью в России до середины XX-го века можно рассматривать как совокупность индивидов, связанных узами супружества–родительства–родства. Супружество обеспечивалось ранней и всеобщей брачностью, а также недопустимостью разрыва отношений, родительство – главной целью брака – рождением и воспитанием детей,

родство – недопустимостью регулирования рождаемости, а значит, большим количеством детей, и совместным проживанием нескольких поколений.

Во второй половине XX-го столетия, в том числе в России, социологи и демографы стали обращать внимание на серьезные процессы, происходящие в сфере семейно-брачных отношений. Сущестующая вплоть до XX-го столетия единая система супружества–родительства–родства стала распадаться, трансформируя первичную среду, микросистему человека. По мнению А.И. Антонова, кризис семьи (именно так он оценивает происходящие перемены) сопровождался «...ослаблением семьи как союза родственников (процесс нуклеаризации), союза родителей и детей (процесс конъюгализации и девальвации семьи, детей, родительства), союза супругов (процесс индивидуализации, автономизации Я), ослаблением триединства родства–родительства–супружества из-за исчезновения семейного производства, совместной деятельности родителей и детей (процесс замены семьецентризма эгоцентризмом)» [4, с. 111-112]. Как следствие, «расширенная семья, сотворившая чудо – само понятие «семья», постепенно исчезая с исторической сцены, распадалась на множество форм...» [5, с. 34].

Действительно, длительное время эти три типа отношений, олицетворяющих семью, в реальной практике и в сознании людей были едины. Патриархальная семейная система, характеризующаяся слитностью и неразрывностью процессов брачности, сексуальности, прокреации, причем именно в такой последовательности [6, с. 52], делала привычным и не подлежащим сомнению традиционное определение семьи, четко описывающее ближайшее окружение человека. «Семья – это основанная на единой общесемейной деятельности общность людей, связанных узами супружества–родительства–родства, и тем самым осуществляющая воспроизводство населения и преемственность семейных поколений, а также социализацию детей и поддержание существования членов семьи» [4, с. 66]. Учитывая современные тенденции в сфере семьи и брака, становится все сложнее анализировать первичную социальную среду, опираясь только на привычные дефиниции.

Попытаемся очертить границы современной российской семьи, используя данные демографической статистики, в том числе материалы последних всероссийских переписей населения.

Одной из тенденций, имеющей долгосрочный характер, стало снижение средней величины семьи. Если в 1939 г. средняя величина семьи в России составляла 4,07 человека, то в 1989 г. – лишь 3,21. Согласно первой переписи XXI-го столетия, средний состав домохозяйств, состоящих из 2 и более

человек, составил 3,18 человека. Уменьшение размера семьи связано с продолжающимся процессом нуклеаризации, с одной стороны, и снижением рождаемости – с другой.

Данные переписей населения XXI-го столетия демонстрируют устойчивое существенное сужение родственной структуры первичной группы как результата процесса нуклеаризации, а также разнообразие домохозяйств по составу, все большее размывание «нормативной» для середины XX-го столетия полной родительской семьи (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Численность и состав домохозяйств, состоящих из 2-х и более человек, %
(данные переписей населения, Российская Федерация) [7]

Тип домохозяйства	2002	2010	2015
с одной супружеской парой с детьми и без детей	54,9	52,1	59,8
с одной супружеской парой с детьми и без детей и другими родственниками (или без них) и не родственниками (или без них)	13,6	13,8	11,1
с двумя и более супружескими парами с детьми и без детей, родственниками (или без них) и не родственниками (или без них)	3,3	3,3	2,3
матери с детьми	13,7	13,8	14,8
отца с детьми	1,5	1,7	1,7
матери (отцы) с детьми с одним из родителей матери (отца) (или без него), прочими родственниками (или без них) и не родственниками (или без них)	6,4	5,6	4,6
прочие домохозяйства	6,6	9,7	5,7

Сегодня большинство семей в России имеют нуклеарную структуру, т.е. состоят из супружеской пары с детьми или без них. Таких, по данным переписи 2002 г., было почти 55%, 2010 г. – 52%, 2015 г. – почти 60%. Более половины вновь создаваемых семейных пар предпочитают жить отдельно от старшего поколения. Простая структура становится подавляющей, если к числу полных родительских домохозяйств присоединить неполные (монородительские), т.е. еще 14-15%. Только пятую часть домохозяйств (полных и неполных) можно отнести к сложным, расширенным, составным семьям: 23% в 2002 и 2010 гг., 18% – в 2015 г.

Данная тенденции, с точки зрения сторонников кризисной позиции [8], имеет ряд негативных последствий: разрыв ценностей поколений, снижение значимости родственных связей, утрата интереса молодых к опыту старших, неприятие пожилыми людьми образа жизни молодых. С другой стороны,

оппоненты утверждают, что при неолокальном варианте проживания супружеских семей связь поколений сохраняется через эмоционально-психологическую, физическую, материальную взаимозависимость поколений друг от друга, и часть нуклеарных семей можно считать функционально расширенными [9].

Эти же данные указывают и на изменение структуры родительства. Устойчиво большое число детей временно или постоянно воспитываются только одним из родителей. И в 2002 г. (21,6%), и в 2015г. (21,1%) каждое пятое домохозяйство не включает в свой состав одного из родителей. Семья с одним родителем становится сегодня весьма распространенным типом семейных отношений. Если брать только семейные домохозяйства, исключая прочие, то доля неполных семей возрастает до 24-25%. Доля таких семей с детьми до 18 лет в 2010 г. составила 14% от общего числа семейных ячеек. Итоги Микропереписи населения 2015 г. фиксируют устойчивость показателя: те же 13% семейных домохозяйств, где есть несовершеннолетние, имеют в своем составе только одного родителя [7]. Здесь стоит также отметить, что единственный родитель – это не всегда женщина. Доля домохозяйств, где ребенок воспитывается отцом, хотя и невелика, но стабильна и составляет около 2%, и это без учета расширенных домохозяйств.

Весомый вклад в распространение монородительских семей вносит развод, отношение к которому становится все терпимее. Согласно данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ [10], в начале XXI-го века (2003 г.) подавляющее большинство и мужчин, и женщин (до 73%) допускали развод, правда, при определенных условиях, давая человеку право на выбор, если супружеские отношения складываются неудачно. Только каждый 10-й негативно, с осуждением воспринимал разрыв брачных уз, а каждый пятый говорил, что развод допустим всегда, независимо от обстоятельств. Как результат, в 2015 г., почти 60% респондентов, воспитывающих ребенка в одиночку, имели статус разведенных.

Изменение структуры родства происходит и вследствие другого процесса – снижения рождаемости. Отсутствие братьев/сестер в семье становится вполне обычным явлением. За последние несколько десятилетий произошли заметные перемены в репродуктивном поведении и ориентациях россиян на сокращение числа детей в семье. В настоящее время показатель среднего числа детей, рожденных одной женщиной в течение ее жизни (суммарный коэффициент рождаемости), составляет 1,8 против 2,5 в 1960-61 гг. (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Суммарный коэффициент рождаемости
(число рождений, приходящихся в среднем на одну женщину за всю жизнь) [11]

Годы	Все население	Городское население	Сельское население
1960-1961	2,5	2,0	3,3
1970-1971	2,0	1,8	2,6
1980-1981	1,9	1,7	2,6
1990	1,9	1,7	2,6
1995	1,3	1,2	1,8
2000	1,2	1,1	1,6
2001	1,2	1,1	1,6
2002	1,3	1,2	1,6
2003	1,3	1,2	1,7
2004	1,3	1,3	1,7
2005	1,3	1,2	1,6
2006	1,3	1,2	1,6
2007	1,4	1,3	1,8
2008	1,5	1,4	1,9
2009	1,5	1,4	1,9
2010	1,6	1,4	2,0
2011	1,6	1,4	2,1
2012	1,7	1,5	2,2
2013	1,7	1,6	2,3
2014*	1,8	1,6	2,3
2015	1,8	1,7	2,1
2016	1,8	1,7	2,1

* Начиная с 2014 г. данные с учетом Р. Крым и г. Севастополя.

Современные тенденции рождаемости во многом определяются долгосрочным трендом снижения рождаемости, начавшегося в России еще в конце XIX века. Многими современными демографами эта тенденция связывается с прохождением Россией очередной фазы демографического перехода, ведущей к современному (рациональному) типу воспроизводства населения [12]. В настоящее время по уровню рождаемости Россия сближается с большинством развитых стран, которые уже прошли через схожие фазы демографического перехода.

Общее направление снижения рождаемости не означает, что данный показатель не может реагировать на текущие социальные условия. Резкое снижение, а затем рост числа детей в семье, который мы наблюдаем в последние годы, во многом можно объяснить сложившейся в нашей стране ситуацией. Так, серьезные социально-политические и экономические

преобразования 90-х гг., безусловно, сказались на показателях рождаемости. Именно с начала 90-х гг. фиксируются изменения. Чувство неуверенности в завтрашнем дне, страх за свое будущее и за будущее своих детей, которые в течение нескольких десятилетий сопровождали большинство российского населения, не давало людям возможности в полной мере реализовать свои репродуктивные установки. Некоторая стабилизация ситуации в стране в начале XXI-го века способствовала увеличению рождаемости, но все же не смогла переломить общей тенденции к снижению количества детей в семье.

Т а б л и ц а 4

Распределение домохозяйств по числу детей до 18 лет, % [7]

Количество детей	2002	2010	2015
с 1-м ребенком	65	72	61
с 2-мя детьми	28	23	30
с 3-мя и более детьми	7	2	9

Несмотря на предпринимаемые государством усилия, судя по материалам последних переписей, подавляющее число домохозяйств с детьми до 18 лет включают только одного ребенка (табл. 4), доля многодетных – минимальна.

Т а б л и ц а 5

Распределение по желаемому и ожидаемому числу детей, %

Число детей	Женщины (n=5144)		Мужчины (n=4910)	
	Желаемое число детей	Ожидаемое число детей	Желаемое число детей	Ожидаемое число детей
0	0,7	1,8	1,9	4,3
1	12,3	24,2	12,5	21,8
2	51,7	50,3	47,8	47,9
3	24,9	13,3	24,3	14,6
4	4,0	2,1	4,1	2,2
5 и более	2,7	0,9	4,1	1,2
трудно сказать	3,6	7,2	5,3	7,9
среднее число детей	2,28 (n=4959)	1,92 (n=4772)	2,30 (n=4651)	1,92 (n=4522)

Исследования репродуктивных планов и установок россиян не дают нам надежды на серьезное изменение ситуации и возврату к большому числу детей в семье. Так, данные Федеральной службы государственной статистики 2012 г. показывают [13], желания большинства мужчин и женщин относительно детей

не выходят за пределы двухдетной модели (табл. 5). Более 60% женщин не желают, а более 70% не ожидают иметь более двух детей. Репродуктивные установки мужчин аналогичны: приблизительно 60% мужчин не хотят, около 70% не ждут, что в их семье будет трое и более детей. С другой стороны, бездетная семья пока не находит поддержки у россиян. Всего у 2% мужчин дети вообще не входят в репродуктивные планы, 4%, видимо, уже не ожидают их иметь. Учитывая, что последнее слово относительно наличия детей все еще остается за женщиной, перспектива распространения бездетной модели пока минимальна. Это еще раз подтверждает тезис С.И. Голода о детоцентристском этапе развития моногамной семьи в России [14].

Т а б л и ц а 6

Значимость личных жизненных целей
(средний балл по 5-ти балльной шкале)

Жизненные цели	2012	
	Женщины	Мужчины
Материальное благополучие (2009), материальное благополучие моей семьи (2012)	4,9	4,8
Собственное хорошее жилье	4,8	4,8
Воспитать ребенка	4,8	4,6
Много работать, но и получать высокую заработную плату за свою работу	4,4	4,6
Жить в зарегистрированном браке с супругом(ой), своей семьей	4,2	4,1
Вырастить двоих детей	4,0	3,9
Получить образование, постоянно повышать квалификацию	3,8	3,5
Интересно проводить досуг	3,7	3,7
Карьерный рост	3,5	3,3
Много общаться с друзьями	3,3	3,3
Иметь свое собственное семейное дело (предприятие, хозяйство, земельный участок), чтобы работать только в нем, вкладывать в него средства и силы, жить на полученный от него доход	3,2	3,2
Быть свободной(ым), независимой(ым) и делать то, что хочу только я	2,4	2,5
Иметь троих детей	2,4	2,4

Анализ жизненных ценностей жителей нашей страны еще раз свидетельствует, с одной стороны, что «воспитание ребенка» представители обоих полов видят в числе значимых жизненных целей (табл. 6). Средний балл

у женщин практически максимален – 4,8; у мужчин чуть ниже, но дает возможность оставаться в числе лидирующих. Значимыми ценностями оказываются «материальное благополучие», наличие «собственного жилья», у мужчин – «много работать и зарабатывать», то есть, по мнению россиян, ребенок должен расти в комфортных условиях. В том числе, это может приводить к смещению календаря рождений на более поздний срок, пока не будут созданы подходящие условия. С другой стороны, воспитание двоих детей не рассматривается как важная задача (она серьезно уступает лидерам, например, у женщин 4 против 4,8), более того, с ней активно конкурируют профессиональные («получить образование и повышать квалификацию»: 3,8 балла у женщин и 3,5 – у мужчин) и гедонистические устремления («интересно проводить досуг» – 3,7 балла как у женщин, так и мужчин). Цель «иметь троих детей» оказывается в конце иерархии основных жизненных ориентиров, занимая последнюю позицию. В данном контексте это означает, что структура родства в современной семье сужена, и перспектива остаться без братьев/сестер не так обосновательна. Рассматривая рождение и воспитание ребенка как приоритетную задачу, граждане реже считают обязательным «жить в зарегистрированном браке, своей семьей», видимо вполне допуская, что ребенок может расти в незарегистрированных, неполных, нерезидентных, повторных супружеских отношениях.

Еще одно значимое изменение – трансформация брачности, а, следовательно, супружества. Здесь можно отметить несколько тенденций, сказывающихся на структурных базовых параметрах микросреды человека. Во-первых, уже упоминавшаяся допустимость разрыва отношений и, как следствие, значимое число мужчин и женщин, живущих вне брака и возможно, воспитывающих детей. Также это основание для распространения повторных союзов и увеличения доли детей, живущих с неродными родителями: отчимами и мачехами. Судя по данным последней микропереписи населения, начиная с четвертого десятилетия жизни доля разведенных и разошедшихся мужчин неуклонно возрастает. И если в возрастной группе 30-34 года она составляет около 9%, то в группе 45-49 летних достигает 14% (табл. 7). Во-вторых, возможное существование человека вне брака, т.е. вне семьи, хотя судя по последним данным, в нашей стране данное явление – не очень распространено. Только 4% мужчин в возрасте 50-59 лет никогда не состояли в браке. В-третьих, не каждый брак может быть зарегистрирован. Доля незарегистрированных союзов (сожительства) в возрастных группах 20-40 лет составляет более 10%.

Т а б л и ц а 7

Распределение мужчин по брачному статусу, %
(рассчитано по данным микропереписи 2015 г.)

	Состоящие в браке	из них		Никогда не состояв- шие в браке	Разве- денные офи- циально	Разошед- шиеся	Вдовы
		в зарегистри- рованном браке	в незаре- гистриро- ванном браке				
Всего	66,6	58,4	8,2	20,7	6,1	2,3	4,3
до 16	96,9	15,6	81,3	-	-	3,1	-
16 – 17	1,2	0,7	0,5	98,7	0,0	0,0	0,0
18 – 19	3,5	1,6	1,9	96,2	0,1	0,1	0,0
20 – 24	22,5	14,2	8,3	76,3	0,7	0,5	0,0
25 – 29	53,8	42,6	11,3	41,3	3,1	1,7	0,1
30 – 34	69,0	58,1	10,9	22,1	6,0	2,7	0,2
35 – 39	74,3	63,6	10,7	13,5	8,3	3,4	0,4
40 – 44	76,7	66,4	10,3	9,3	9,8	3,6	0,7
45 – 49	78,5	68,8	9,7	6,4	10,2	3,5	1,4
50 – 59	81,0	73,0	8,0	4,2	8,7	2,7	3,4
60 – 69	81,1	75,7	5,5	2,1	5,8	2,0	9,0
70 – 79	72,5	68,9	3,6	1,0	2,4	0,8	23,3
80 и более	54,7	52,4	2,3	0,7	1,0	0,4	43,1

Вообще сожительство как альтернативный вариант отношений становится достаточно распространенным явлением. Выборочные опросы показывают все большую степень распространения сожителей в нашей стране. Так, согласно данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ, в 1998 г. доля проживающих совместно без регистрации фиксировалась на уровне 10%, в 2002 г. – 14%, в 2010 г. – 17%. В последние пять лет ситуация оставалась стабильной, и к 2015 г. в незарегистрированном супружеском союзе находилась почти каждая 5-я пара [10]. То же исследование позволяет утверждать, что за исследуемые десятилетия сожительство заняло прочные позиции не только в качестве пробного брака, но и как альтернатива зарегистрированной семье. Анализ данных различных лет мониторинга (2009-2015 гг.) показывает, что средний стаж сожителей достаточно высок – 8-9 лет. Это делает невозможным рассмотрение таких союзов исключительно как пробных. Максимальный стаж сожительства составил 63 года. Сожительство как форма семейных отношений существует в России уже не одно десятилетие.

Значительная продолжительность незарегистрированных отношений подразумевает возможное наличие в них детей, что и подтверждает исследование. Данные 24-й волны (2015 г.) показывают, что длительность отношений связана с наличием /количеством детей в семье. В «пробных браках» меньше половины сожителей имеют детей, чаще всего, одного. У 80%-90% сожителей «со стажем» есть дети, иногда не по одному [10]. В целом треть сожителей являются бездетными, еще треть имеют одного ребенка, почти четверть – двоих, и только каждый 10-й – троих и больше. То, что рождение ребенка вполне возможно без брака, т.е. вне его, подтверждают высокие показатели внебрачной рождаемости (табл. 8).

Т а б л и ц а 8

Доля внебрачных рождений среди всех рождений, % [15]

Годы	Все население	Городское население	Сельское население
1945	24,4	...	...
1970	10,6	9,6	12,3
1980	10,8	9,6	13,4
1985	12,0	11,3	13,6
1989	13,5	12,6	15,6
1990	14,6	13,8	16,5
2000	28,0	27,2	29,8
2002	29,5	28,5	32,0
2005	30,0	28,4	34,0
2010	24,9	23,3	28,6
2011	24,6	23,1	28,2
2012	23,8	22,3	27,8
2013	23,0	21,4	27,0
2014	22,6	20,8	27,2

В течение 90-х гг. внебрачная рождаемость превысила послевоенный уровень, когда высокая доля таких рождений имела демографическое объяснение: ее причины коренились в огромной нехватке мужчин молодых и средних возрастов. Сегодня этот показатель можно назвать относительно устойчивым, в среднем 22-23% детей рождаются вне зарегистрированного брака.

Рассмотренная брачная, родственная, родительская структура вполне устойчива. Это подтверждают данные выборочных мониторинговых исследований. Согласно уже упоминавшемуся Российскому мониторингу экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ, на протяжении последних 10-ти лет типы супружества, родительства остаются неизменными

(табл. 9). Так, например, чаще всего матери и отцы состоят в зарегистрированном браке (в среднем, около 70%), еще 10-12% респондентов, воспитывая ребенка, живут с партнером без регистрации, остальные являются либо одинокими, либо нерезидентными родителями.

Т а б л и ц а 9

Актуальный брачный статус родителей несовершеннолетних детей, %

Брачный статус	2005			2015		
	всего	мужчины	женщины	всего	мужчины	женщины
Никогда не состояли в браке	4	1	6	4	1	7
Состоят в зарегистрированном браке	72	81	65	74	82	68
Живут вместе без регистрации	11	10	11	12	12	12
Разведены	11	7	14	8	4	10
Вдовцы (вдовы)	2	1	4	1,5	0,5	2
Зарегистрированы, но вместе не живут	-	-	-	0,5	0,5	1

Тот факт, что разведенных/одиноких женщин и сейчас, и десять лет назад значительно больше, чем мужчин, притом, что последние чаще (в среднем на 15%) состоят в зарегистрированном браке, видимо, еще раз подтверждает, что женщине, имеющей ребенка, сложнее, чем мужчине-отцу, вновь создать семью. Тем не менее, такое происходит, о чем свидетельствует распространенность среди родителей – мужчин и женщин статуса состоящих в повторных отношениях (зарегистрированных или нет) (табл.10). Судя по данным, почти каждый пятый супружеский союз родителя, воспитывающего ребенка до 18 лет, является повторным, делает практику небιологического родительства отнюдь не редким явлением.

Т а б л и ц а 10

Тип супружества состоящих в отношениях родителей, имеющих несовершеннолетних детей, % (RLMS, 2015)

Тип супружества	всего	мужчины	женщины
Первый брак	75	75	74
Повторный брак	12	12	12
Добрачное сожительство	6	6	7
Постбрачное сожительство	7	7	7

Таким образом, семья как микросистема человека сегодня имеет ряд особенностей. Во-первых, это небольшая по составу группа вследствие снижения рождаемости, нуклеаризации, допустимости разводов. Во-вторых, границы ее очень нестабильны и подвижны, плохо очерчены в результате возможности разрыва супружеских отношений, формирования повторного союза. В-третьих, форма супружества и, как следствие, семьи может быть социально не санкционированной, т.е. незарегистрированной. А система супружества–родительства–родства вполне может быть представлена в экосистеме современного человека лишь частично.

Нормы, поддерживающие функционирование полной и разветвленной семейной системы, изменились: брак сегодня скорее желателен, чем обязателен, отношения супружества перестали рассматриваться как пожизненные и санкционированные, наличие и количество детей может регулироваться супругами. Супружество, родительство, родство могут существовать независимо друг от друга, преобразуя, сужая микросистему, в которую вписан современный человек, делая нечеткой ее границы с окружающей средой.

Эти изменения заставляют нас по-другому рассматривать само понятие семьи, разделяя основные составляющие системы на отдельные элементы. Рассматривая изменения в институте семьи с точки зрения действия имманентных закономерностей, С.И. Голод, например, склонен определять семью «как совокупность индивидов, состоящих, по меньшей мере, в одном из трех видов отношений: кровного родства (брат – брат, сестра – сестра), порождения (родители – дети), свойства (муж – жена)» [14, с. 76].

Трансформации семьи обуславливают многообразие определений, дефиниций семейной группы. Как считает Т.А. Гурко: «Сегодня, очевидно, более уместно говорить не о «семье», в определение которой уже трудно даже в рамках конкретной культуры вложить всевозможные вариации, а о семьях. Ответ на вопрос, что такое семья, может состоять либо в сужении объема понятия, как предлагают некоторые западные ученые (например, считать семьей лишь такие общности, где есть зависимые члены (несовершеннолетние, инвалиды или пожилые)), либо необходимо выделять различные типы семей, как особого рода малые группы...» [16, с. 96].

Появляются новые термины, через призму которых в контексте текущих изменений оказывается проще описать приватное пространство личности. В зарубежной социологии, например, вполне допустимо понимание семьи/супружества как максимально широкого круга отношений. Данная группа может быть описана как «состоящая из людей, которые связаны друг с

другом либо кровным родством, либо основными, интимными, сексуальными отношениями» [17, с. 160]. То есть, критерии регистрации, совместного проживания и ведения хозяйства постепенно утрачивают свое значение. При выделении пары важными становятся сексуальная основа союза и степень переживаемой общности жизни, исключительной значимости присутствия другого. Для определения таких отношений, в том числе в отечественной социологии, все чаще используется новый термин – «партнерство» [18; 19]. Партнерства, соответственно, могут существовать в разнообразных вариантах: неформальное партнерство без совместного проживания (основной критерий – самоопределение отношений как значимых); сожителство (совместное проживание партнеров без регистрации отношений); брак (первый или повторный) с совместным проживанием; брак при раздельном проживании (годвин-брак, гостевой брак, регулярно-раздельный брак) [20, с. 60], а также гетеро- и гомосексуальные партнерства. А сама семья может быть полной, монородительской, послеразводной, материнской, отцовской, повторной, сводной с детьми от предыдущих союзов, проживающих с данным родителем (stepfamily) или отдельно от него (blended family).

Проблемы отдельных типов семей. Внешние структурные изменения семейной экосистемы, безусловно, меняют не только состав микросреды человека, его ближайшее социальное окружение, но и, скорее всего, приводят к качественным преобразованиям всей первичной системы взаимодействий, обусловленных как спецификой структуры семьи, так и общим трендом трансформаций семейных ролей.

Суммируя результаты различных исследований, можно сказать, что, например, *монородительские семьи* испытывают материальные трудности; социализация и воспитание ребенка в такой семье специфичны, часто нарушен полноценный контроль за его поведением, дети разведенных родителей имеют психологические особенности [21, с. 166-167]. Отдельно стоит отметить трудности выстраивания отношений с нерезидентным родителем. Согласно исследованиям Т.А. Гурко [22, с. 228, 235], четверть детей-подростков не виделись с отцами после развода, только треть разведенных матерей получали алименты на детей. В конечном итоге, это делает ситуацию ребенка особенной и, скорее, неблагополучной, хотя не имеющей четкого институционального статуса, так как во время развода и после него семья редко становится объектом специальной поддержки.

Появление *незарегистрированных супружеств* как пробных, так и семейных, где растут и воспитываются дети, также обуславливает специфику

взаимодействий. Результаты, например, нижегородского исследования «Ценность детей. Межпоколенные отношения» указывают на возможную специфичность отношений между супругами в таких семьях [23]. Анализируя мотивы рождения ребенка/детей, подчеркнем более низкую значимость социально-статусных мотивов для женщин, живущих без регистрации супружества, что означает меньшее желание искать компромисс, согласованность во взглядах и действиях, учитывать мнение партнера при принятии важных решений, в данном случае, о рождении ребенка. Интересным является и тот факт, что матери в браках реже недовольны отношениями с партнером, чем матери в незарегистрированных союзах, при одинаково высокой удовлетворенности семьей вообще.

Сравнение социально-демографических характеристик состоящих в сожительствах и браках, на основании данных мониторинга ВШЭ, также фиксирует специфичность и отличия двух типов супружеских союзов, особенно если в них воспитываются дети. Представителям низкостатусных групп (с невысоким уровнем образования, небольшим доходом, без постоянной работы и т.д.) гораздо проще оказаться среди живущих без регистрации. Наиболее существенной разницы параметров, определяющих социальный статус (включая доход), становится при сопоставлении семейных групп (зарегистрированных и нет), воспитывающих детей [24]. Можно предположить, что положение детей, их благополучие в сожительствах и браках различается.

В целом, можно выделить несколько возможных проблемных зон такой семьи:

- семейные статусы мужчины и женщины не определены;
- двойственность положения детей (юридический и социальный статусы не определены или подвижны, возможные психологические проблемы);
- проблемы членов семьи (материальные, статусные) после распада союза.

Семья, основанная на *повторном* браке, также может иметь ряд особенностей. Схожесть структуры повторной и первобрачной семей долгое время являлась причиной недостаточного внимания исследователей к особенностям повторного брака. Данные зарубежных и немногочисленных отечественных исследований позволяют сегодня говорить о существенных отличиях семей двух типов. Первое, самое основное – это отсутствие четких границ повторной/сводной семьи (круг лиц, которые могут быть включены в состав семьи, у разных ее членов отличается; не ясно, ограничивается ли семья

актуальными родственниками или возможно расширение границ до бывшего супруга/родителя и его родственников [25]). Специфика фиксируется как в супружеской, так и в родительско-детской сферах [26], в сводных семьях отмечается более высокий уровень физического, психологического, сексуального насилия [27]. Тем не менее, указываются и сильные стороны сводных семей. У детей больше дополнительных родственников, а, значит, образцов для подражания и идентификации, более высокий материальный уровень в сравнении с неполной и незарегистрированной семьями, счастливые родители. Если первичный стресс включения нового члена семьи преодолевается, в дальнейшем отношения могут быть вполне успешными. Но сделать это не всегда легко, и часто без внешней поддержки семье не обойтись.

Безусловно, мы рассмотрели не все возможные варианты и типы семей, являющиеся результатом трансформации системы супружества-родительства-родства. В данном контексте, например, можно говорить о расширенных/составных, простых/нуклеарных, многодетных, малодетных семьях и т.д. Но уже ясно, изменения первичной микросреды ребенка требуют внимания к его положению и благополучию, указывают на необходимость учета разных семей при выстраивании социальной политики, развития новых форм и технологий социальной работы, обеспечивающих успешность социализации детей.

Литература

1. Гурко Т.А. Теоретические подходы к изучению семьи. М.: Институт социологии РАН, 2010. 184 с.
2. Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII-XX вв.) / пер. с нем. Л.А. Овчинцевой; науч. ред. М.Ю. Брант. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. 302 с.
3. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2-х т. – 3-е изд., испр., доп. – СПб: «Дмитрий Буланин», 2003. Т. 1. 548 с.
4. Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. М.: Изд-во МГУ; Изд-во Международного университета бизнеса и управления («Братя Карич»), 1996. 304 с.
5. Антонов А.И. Семья – какая она и куда движется? // Семья в России. 1999. № 1-2. С. 30-40.
6. Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: ТОО ТК Петрополис, 1998. 242 с.

7. Всероссийские переписи населения 2002, 2010, 2015 г.г. // Росстат. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/inspection/vpn/vpn_popul.htm (дата обращения 30.01.18).
8. Антонов А.И. Институциональный кризис семьи и семейно-демографических структур в контексте социальных изменений и социального неравенства // Семья и социально-демографические исследования (электронный журнал). 2014. Апрель. URL: <https://riss.ru/demography/demography-science-journal/5273>.
9. Наук Б., Саралиева З.Х., Балабанов С.С. Обмен в системе родственных связей России и Германии // Ценность детей и межпоколенные отношения: сборник научных статей / под ред. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2008. С. 115-150.
10. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом – Высшей школой экономики и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hse.ru/rlms>.
11. Данные официального сайта Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#.
12. Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество: История, современность, взгляд в будущее. М.: Финансы и статистика, 1982. 278 с.
13. Аналитический отчет по итогам выборочного наблюдения репродуктивных планов населения Федеральная служба государственной статистики, 2012. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/, оперативная информация/ аналитический отчет... (дата обращения 24.11.2016).
14. Голод С.И. Моногамная семья: кризис или эволюция? // Социально-политический журнал. 1995. № 6. С. 75-87.
15. Российский статистический ежегодник. 2015: Стат. сб. Росстат. М., 2015. 728 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/year/ejegod-15.pdf (дата обращения 30.01.2018).
16. Гурко Т.А. Трансформация института современной семьи // СОЦИС. 1995. № 10. С. 95-99.
17. Томпсон Д.Л., Пристли Д. Социология: Вводный курс. Пер. с англ. М.: ООО "Фирма "Издательство АСТ"; Львов: "Инициатива", 1998. 491 с.
18. Захаров С. Новейшие тенденции формирования семьи в России. Расширяющиеся границы брака // Демоскоп Weekly. 2006. № 237-238.

Март. Доступ через <http://demoscope.ru/weekly/2006/0237/tema02.php> (дата обращения 31.01.18).

19. Саралиева З.Х., Балабанов С.С. Партнерские отношения в большом городе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 1. С. 84-89.
20. Жизненные миры современной семьи: монография / З.Х. Саралиева, В.А. Блонин, Н.Ю. Егорова [и др.]. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2015. 264 с.
21. Саралиева З.Х., Егорова Н.Ю. Социальная работа с различными типами семей // Социальное взаимодействие в системе социальной работы: Учебник. Под общей ред. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 2011. С. 139-184.
22. Гурко Т.А. Брак и родительство в России. М.: Институт социологии РАН, 2008. 325 с.
23. Егорова Н.Ю. Родительско-детские отношения в браках и сожительствах // Женщина в российском обществе. 2008. № 3. С. 23-30.
24. Воронин Г.Л., Егорова Н.Ю. Модель определения формы супружества: социально-демографические факторы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2017. № 3 (47). С. 71-78.
25. Cobia D.C. Structure and characteristics of the stepfamily: implications for counseling / D.C. Cobia// Family Journal. 1996. Jan. Vol. 4. Issue 1. P. 37-43.
26. Гурко Т.А. Развитие личности в различных типах семей // СОЦИС. № 10. С. 99-108.
27. Stepfamilies face special problems / USA Today Magazine. 1992. Dec, Vol. 121, Issue 2571. P. 4-5.

N.Yu. Yegorova

CONTEMPORARY FAMILY IN A SYSTEM OF MATRIMONY–PARENTING–KINSHIP

The family is seen as a microsystem, the primary medium of personality formation, within a human's ecosystem. The article analyzes the family through the prism of the following basic structural elements: marriage, parenthood, kinship. The empirical database is made up of data from the latest population censuses (2002, 2010, 2015), the materials of the Russian Monitoring of the Economic Situation and Health provided by Nizhny Novgorod branch of HSE. The paper highlights changes in the field of matrimony, parenting and kinship. The transformation of the system as a whole and its individual elements is emphasized. The features of a modern family microsystem include, firstly, the size of the primary group, secondly, instability of the

microenvironment caused by the spread of new family strategies, thirdly, a possibility of a partial inclusion of marriage–parenthood–kinship into the ecosystem of a modern man. Structural changes in the human ecosystem change the concept of the family as a small group, leading to a variety of definitions, the emergence of new terms and qualitatively transform the entire system of primary interactions.

Keywords: ecosystem, family as a person's microsystem, matrimony, parenthood, kinship, family as a small group.

1.4. СЕМЬЯ В КОНТЕКСТЕ ЧАЙЛДФРИ-ИДЕОЛОГИИ

В России, как и во всем мире, чайлдфри-сообщество занимает определенное место в социуме, являясь в глазах большинства его членов весьма специфическим феноменом. Исследовательский интерес представляет отношение общества с традиционными семейными ценностями к данной идеологии, что даст возможность прогнозировать дальнейшее существование чайлдфри-сообщества как социального феномена.

Представлены результаты двух социологических исследований, проведенных сотрудниками учебно-исследовательской лаборатории социологических исследований факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского и студентами факультета: «Поведенческие установки приверженцев чайлдфри-сообщества» (2017 г.)¹ и «Добровольно бездетные глазами нижегородцев» (2018 г.)².

Ключевые слова: семья, деторождение, семейные ценности, чайлдфри-сообщество, чайлдфри-приверженцы, чайлдфри-идеология.

Сегодня семью, в частности семейные модели, начинают рассматривать в новом аспекте. Связано это в первую очередь с тем, что семейные отношения приобретают все большую вариативность и многообразие. Если пятьдесят лет назад традиционной модели семьи придерживалось абсолютное большинство граждан, сейчас, особенно в странах с развитой экономикой, некоторые более не хотят тратить свою жизнь на рождение и соответственно последующее воспитание ребенка, возникает массовое желание жить для себя – строить карьеру, путешествовать.

Современная семья перестала эффективно выполнять свои функции в формировании физически и духовно здоровой личности, рождении и воспитании детей, что позволяет сделать вывод – институт семьи переживает период серьезного кризиса. Но далеко не все ученые придерживаются данной точки зрения, отстаивая позицию о том, что изменения в функционировании института семьи в современном обществе следует рассматривать как признаки его эволюции, в ходе которой детоцентристская модель превращается в модель супружеского типа.

¹ Метод исследования – полуструктурированное интервью. Было опрошено 12 добровольно бездетных в возрасте от 19 до 32 лет, проживающих в Нижнем Новгороде.

² Метод исследования – анкетный онлайн-опрос. Было опрошено 500 человек репродуктивного возраста (18-40 лет), проживающих в Нижнем Новгороде. Респонденты были отобраны в соотношении: 50% – уже имеющие хотя бы одного ребенка и 50% – не имеющие пока или не желающие вообще иметь детей по каким-либо соображениям.

У российских социологов есть два подхода к современному состоянию семьи – кризисный [1] и трансформационный [2]. Данное разграничение связано с изменениями, через которые сегодня проходят многие семьи: ориентированность на себя, стремление к малодетности или бездетности, равное распределение семейных обязанностей. Часть социологов уверены, что семья изживает себя и вскоре исчезнет как социальный институт. Другие полагают, что это всего лишь нормальные внутренние изменения, присущие современному образу жизни. Существование семейного плюрализма является отражением трансформационного характера функционирования института семьи, в рамках которого существуют различные типы семейных структур и формы семейно-брачных отношений – от традиционных (в регионах, характеризующихся большей устойчивостью традиционных семейных ценностей и норм) до различных альтернативных форм организации семейной жизни, в том числе и семьи, ориентированные на бездетность [3].

Сегодня в России, как в странах Европы и США, получила распространение и некоторую популярность чайлдфри-идеология. Чайлдфри – это международное социальное явление. Его представители поддерживают идею осознанного и добровольного отказа от деторождения. В объяснении своих взглядов чайлдфри-приверженцы используют разнообразные мотивировки, связанные с предпочтительностью собственного комфорта, карьерного и личностного роста и саморазвития, сложностями воспитания и обеспечения детей, подавленностью репродуктивных рефлексов, психологическими травмами, опасностью и последствиями родов, стремлением уберечь ребенка от возможных страданий.

Чайлдфри-приверженцы как отдельная социально-демографическая категория – это люди, характеризующиеся сознательным нежеланием иметь детей как при наличии, так и при отсутствии репродуктивной возможности.

Причин добровольного отказа от рождения детей множество. Говоря о своей мотивации, чайлдфри-приверженцы главным образом выделяют ориентированность на карьеру, нежелание быть связанными обязательствами со своим партнером (очевидно, из-за определенной доли неуверенности в нем) и желание получать от жизни как можно больше разнообразных удовольствий, чему наличие ребенка может препятствовать [4].

Еще одной причиной является страх женщины перед беременностью, родами и их последствиями. Сюда включается и вероятная потеря физической привлекательности в период беременности и некоторое время после; недовольство качеством предоставляемых медицинских услуг и, соответственно, страх за собственное здоровье и жизнь и будущего ребенка;

страх рождения умственно или физически неполноценного потомства. Религиозные убеждения также могут повлиять на решение принятия чайлдфри-идеологии. Человек, считающий мир греховным и полным соблазнов, может бояться брать на себя ответственность за своего ребенка.

Согласно некоторым статистическим данным, чайлдфри-пары обладают хорошим образованием, они более востребованы как профессионалы и руководители, имеют большой доход, склонны жить в городах, менее религиозны, менее склонны к соблюдению традиционных гендерных ролей и обычаев [5]. Примечателен и тот факт, что большинство представителей чайлдфри-сообщества юны, им присущи непостоянство и изменчивость взглядов; определенная степень эгоизма и высокомерия, связанные с молодым возрастом [6].

Чайлдфри-приверженцы не стремятся доказать, что их образ жизни заслуживает внимания или подражания. Результаты исследований показывают, что большинство из них просто считают «жизнь для себя» одним из критериев собственного счастья и стремятся следовать своим убеждениям [7]. Тем не менее, жизненная установка чайлдфри «нарушает одну из базовых русских духовно-нравственных традиций – семейную традицию, снижает ценность материнства и отцовства, формирует эгоистические и гедонистические тенденции в человеке» [8].

Добровольно бездетные выносят на обсуждение в сети Интернет вопросы несправедливости единого для всех налогообложения, вынуждающего их финансировать социальные структуры для детей. На Западе чайлдфри выдвигают свои права и в сфере потребительского рынка. На специальных сайтах можно найти множество контактов и адресов чайлдфри-заведений – ресторанов, гостиниц, кинотеатров и спортклубов, куда вход с детьми воспрещен [9]. Российские чайлдфри в большинстве своем не причисляют себя к движению и не приписывают себе наличие конкретной идеологии. Чайлдфри-движение, хотя и значительно набрало обороты за последние годы, но все же является куда менее обширным и популярным, чем в США и странах Европы. Например, в нашей стране не распространены вышеупомянутые чайлдфри-заведения; подобные редкие места в Москве и Санкт-Петербурге не пользуются общественным одобрением и не отмечены обилием посетителей.

Чайлдфри-идеология обосновалась и в нижегородском публичном пространстве, ее приверженцы активно обсуждают свою мировоззренческую позицию на местных Интернет-форумах и в социальных сетях. Чайлдфри-сообщество в Нижнем Новгороде так же, как и в других городах и странах, не имеет четко определенной организационной структуры; у него нет лидера,

устава, программы. Это – не официальная организация, не фонд; часть его приверженцев отрицают существование чайлдфри-движения как такового и отказываются применять в отношении данного феномена термины идеология или движение:

«Хочу построить свою жизнь так, чтобы была возможность тратить время, силы и деньги на себя, на родных и близких, построить хорошую карьеру и уделять больше времени себе» (ж., 19 лет).

«Вряд ли я могу назваться приверженцем какого-то сообщества – для меня это слово ведет к ассоциациям с собраниями по субботам, митингами с транспарантами. Я, скорее, разделяю эту точку зрения, не более. Без крайностей и по возможности адекватно» (ж., 21 год).

Важно выяснить отношение большинства членов общества, придерживающихся традиционных взглядов на семью и семейные отношения, к данному социальному явлению, на основании чего попытаться спрогнозировать судьбу чайлдфри-феномена – дальнейшую его актуализацию или, наоборот, постепенное угасание, вероятность его серьезного влияния на социум в ближайшем будущем.

Результаты исследования показали, что родители и те, у кого по каким-либо причинам нет ребенка, в большинстве вопросов, касающихся добровольной бездетности, придерживаются разных точек зрения. Из тех нижегородцев, кто пока не имеет детей, больше половины (58%) в будущем хотели бы завести ребенка, примерно треть затруднились ответить на этот вопрос (28%). И только одна седьмая часть (14%) планирует сохранить свой статус бездетных и в дальнейшем. В этой группе находятся люди разного возраста: большую часть (60%) представляет молодежь до 23 лет; примерно одна треть – от 24 до 30 лет; и лишь десятая часть перешагнула тридцатилетний рубеж. Очевидно, молодежь более категорична в данном вопросе, но велика вероятность, что с возрастом эта позиция может измениться:

«Очень сомневаюсь, что это навсегда. Моя жизнь сейчас вполне полноценна, но мне всего двадцать два» (м., 22 года).

«Моя позиция может измениться в связи с чем угодно. Мы же все-таки люди. Эмоциональная составляющая, мне кажется, преобладает над идеологической. В стабильность некоторых своих убеждений я верю очень и очень слабо» (ж., 21 год).

Информированность нижегородцев о чайлдфри-феномене. Чтобы составить свое мнение о чайлдфри, достаточно владеть хотя бы минимальной информацией о данном социальном феномене. Можно быть не знакомым с

самым термином чайлдфри, пришедшим к нам из английского языка, но знать в настоящее время о существовании добровольно бездетных естественно – для этого достаточно иметь одного знакомого с подобной жизненной позицией или просто прочесть однажды в Интернете новость о людях, не желающих заводить детей. В этой связи в анкете респондентам была предложена следующая интерпретация термина чайлдфри – это люди, сознательно отказывающиеся от рождения детей по разным причинам вне зависимости от их репродуктивной способности; добровольно бездетные.

Результаты исследования показали, что почти половина опрошенных нижегородцев (46%) полагают, что знают о чайлдфри-феномене в достаточной мере. Практически такое же количество респондентов (45%) оценили свои знания о добровольно бездетных как поверхностные: что-то слышали, но без особых подробностей, исключительно в общих чертах. Остальные же никогда и нигде не сталкивались с информацией подобного рода. Однако, можно предположить, что они в действительности в некоторой степени осведомлены о факте существования людей, отказывающихся от возможности иметь ребенка по каким-либо причинам, но не рассматривают данный уровень информированности как достаточный. Это предположение подтверждается тем, что абсолютно все респонденты, выбирая из предложенных источников, откуда когда-либо получали информацию о добровольно бездетных, указали хотя бы один.

Для абсолютного большинства (83%) Интернет – основной источник информации, в частности и о чайлдфри-феномене. Это не целенаправленный поиск информации, информация получена случайным образом – реклама, комментарии других пользователей в социальных сетях, переход по ссылкам. Для трети респондентов (33%) добровольно бездетные хотя бы раз были объектом разговора с друзьями и знакомыми. Пятая часть (20%) получила некоторые сведения о чайлдфри во время просмотра телевизионных программ.

Почти половина опрошенных нижегородцев (43%) находят для себя информацию о чайлдфри-феномене не особо привлекательной, а треть (32%) и вовсе не считает ее заслуживающей внимания. Пятая часть (23%) респондентов проявляет некоторый интерес к чайлдфри-идеологии, однако уделять этому вопросу много времени не планирует. Действительно живой интерес к информации о чайлдфри проявляет абсолютное меньшинство (2%).

Социально-психологический портрет чайлдфри-приверженцев отличается в оценках нижегородцев, имеющих детей, и бездетных. Разница между реальными и предполагаемыми причинами демонстрирует определенную

степень заблуждения нижегородцев с детьми по поводу мотивации добровольно бездетных (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Характеристика чайлдфри-приверженцев, %

	Бездетные нижегородцы	Нижегородцы с детьми
Стремление сделать карьеру	80	26
Свободный образ жизни, отсутствие обязательств	74	68
Неприязнь к детям и всему, что с ними связано	46	33
Гедонизм	18	4
Эгоизм	16	32
Неуверенность в себе	7	25
Неуверенность в своем партнере	6	10
Пессимистичные взгляды на жизнь в целом	6	7

По мнению состоявшихся родителей, основными мотивами отказа от деторождения являются желание чайлдфри вести свободный образ жизни и желание не иметь никаких обязательств – перед собой, партнером, обществом, ребенком (68%). Они полагают, что чайлдфри-приверженцам присуща неприязнь к детям и всему, что с ними связано (33%). Напротив, бездетные нижегородцы, оценивают чайлдфри-приверженцев, прежде всего, как карьерно-ориентированных (80%) и любителей свободного образа жизни без всяких обязательств (74%). Эти результаты подтверждаются данными других исследований мотивации чайлдфри прошлых лет [10; 4]. На стремление получать как можно больше удовольствия от жизни как значимый фактор отказа от деторождения указали бездетные нижегородцы (18%), в то время как те, кто стал родителями, не видят в этом значимую причину (4%).

Обе категории нижегородцев допускают, что человеческий эгоизм играет не последнюю роль в решении о рождении ребенка – треть имеющих детей (32%) и почти одна шестая (16%) бездетных согласны с подобным суждением. Стоит отметить, что формулировки «свободный образ жизни и отсутствие обязательств» и «эгоизм» очень близки по значению, однако последняя более негативно окрашена и, вероятно, по этой причине отмечается самими бездетными существенно реже.

Нижегородцы, имеющие детей, оценивают чайлдфри-приверженцев как неуверенных в себе людей (25%). Однако менее десятой части бездетных нижегородцев (7%) считают, что степень уверенности в себе имеет значение при отказе от деторождения.

Мотивация возможного отказа от рождения ребенка. Отметим, что те, кто не имеет детей, более активно выбирали причины, по которым могли бы отказаться от рождения ребенка. Обе категории нижегородцев считают, что важно создать нормальные условия для рождения и жизни ребенка (табл. 2). Основными причинами отказа от деторождения для бездетных нижегородцев являются плохое материальное положение (64%) и отсутствие бытовых условий для нормальной жизни ребенка (62%). Для воспитывающих детей эти причины оказались менее значимыми (38% и 36% соответственно). Однако на перспективы рождения последующих детей они могут оказать влияние.

Т а б л и ц а 2

Мотивация возможного отказа от рождения ребенка, %

	Бездетные нижегородцы	Нижегородцы с детьми
Плохое материальное положение	64	38
Отсутствие бытовых условий для нормальной жизни ребенка	62	36
Желание жить для себя	46	11
Стремление сделать карьеру	32	8
Плохая наследственность одного из родителей	31	42
Личная неприязнь к детям	25	15
Неуверенность в своем партнере	23	16
Страх перед беременностью/родами	21	4
Нежелание партнера иметь детей	19	5
Страх смерти матери при родах	18	8

Наследственность родителей играет наиболее значимую роль для респондентов обеих категорий: почти половина состоявшихся родителей (42%) готовы были бы остаться бездетными в случае серьезных заболеваний, передающихся по наследству от родителя к ребенку; среди бездетных таких 31%. Можно предположить, что нижегородцы, уже имеющие ребенка, более серьезно относятся к таким факторам, так как имели личный подобный опыт или наблюдали его в своем окружении.

Желающих жить исключительно для себя, в том числе благодаря отказу от рождения ребенка, среди бездетных почти в четыре раза больше, чем среди имеющих детей (46% и 11% соответственно). Треть бездетных ориентированы на создание карьеры (32%) и считают это достаточно весомым поводом, чтобы не становиться родителем. Среди уже имеющих детей этот фактор не является значимым (8%).

Важно отметить, что 3% не имеющих в настоящее время детей ни при каких обстоятельствах не остались бы бездетными, в то время как среди имеющих уже хотя бы одного ребенка эта доля достигает 10%, а, значит, в перспективе не планируют деторождения.

Представления нижегородцев о семье в контексте чайлдфри-идеологии. Понятно, что каждый человек – хозяин своей судьбы. Но, говоря о наличии детей в семье, нижегородцы обеих категорий не столь уверены (табл. 3). Причем уверенных в данном вопросе имеющих детей нижегородцев значительно меньше (68%), нежели бездетных (81%). Наличие детей в семье не представляет для бездетных особой ценности, они согласны с тем, что полноценная семья может существовать и без детей (25% против 67% нижегородцев с детьми).

Т а б л и ц а 3
Представления нижегородцев о семье
в контексте чайлдфри-идеологии, %

	Нижегородцы с детьми		Нижегородцы без детей	
	<i>Согласен</i>	<i>Не согласен</i>	<i>Согласен</i>	<i>Не согласен</i>
Каждый человек сам волен выбирать, заводить детей или нет	68	14	81	6
Полноценная семья не может существовать без детей	67	26	25	62
Чайлдфри прикрывают идеологией свое одиночество	32	34	12	70
Чайлдфри прикрывают идеологией половую неполноценность	27	8	14	76
Дети – помеха в реализации профессиональных планов	14	25	26	57
Дети – помеха в достижении материального благополучия	9	74	25	53
Традиционная семья – пережиток прошлого	4	75	24	57

Отношение к семье и семейным ценностям подтверждает позиции нижегородцев с детьми и бездетных в вопросе о традиционной семье. Состоявшиеся родители категорически против утверждения, что традиционная семья – это пережиток прошлого (75%), напротив, четверть бездетных поддерживают этот тезис.

Большинство нижегородцев, имеющих детей, категорически не согласны с тем, что дети могут помешать достигнуть успеха в финансовых делах (74%). Такой же позиции придерживаются чуть более половины бездетных (53%). Они же заявляют о том, что наличие детей может помешать реализации профессиональных планов (57%).

У нижегородцев, имеющих детей, вероятно, сложился образ чайлдфри-приверженцев как неудачников. По их мнению, добровольно бездетные прикрывают чайлдфри-идеологией свое одиночество (32%) и половую неполноценность (27%). Напомним, что более половины нижегородцев имеют крайне смутные представления о самом феномене чайлдфри.

Чайлдфри-приверженцы в социальном окружении нижегородцев. Большинство нижегородцев (68%) не имеют среди своих родных, близких, друзей и знакомых явных приверженцев чайлдфри-идеологии. Примерно у пятой части респондентов в ближнем круге общения есть добровольно бездетные, и 12% не обладают необходимыми сведениями для ответа на данный вопрос.

Однако, когда речь идет о нижегородцах, которые по каким-либо причинам не имеют детей, доля тех, кто лично знаком хотя бы с одним чайлдфри-приверженцем, резко возрастает (69%). Логично предположить что, чайлдфри-феномен весьма распространен в Нижнем Новгороде.

Отношение нижегородцев к детям. Напомним, что чайлдфри-идеологи уже выносят на обсуждение в публичном пространстве вопросы несправедливости единого для всех налогообложения, вынуждающего их финансировать социальные структуры для детей. Результаты исследования показали, что большинство нижегородцев обеих категорий (82% родителей и 68% бездетных) поддерживают государственные программы материальной поддержки семей с детьми (табл. 4).

Значительная часть как и бездетных, так и имеющих детей нижегородцев положительно относятся к тому, что их налоги, в том числе, идут на инфраструктуру для детей (образование, медицинское обеспечение и т.д.), однако среди тех, кто имеет детей, эта доля существенно больше (75% против 55%). Однако среди бездетных повышена доля тех, кого такая ситуация с налогообложением категорически не устраивает (17%) – они предпочли бы, чтобы их налоги пошли на что-то иное.

Большинство бездетных нижегородцев не считают детей главной ценностью в жизни (61%), в то время как состоявшиеся родители уверены в обратном (79%). Однако примерно шестая часть нижегородцев с детьми (16%)

все же полагают, что смысл жизни вполне можно найти в чем-то другом, не обозначая детей как основную ценность.

Важно отметить, что почти две трети не имеющих детей нижегородцев в будущем планируют деторождение. При этом 13% из них готовы к усыновлению, если возникнут проблемы с репродуктивным здоровьем.

Т а б л и ц а 4

Отношение нижегородцев к детям
в контексте семейных отношений и государства, %

	Нижегородцы с детьми			Бездетные нижегородцы		
	1*	2	3	1	2	3
Я хорошо отношусь к тому, что государство материально поддерживает семьи с детьми	82	7	11	68	18	14
Дети – главная ценность в жизни	79	5	16	26	13	61
Я готов платить налоги на инфраструктуру для детей	75	16	9	55	23	17
Можно найти смысл жизни в чем-то, помимо детей	14	9	77	67	14	19
Я ощущаю дискомфорт от присутствия детей в общественных местах	9	6	85	47	16	37

*1 – согласен; 2 – затрудняюсь ответить, 3 – не согласен

Многие бездетные нижегородцы (47%) испытывают дискомфорт от присутствия детей в общественных местах, например, на пляжах, в кафе, в магазинах:

«Меня раздражает, когда дети пристают ко мне на улице или магазине, а их родители смотрят и вместо того, чтобы приструнить свое чадо, стоят и умиляются (ж., 19 лет).

Отметим, что некоторые родители (9%) тоже достаточно критично относятся к присутствию детей в общественных местах.

В подавляющем большинстве нижегородцы готовы вполне спокойно отнестись к тому, если вдруг личность, являющаяся для них авторитетом, или просто их знакомый решат пополнить ряды сторонников чайлдфри-идеологии (68% и 64% соответственно). Что касается реакции на такое решение собственного ребенка или партнера, она крайне негативная (73% и 77% соответственно). Если бы подобное решение принял их близкий друг или

родственник, практически половина (45%) приняла бы такое его решение без эмоциональной окраски, но и почти такая же часть (41%) восприняла бы подобную новость негативно (табл. 5).

Т а б л и ц а 5

Реакция нижегородцев на отказ от рождения детей
кем-либо из их окружения, %

	Положительная	Нейтральная	Отрицательная
Кумиром/авторитетной личностью	14	68	18
Близким другом/родственником	14	45	41
Знакомым	13	64	23
Партнером	12	11	77
Их ребенком	10	17	73

Результаты исследования показали:

– Реальная информированность нижегородцев о чайлдфри-идеологии не высока. Половина респондентов имеют поверхностные знания по этой проблематике. В целом нижегородцы относятся к чайлдфри-феномену достаточно нейтрально, однако лишь до того момента, пока это не касается непосредственно их самих. Большинство предположительно совершенно спокойно реагировало бы на решение их кумира или просто знакомого стать добровольно бездетными. Однако, если речь идет о близком друге или, в особенности, об их партнере, многие бы восприняли такое решение крайне негативно. В близком социальном окружении нижегородцев чайлдфри-приверженцев немного, однако у пятой части нижегородцев чайлдфри есть среди знакомых.

– Седьмая часть нижегородцев в возрасте от 18 до 40 лет заявляет о своем нежелании иметь детей, но стоит учитывать, что примерно две трети из них составляют молодые люди до 23 лет и поэтому велика вероятность изменения жизненных целей и приоритетов. Бездетные нижегородцы активно пытаются обосновать свой отказ от деторождения. Основными мотивами отказа от рождения детей могут быть стремление построить карьеру, свободный образ жизни и отсутствие обязательств, плохое материальное положение и отсутствие бытовых условий для нормальной жизни ребенка.

– Большинство имеющих детей считают, что полноценная семья не может существовать без ребенка, а дети – главная ценность и смысл жизни. Бездетные отстаивают противоположную точку зрения. При этом и родители, и

бездетные положительно относятся к государственной поддержке семей с детьми. Важно отметить, что почти две трети не имеющих детей нижегородцев в будущем планируют деторождение. При этом 13% из них готовы к усыновлению, если возникнут проблемы с репродуктивным здоровьем.

Литература

1. Антонов А.И. Кризис семьи и родительства // Проблемы родительства и планирования семьи. 1992. С. 11-27.
2. Гурко Т.А. Вариативность представлений в сфере родительства // Социологические исследования. № 11. 2000. С. 17-28.
3. Верещагина А.В., Самыгин С.И. Кризис традиционной семьи и альтернативы развития института семьи в России: теоретический анализ с позиций синергетической парадигмы // Инженерный вестник Дона. 2014. № 3. URL: <http://ivdon.ru/ru/magazine/archive/n3y2014/2531>.
4. Полутова М.А. Ценностные и мотивационные установки сообщества «Чайлдфри» / М.А. Полутова, О.О. Жанбаз // Вестник Забайкальского государственного университета. 2015. № 1(116). С. 89-100.
5. Антонова Ю.А. Коммуникативные стратегии в текстах, репрезентирующих идеологию childfree: на грани экстремизма // Политическая лингвистика. 2013. № 2. С. 170-177.
6. Бичарова М.М. «Чайлдфри» и «чайлдхейт»: от свободы до ненависти // Успехи современной науки. 2016. № 12. С. 7-10.
7. Лебедева И.В. Чайлдфри: бездетные и счастливые // Научные итоги года: достижения, проекты, гипотезы. 2016. № 6. С. 89-93.
8. Харитонова Е.В. Духовно-нравственные традиции российского менталитета и современная аномия // Приволжский научный вестник. № 11-2(39). С. 41-44.
9. Бичарова М.М., Пиценко О.В., Горлова Е.В. Чайлдфри – контркультурный вызов современному обществу // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 4. С. 277-281.
10. Борисова О.А. Репродуктивная модель добровольной бездетности // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2016. № 3. С. 22-25.

Y.V. Ushakova
E.A. Alexandrova

FAMILY IN THE CONTEXT OF CHILDFREE IDEOLOGY

In Russia, as in the rest of the world, the childfree community occupies a definite place in the society, being in the eyes of the majority of its members a very specific phenomenon. The attitude of the society with traditional family values to this ideology, which will make it possible to predict the continued existence of the childfree community as a social phenomenon is analyzed.

The results of two sociological studies conducted by the staff of the educational and research laboratory of sociological research at the Faculty of Social Sciences of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod and the students of the faculty: “Behavioural patterns of childfree community supporters” (2017) and “Childless of their own free will as the natives of Nizhny Novgorod understand them” (2018) are presented in the article.

Keywords: family, child-bearing, family values, childfree community, childfree adherents, childfree ideology.

ГЛАВА 2

СЕМЬЯ В МЕЖИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

2.1. ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ СЕМЕЙНОЙ ЭКОСИСТЕМЫ

Материалы посвящены изучению правовых вопросов семейной экосистемы на основе анализа письменных обращений к Уполномоченному по правам человека и Уполномоченному по правам ребенка в Нижегородской области за 2015-2017 гг. и актуальных вопросов защиты прав и законных интересов в системе социального обслуживания и образования в Нижегородской области. Количество обращений за указанные годы увеличилось. Отмечается, что распределение письменных обращений по гендерному принципу различно. Составлен рейтинг прав граждан, являющихся предметом обращений, в соответствии с гендерной принадлежностью инициатора.

Рассматривается Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017-2022 гг. в рамках актуализации гендерного равноправия в обществе. Отмечается противоречивость оценок содержания данного документа экспертами. Проведенный анализ актуальных правовых вопросов семейной экосистемы позволяет констатировать несовершенство современной нормативно-правовой базы и межведомственного взаимодействия при реализации защиты прав и законных интересов в системе социального обслуживания и образования.

Ключевые слова: права человека, права детей, гендерное равноправие, Национальная стратегия действий в интересах женщин, сопровождение семьи, дети, оставшиеся без попечения родителей/

Анализируя сферу реализации прав и свобод человека, можно определить два направления с соответствующими гипотезами: чаще всего нарушается механизм реализации прав женщин; при нарушении механизма реализации прав человека (например, члена семьи, в т.ч. ребенка) в официальные организации в основном обращаются женщины.

За 2015 г. Уполномоченному по правам ребенка в Нижегородской области поступило 661 обращение (табл. 1). Это жалобы граждан и организаций на нарушение прав и свобод детей их родителями, родственниками, не состоящими в кровно-родственных отношениях с ребенком, а также анонимные/коллективные обращения.

Около 46% обращений в рамках первой категории поступило от бывших воспитанников детских домов, которые вынуждены проживать у родственников или искать альтернативное место жительства, так как их право на жилье не было реализовано после выпуска из социального учреждения. В основном, обращающимися из числа бывших воспитанников детских домов являются матери-одиночки. Обращаются за улучшением своих жилищных условий многодетные матери – 25%, матери-одиночки и малоимущие семьи – 13%, семьи с детьми-инвалидами – 12%.

Т а б л и ц а 1

Анализ письменных обращений к Уполномоченному по правам ребенка в Нижегородской области за 2015 г.*¹

Права граждан, являющиеся предметом письменных обращений	Всего	Женщины (%)	Мужчины (%)
1. Право на жилище	128	83	17
2. Обращение (жалобы), касающиеся деятельности государственных и муниципальных органов (опеки и попечительства, правоохранительных, исполнительной власти, ФССП, ФСИН)	83	90	10
3. Право на образование	61	100	0
4. Право на медицинское обслуживание	49	79	21
5. Право на социальное обеспечение	31	81	19
6. Обращения, касающиеся определения места жительства ребенка	30	68	32
7. Обращения, касающиеся выплаты алиментов	29	100	0
8. Право на приобретение гражданства РФ, на обеспечение иных миграционных прав	23	—	—**
9. Право на благоприятную окружающую среду	14	—	—
10. Право собственности	6	93	7
11. Обращения, касающиеся иных прав детей (прочие)	207	—	—
Всего обращений	661		

* – при гендерном процентном распределении в таблице не учтены коллективные и анонимные обращения, которые входят в общее количество обращений.

** – информация о процентном гендерном распределении по обращениям о нарушении данного права отсутствует.

Жалобы, касающиеся деятельности государственных и муниципальных органов, связаны с бездействием и регламентом работы органов опеки и

¹ Данные предоставлены аппаратом Уполномоченного по правам ребенка в Нижегородской области.

попечительства, отсутствием выплат социальных пособий, неисполнением деятельности по взысканию алиментов, ненадлежащим обеспечением детей-сирот в социальных учреждениях, а также бездействием правоохранительных органов в отношении заявлений граждан.

Третья категория обращений содержит вопросы, связанные, в основном, с конфликтными взаимоотношениями ребенка с администрацией школы, учителем, неправильным поведением последнего в отношении ребенка. Эти обращения в абсолютном большинстве поступают от женщин, незначительная часть обращений – коллективные либо анонимные.

К категории «право на медицинское обслуживание» относятся обращения по причине отказа в оформлении или продлении инвалидности ребенку, причинения вреда здоровью ребенка или его смерти по вине медицинского персонала, неоказания помощи в лечении ребенка-инвалида, неисполнения обязанностей частными медицинскими компаниями.

Около 5% обращений граждан связано с просьбой оказания содействия в жизнеустройстве ребенка-сироты в замещающую семью, а именно в лишении родительских прав биологических родителей за неисполнение функций по воспитанию ребенка и асоциальный образ жизни, в оформлении документов в соответствии с выбранной формой устройства. В основном с данной просьбой обращаются родственники матерей-одиночек. За содействием в разрешении вопроса по поводу общения с ребенком после развода обратились 23 человека, большая часть из которых отцы.

Особо отметим обращения замещающих семей (около 4%). В абсолютном большинстве (98%) инициаторами обращений выступают женщины по вопросам обеспечения детей жильем, некорректного отношения в школе со стороны одноклассников и учителей к приемному ребенку, а также защитой их прав.

Анализ письменных обращений к Уполномоченному по правам ребенка в Нижегородской области за 2016 г. включает расширенный и подробный список нарушений прав, являвшихся предметом жалоб граждан (табл. 2).

Количество обращений в аппарат Уполномоченного по правам ребенка (табл. 1 и табл. 2) увеличился за последние 2 года (2015 г. – 661 обращение, 2016 г. – 762 обращения). Инициаторами обращений в 75% случаев выступают женщины вне зависимости от наименования права, являвшегося предметом обращения. Только в отношении установления порядка общения с ребенком инициаторами обращений в большинстве случаев выступили мужчины, так как после развода ребенок зачастую остается с матерью.

Т а б л и ц а 2

**Анализ письменных обращений к Уполномоченному по правам ребенка
в Нижегородской области за 2016 г.**

Права граждан, являющиеся предметом письменных обращений	Всего	Женщины	Мужчины	Прочие
Всего	762	534	176	52
1. Право на образование	73	58 (80%)	12 (16%)	3 (4%) коллектив. обращения
2. Право на жилище	118	85 (72%)	33 (28%)	
3. Право собственности	11	10 (91%)	1 (9%)	
4. Право на социальное обеспечение	62	58 (94%)	4 (6 %)	
5. Право на медицинское обслуживание	38	24 (63%)	13 (34%)	1 (3%) организация
6. Право на благоприятную окружающую среду	33	22 (66%)	10 (31%)	1 (3%) коллективные обращения
7. Обращение (жалобы), касающиеся деятельности государственных и муниципальных органов (опеки и попечительства, правоохранительных, исполнительной власти, ФССП, ФСИН)	82	50 (61%)	29 (35%)	3 (4%) коллективные и анонимные обращения
8. Обращения, касающиеся выплаты алиментов	39	39 (100%)	0	
9. Право на приобретение гражданства РФ, на обеспечение иных миграционных прав	20	18 (90%)	2 (10%)	
10. Обращения, касающиеся определения места жительства ребенка	64	49 (77%)	15 (23%)	
11. Обращения, касающиеся иных прав детей	208	—	—	
12. Сообщения о неблагополучии в семьях, неисполнении родительских обязанностей, в т.ч. насилии	74	22 (30%)	10 (14%)	41 (55%) микрофин. организации 1 (1%) анонимные
13. Порядок общения с ребенком	38	18 (47%)	20 (53%)	
14. Право ребенка на семью (установление отцовства, опекунов родными, усыновление, приемные семьи)	25	18 (72%)	7 (8%)	
15. Лишение родительских прав	15	13 (87%)	2 (13%)	
16. Прочие нарушения, не включенные в другие	56	39 (70%)	16 (28%)	1 (2%) анонимные
17. Обращения, не касающиеся прав детей	14	11 (79%)	2 (14%)	1 (7%) анонимные

Стоит отметить, что в 55% случаев инициаторами сообщений в аппарат Уполномоченного о неблагополучии семьи и неисполнении родительских обязанностей выступили микрофинансовые организации¹, что говорит о несвоевременном выявлении семей группы риска социальными службами.

Анализ письменных обращений к Уполномоченному по правам человека в Нижегородской области позволяет констатировать, что 60% обращений о нарушении прав в 2016 г. поступило от мужчин (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Анализ письменных обращений к Уполномоченному по правам человека в Нижегородской области за 2016 г.

Права граждан, являющиеся предметом письменных обращений	Количество обращений	Женщины	Мужчины	Прочие
Всего	1763	679 (38%)	1061 (60%)	23 (2%)
1. Личные права	74	21 (28 %)	53 (72%)	0
2. Экономические права	283	105 (37%)	170 (60%)	8 (3%)
3. Социальные права	733	410 (56%)	308 (42%)	15 (2%)
4. Политические права	12	4 (35%)	8 (65%)	0
5. Права в судебной и правоохранительной деятельности	661	139 (21%)	522 (79%)	0

Выстраивая рейтинг прав граждан, являющихся предметом обращения мужчин в аппарат Уполномоченного по правам человека в 2016 г., заметим, что в 30% случаев от общего количества обращений мужчины обращались по причине нарушения их прав в судебной и правоохранительной деятельности, в 17% случаев – социальных прав, 9% обращений свидетельствуют о нарушении экономических прав, 3% – личных прав и 1% – политических прав. Среди письменных жалоб на нарушения прав, поступивших от женщин, из общего количества жалоб 23% обращений констатируют нарушение социальных прав женщин, 7% – нарушение прав в судебной и правоохранительной деятельности,

¹ Микрофинансовая организация (МФО) – это коммерческая или некоммерческая организация, не являющаяся банком и выдающая займы в соответствии с Федеральным законом от 02.07.2010 № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» (URL: <http://www.cbr.ru/finprosvet/>).

5,5% – нарушение экономических прав, 2% – нарушение личных прав и 0,5% – нарушение политических прав.

За период с 1 января по 17 апреля 2017 г. в адрес Уполномоченного по правам человека поступило 453 обращения, 255 из которых от мужчин и 198 – от женщин. Можно сделать вывод, что в Нижегородской области чаще всего нарушается механизм реализации прав мужчин, что опровергает исследовательскую гипотезу о том, что преимущественно нарушается механизм реализации прав женщин.

В международный женский день 8 марта 2017 г. была подписана Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017-2022 гг. Стратегия предполагает создание условий для реализации научного и интеллектуального потенциала женщин, увеличения доли женщин в бизнесе, на руководящих постах, в том числе в сфере политических и дипломатических отношений, а также принятие мер по сокращению разницы в оплате труда мужчин и женщин (например, путем расширения списка видов работ, на которых женщины могут осуществлять свою трудовую деятельность) [1]. Однако подобные положения находят противоречивые отзывы экспертов, полагающих, что реализация стратегии приведет к краху традиционных семейных ценностей, снижению уровня рождаемости и пропаганде европейского образа жизни: «Можно возложить на российских женщин всю меру ответственности управления страной, да и справятся они с этим не хуже мужчин, но дальше в такой логике будет раскручиваться классический маховик феминистических движений, что женщина способна со всем справиться сама. Женщина справится с мужской ролью, но мужчина с женской – родить ребенка, нет. Искусственное подталкивание женщин к феминизму губит российское общество» [2]. Выдвигается тезис о том, что необходимость расширения прав женщин в политической, научной сфере, сфере труда обусловлен желанием властных структур увеличить доход государства за счет расширения границ трудоустройства женщин. Однако, на наш взгляд, если профессионально ориентированная женщина будет реализовывать свой трудовой потенциал в любой сфере (политика, предпринимательство, наука) грамотно и адекватно, она не будет дискриминирована. В свете этого необходимо подчеркнуть, что результаты исследования, проведенного Левада-центром в 2016 г., показывают, что далеко не все женщины считают необходимым уравнивание их прав с правами мужчин. В целом большинство мужчин и женщин в России отрицают необходимость полного равноправия в нашем обществе, однако в подобном «едином мнении» есть некоторые нюансы, различающие отношение мужчин и женщин к гендерному вопросу. Наличие равных прав как важного социально-

правового аспекта отметили мужчины и женщины (51% и 75% соответственно). С одной стороны, данные показатели подтверждают желание женщин вынести вопрос гендерного равноправия на обсуждение и, возможно, найти его решение. С другой стороны, можно заметить, что интерес мужчин к данной проблематике менее значим, что указывает на их желание сохранить имеющуюся в обществе гендерную асимметрию [3]. Обсуждение тем гендерной тематики в большей степени присуще женской половине населения. Зачастую эти темы связаны с их повседневными практиками, а не со сферами политических или экономических отношений. Однако и здесь можно дифференцировать женские позиции, так как часть из них ориентируется на современные ценности, а другая – на более традиционалистские: «абсолютное большинство женщин уверены, что равноправия полов в России нет, но далеко не все думают, что оно им необходимо» [3].

Отметим, что противоречивое содержание Национальной стратегии действий в интересах женщин не решает существующих острых проблем, связанных с ущемлением прав семейно-ориентированных женщин в трудовой сфере. Появляется необходимость более дифференцированного статистического учета любых видов обращений граждан в официальные организации по нарушению их прав по гендерному принципу для разработки эффективных механизмов реализации прав и свобод мужчин и женщин.

В соответствии с приказом Министерства социальной политики Нижегородской области от 27.12.16 № 674 «Об утверждении комплексного плана организационно-методической работы государственных учреждений социального обслуживания населения Нижегородской области в сфере реализации семейной политики на 2017 год», в рамках празднования Дня правовой грамотности в ноябре 2017 г. на базе ГБУ «Областной центр социальной помощи семье и детям «Журавушка» состоялся «круглый стол» для специалистов по защите прав детства, юристов и социальных педагогов сферы социального обслуживания и образования по теме «Основные вопросы защиты прав и законных интересов несовершеннолетних в системе социального обслуживания и образования в Нижегородской области». «Круглый стол» прошел при участии Уполномоченного по правам ребенка в Нижегородской области, специалистов аппарата Уполномоченного по правам ребенка в Нижегородской области, представителей Министерства социальной политики Нижегородской области, представителей Главного управления Министерства юстиции РФ по Нижегородской области.

Большую часть обсуждаемых вопросов можно разделить на два тематических блока: несовершенство законодательной базы (поиск

оптимального решения в соответствии с действующим законодательством); проблемы межведомственного взаимодействия при реализации прав и интересов ребенка. В рамках первого тематического блока наиболее острыми были вопросы, связанные с реализацией интересов ребенка, чьи родители ограничены или лишены родительских прав. Специалисты социально-реабилитационных центров для несовершеннолетних не имеют права отказать в возвращении ребенка в семью по заявлению матери, если она являлась инициатором помещения ребенка в учреждение, в случае неразрешения сложной жизненной ситуации в семье. Появляется риск развития и усугубления семейного неблагополучия, снижения ресурсного потенциала семьи, вследствие чего может произойти изъятие ребенка из семьи. Решением подобных ситуаций в рамках действующего законодательства может стать только информирование субъектов системы профилактики семейного неблагополучия для их более пристального внимания к семье, более частого ее посещения для мониторинга жизнедеятельности семьи и быстрого реагирования в случае выявления предпосылок нестабильного функционирования семьи. Отмечались случаи повышения уровня ответственного родительства и преодоления внутрисемейных трудностей после лишения родителей прав по воспитанию ребенка, который оставался в семье под возмездной опекой родственников. Однако родители, фактически проживающие с ребенком и реализующие воспитательную функцию, не желали восстанавливать родительские права, чтобы не утратить возможность получения финансовых мер социальной поддержки «замещающей семьи». В связи с учащением подобных случаев специалисты системы социального обслуживания предлагают рассмотреть возможность введения права на ходатайство в восстановлении родительских прав «исправившихся» родителей.

Еще одним вопросом в рамках законодательного поля является регламентация предоставления социальных услуг семьям, обратившимся в отделения комплексных центров социального обслуживания населения. Предоставление услуг в полустационарной форме в социально-реабилитационных центрах для несовершеннолетних и центрах помощи семье и детям осуществляется согласно ФЗ от 28.12.2013 № 442-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [4, ст. 19]. Однако данным нормативно-правовым актом не регламентируется порядок предоставления социальных услуг отделениями социального обслуживания семьи и детей, в сферу деятельности которых входит организация социального патронажа семьи, летнего оздоровительного отдыха, а

также клубной работы с семьей, что может затруднять реализацию указанных видов деятельности специалистами учреждений.

В рамках второго тематического блока обсуждалось несовершенство межведомственного взаимодействия при реализации защиты прав и интересов ребенка. В Федеральном законе от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 07.06.2017) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» перечисляется 14 субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, среди которых комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, органы управления социальной защиты населения и учреждения социального обслуживания, специализированные учреждения для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации, органы, осуществляющие управление в сфере образования, и организации, осуществляющие образовательную деятельность, специальные учебно-воспитательные учреждения открытого и закрытого типа, органы опеки и попечительства, органы по делам молодежи и учреждения органов по делам молодежи, органы управления здравоохранением и медицинские организации, органы службы занятости, органы внутренних дел, подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел, центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел, иные подразделения органов внутренних дел, учреждения уголовно-исполнительной системы, общественные объединения, осуществляющие меры по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [5, гл. 2]. Сегодня специалисты говорят о том, что межведомственные связи работают недостаточно эффективно, в том числе по причине отсутствия межведомственных мероприятий, направленных на совершенствование системы профилактики и повышение уровня сплоченности ведомств, реализующих защиту интересов семьи и детей. Одним из возможных механизмов повышения уровня межведомственного взаимодействия может выступать заключение трехсторонних соглашений между социальными учреждениями, органами опеки и попечительства и комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав, которые будут регламентировать деятельность сторон по выявлению, направлению и работе с неблагополучной семьей и детьми. В этой связи в Нижегородской области был разработан пилотный проект стандарта сопровождения семьи в трудной жизненной ситуации, который будет апробирован на двух площадках: ГБУ «Областной центр помощи семье и детям «Журавушка»» и ГБУ «Центр помощи семье и детям Городецкого района». В рамках данного проекта предполагается разработка стандартов по объемам и критериям предоставления социальных

услуг семье в трудной жизненной ситуации и взаимодействия организаций, учреждений и ведомств, организующих данную деятельность.

В этом контексте можно говорить, что в правовом поле семейной экосистемы сегодня организуется деятельность по совершенствованию законодательных основ и функционирования механизмов защиты прав и законных интересов несовершеннолетних в системе социального обслуживания и образования. Однако в рамках действующего законодательства остается большое количество незавершенных в решении вопросов, связанных как с организацией работы в данной сфере, так и с частными случаями семей и детей.

Литература

1. Распоряжение от 8 марта 2017 г. № 410-р Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщины на 2017-2022 гг. URL: <http://government.ru/media/files/njlkIvH7WCvOIYRmcucV4jdNihEmTOUe.pdf> (дата обращения 25.03.2017).
2. Кравченко Л.И. Стратегия действий в интересах женщин или Кремля? // Центр Сулакшина. 2017. 15 марта. URL: <http://rusrand.ru/analytics/strategiya-deystvii-v-interesah-jenschin-ili-kremlya> (дата обращения 10.04.2017).
3. Левинсон А.Г., Борусяк Л.Ф. Обыденный сексизм: существует ли в России равноправие полов // РБК Нижний Новгород. 2016. 13 апреля. URL: <http://www.rbc.ru/opinions/society/13/04/2016/570e361f9a79477063c54efd> (дата обращения 10.04.2017).
4. Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ (дата обращения 29.11.2017).
5. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 07.06.2017) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509/ (дата обращения 29.11.2017).

N.T. Otdelkina
T.N. Zakharkina

LEGAL QUESTIONS OF THE FAMILY ECOSYSTEM

The article is devoted to the study of the legal foundations of the family ecosystem on the basis of an analysis of written appeals to the Commissioner for Human Rights and the Commissioner for Children's Rights of the Nizhny Novgorod region for 2015-2017 and urgent issues of protecting rights and legal interests in the social service and education system in the Nizhny Novgorod region. The number of applications for these years has increased. The number of appeals over these years has increased. The gender approach has revealed that the make –up of written appeals is different. The paper has drawn up the gender-related rating of citizens' rights which they referred to in their claims. The paper also supports the necessity of more differentiated gender- based statistical registration of appeals.

The 2017-2022 National Strategy of actions in behalf of Women is considered as a tool to ensure gender equality in the society. The authors claim that experts give it contradictory assessments. The analysis of the current legal issues of the family ecosystem allows us to state the imperfection of the current regulatory framework and interagency cooperation in the implementation of the protection of rights and legitimate interests in the system of social services and education.

Keywords: human rights, children's rights, gender equality, National Strategy of actions in behalf of Women, family support, children without parental care

2.2. БЕЗОПАСНОСТЬ СЕМЕЙНОЙ ЭКОСИСТЕМЫ: ИНФОРМАЦИОННЫЕ РИСКИ

Анализируются проблемы экологии семьи, возникающие в связи с возрастающей информатизацией общества и опосредованием общения техническими средствами, что актуализирует изучение информационных рисков в функционировании семьи, основными источниками которых являются телевидение и Интернет.

Ключевые слова: семья, экосистема, информационный риск, информационная экология, телевидение, Интернет.

В настоящее время в социально-гуманитарных исследованиях широко развивается подход к моделированию процессов на основе моделей экосистем по аналогии с биологическими. Экосистема – это природный комплекс, образованный живыми организмами и средой их обитания, связанными между собой обменом вещества и энергии. Термин ввел английский ботаник А. Тенсли [1].

Общество тоже можно назвать экосистемой. Т. Парсонс в работе «Система современных обществ» обосновывает это так: «общество такой тип социальной системы, который обладает наивысшей степенью самодостаточности относительно своей среды, включающей и другие социальные системы... Любое общество для сохранения себя в качестве системы зависит от того, что оно получает в порядке взаимобмена с окружающими системами. И, значит, самодостаточность в отношении среды означает стабильность отношений взаимобмена и способность контролировать взаимобмен в интересах своего функционирования [2, с. 19-20]. Семья как подсистема общества также является экосистемой, образовывается ее членами, связанными средой обитания, общностью быта и взаимобменом ресурсами. Семейная экосистема формируется не только из характеристик ее внутренних частей – социальных компонентов, но и из параметров окружающей среды, взаимосвязей и взаимообусловленностей между ними, оказывающих влияние на ее развитие.

Становление информационного общества предопределяет неизбежное изменение условий существования семейной экосистемы. Все стороны современного образа жизни в значительной степени пронизываются информационными отношениями, базирующимися на информационных технологиях, при этом формирование потребностей, интересов, взглядов, ценностных установок, мировоззрения человека в целом обусловлено его деятельностью в информационной среде. Информационные технологии, как и

любые технологии, приносят семейной экосистеме как пользу, так и вред, что актуализирует исследование информационных рисков.

Законодательно установленное определение риска представлено в статье 209 раздела X «Охрана труда» главы 33 «Общие положения» Трудового кодекса Российской Федерации (от 30.12.2001 № 197-З, ред. от 03.07.2016, с изм. с 03.10.2016): профессиональный риск – вероятность причинения вреда здоровью в результате воздействия вредных и (или) опасных производственных факторов при исполнении работником обязанностей по трудовому договору или в иных случаях, установленных настоящим Кодексом, другими федеральными законами [3].

В дискурсе нашего исследования под риском мы будем понимать вероятность причинения вреда здоровью семьи и каждому ее члену в отдельности в результате воздействия вредных и (или) опасных потоков информации. Информационными средствами реализации рисков функционирования семьи являются телевидение, радио и Интернет.

По данным ВЦИОМ, главным источником новостей для россиян остается телевидение, однако его популярность со временем снижается (62% в 2015 г., 52% в 2017 г.). Радио и газеты называют существенно реже (3% и 4% участников опроса соответственно). Одновременно растет популярность Интернета (включая информационные сайты, социальные сети и блоги), который сегодня используют для поиска новостных материалов 32% всех опрошенных (в 2015 г. – 22%), а среди молодежи этот показатель значительно выше: 65% – 18-24-летних, 50% – 25-34-летних [4].

Таким образом, информационными средствами, дающими основные потоки информации семейной экосистеме, являются телевидение и Интернет. Оба эти источника содержат много как качественной (ценной, достоверной, полной) информации, так и некачественной, поэтому то влияние, которое они окажут на формирование потребностей, интересов, взглядов, ценностных установок человека и его семьи, во многом зависит от умения ими пользоваться – проверять источники, выбирать программы, ограничивать время просмотра и др., то есть от воспитанного в семье отношения к информации и умения с ней работать. Не во всех семьях родители могут показать пример того, как использовать информацию. По данным нашего исследования «Анализ вовлеченности подростков старшего школьного возраста в глобальную сеть Интернет», проведенного на базе школ Чувашской Республики (сельская школа) и Нижнего Новгорода (городская школа) в 2015-2016 гг. (n=200), родители обеспечивают ребенку доступ к более чем двум средствам выхода в Интернет; не проверяют, что ребенок смотрит в Сети; сами в свободное время

используют компьютер более 2 часов в день. Однако время доступа ребенка ограничивают: практически у половины респондентов (43%) возникали проблемы или конфликты с окружающими по поводу долгого времяпрепровождения в Сети, запрещали пользоваться Интернетом (19%). Нельзя также не отметить, что 35% подростков скрывали от семьи некоторые моменты выхода в Сеть. Между родителями и детьми не существует полного доверия и взаимопонимания по поводу использования Интернета.

Возникает вопрос, если родители не могут контролировать доступ ребенка к телевидению и Интернету, что же он может там увидеть? Может ли действительно информация, полученная из этих источников, навредить как человеку, так и семье в целом?

Ряд исследователей, в том числе Е.А. Бокша, отмечают, что американское телевидение, а точнее, речь идет об американских сериалах, склонно умалить важность образа нуклеарной семьи [5]. Часто в центре сюжета показаны романтические отношения мужчин и женщин зрелого возраста 30-40 лет, не состоящих в браке и не стремящихся к нему, как и к рождению детей. Герои стремятся сделать карьеру, развиваться, вести насыщенную интересную жизнь, периодически меняя романтических и сексуальных партнеров. Сейчас популярны сериалы «Касл», «Менталист», «Кости», «Элементарно», «Следствие по телу» с указанным сюжетом, так что можем констатировать, что данная тенденция за пять лет не изменилась, тем более сериалы часто насчитывают от трех и более сезонов.

Другим «наследием» американского телевидения являются сериалы про большие, многодетные семьи, где опять-таки показаны сложные семейные взаимоотношения. Однако эмоциональный контекст другой – ироничный, высмеиваются отношения и конфликты в системах «муж – жена», «жена – теща», «брат – брат», «родители – дети», «семья мужа – семья жены». И если раньше это были сериалы «Моя прекрасная няня», «Счастливы вместе», «Папины дочки», то сейчас это «Воронины» или «Сваты», однако сюжет продолжает строиться на узнаваемых отношениях внутри семьи, способах решения семейно-бытовых проблем, которые возникают у героев постоянно, и ничем кроме них они заниматься не могут. Естественно, такие сериалы создают обоснованные сомнения в целесообразности создания большой семьи, неосознанно продолжая влиять на представления зрителей.

Другим популярным сюжетом стала история о матери, пытающейся совместить работу и воспитание детей, или вынужденной расставить приоритеты, выбрать, что для нее важнее – «Ольга», «Мамочки». Появление данных телепроектов, безусловно, отражает тенденции в современных

семейных отношениях, когда в обществе все больше монородительских, чаще материнских семей. Однако сюжет, построенный на противопоставлении «ребенок – работа», формирует у зрителей обоснованные сомнения – «что важнее, семья или карьера?».

Еще одной «модной» тенденцией является формирование терпимости в отношениях противостояния «муж – жена».

- Сериал канала ТНТ «СашаТаня» построен на идее противостояния интересов мужа и жены и стремлении отстоять свои потребности любым, даже негативным способом. Например, главная героиня предлагает мужу надеть новые ботинки, ждет, когда он натрет мозоли и не сможет ходить, предлагает ему посидеть-отдохнуть и радостно уходит с его кредиткой в магазин женского белья.

- В сериалах «Воронины» и «СашаТаня» для достижения своих целей героини постоянно используют секс как поощрение поступков мужа или отказывают в нем для порицания его действий. С точки зрения ценностей, сериал транслирует идею «распространения любовной эротики как способа отвлечения от семейных проблем, способа ухода от разных невзгод (непонимание, исчезновение любовных чувств, повседневная рутина и т.д.), противопоставления отношений взаимопонимания, взаимопомощи, взаимного доверия индивидуалистическим позициям отдельно взятых членов семьи с доминантой эгоистических интересов» [5].

- Телепроект «Папа попал» построен на противопоставлении функциональных ролей мамы и папы. Мамы показаны как добытчик в семье, хозяйка, иными словами, супервумен, а мужчина – как слабое существо, не способное приготовить еду или включить стиральную машину, и даже дети в программах смеются над папой и ждут, что у него ничего не получится, потому что он ничего не делал по дому. Сколько мужчин в российских семьях периодически пренебрегают домашними обязанностями, и над всеми ли стоит смеяться, надо ли их перевоспитывать? – вот над чем предлагается подумать телезрителю. И все это на фоне того, что папы забывают детей в детских учреждениях, не кормят сутками или часами оставляют без присмотра, но в конце папа становится положительным, и все его прошлые проступки ему прощаются.

- Идеи поиска супруга, исходя из корыстных побуждений, – шоу «Как выйти замуж за миллионера?» и «Холостяк», где показана борьба за руку либо знаменитого, либо богатого партнера, причем борьба ведется всеми средствами – обман, сексуальное манипулирование, ложь, изображение из себя «жертвы

жизненных обстоятельств». Целевой аудиторией являются молодежь, пожилые, одинокие, интересующиеся «поиском любви».

- Терпимость к интересу супругов другими мужчинами/женщинами. Например, девиз шоу «Обмен женами» – «Всем семейным людям порой хочется кардинально сменить обстановку и освежить отношения»; суть программы – на семь дней две мамы обменяются семьями [6].

Другой значимой тенденцией является демонстрация конфликта «родители – дети»: «на уровне пропаганды и рекламы идет явное или завуалированное их противопоставление и внедрение идей утилитарного использования возможностей старшего поколения» [5]. Например, современный сериал «Ольга» и телепрограмма «Дочки-Матери. Беременна в 16», где родители постоянно обвиняются в неправильном поведении детей. И, несмотря на то, что родители действительно несут ответственность за поведение детей, нельзя снимать с ребенка груз ответственности за свои действия, иначе он никогда не научится заботиться о ком-то, кроме себя.

С экрана телевизора часто слышно, что сексуальные отношения – главный аргумент в разрешении семейных проблем; расширенная семья всегда создает проблемы в отношениях супругов; свекровь – враг невестки; семейная жизнь – череда уступок, манипуляций и хитростей; выбрав семью, придется отказаться от карьеры. В конечном счете, это формирует антиценность семьи и брака. Однако не стоит забывать, что это только дискурс, который создает риски для семейной экосистемы. Будет ли этот риск реализован, то есть, будет ли ущерб нанесен, зависит от отношения людей к информации, от умения критически анализировать, верифицировать, ставить под сомнение полученные данные, способность делать собственные выводы, а не просто потреблять «картинки».

Более опасным, с нашей точки зрения, является не демонстрация проблем в семье, к этому можно отнестись критически, а высмеивание семейных отношений во множестве юмористических шоу: «Уральские пельмени», «StandUp», «ComedyClub». Спецификой этих шоу является демонстрация абсурдности семейных отношений, а также свободного выражения эмоций с налетом скандальности и непристойного поведения. Эта же тенденция прослеживается во многих шоу, агрессивными и соревновательными становятся даже исконно домашние кулинарные программы «Адская кухня», «Кондитер» и «На ножжах» на канале «Пятница».

Современное, в особенности молодежное, телевидение отличается культом «плотской любви», высмеиванием традиционных морально-этических

норм, пропагандой «свободного» во всех смыслах образа жизни. Е.А. Бокша называет такой контент – «воспитание дистанцированной и ироничной зрительской аудитории, для которой не существует ни авторитетов, ни рамок приличий, ни зон вне критики, в том числе и фамилистских ценностей» [5]. Такое воздействие на неокрепшую психику подростка влияет отрицательно. По данным разных исследований, дети, которые смотрят только образовательные программы, легче адаптируются в социуме, лучше успевают в школе и обладают более богатым словарным запасом [7, с. 155-158]. Это доказывает, что к информации телевидения нельзя относиться однозначно. Влияние на ребенка и семью будет зависеть от того, соблюдают ли в семье меры информационной безопасности или ориентируются на разработки информационных экологов.

Вторым крупным источником информационных рисков в семье является Интернет. Это второй по значимости для семьи и первый для молодежи источник информации. По данным нашего исследования «Анализ вовлеченности подростков старшего школьного возраста в глобальную сеть Интернет», подростки проводят в сети Интернет от двух часов в день (37%) до более пяти часов в день (46,5%).

В научной литературе предлагается несколько классификаций информационных, а точнее Интернет-рисков для функционирования семьи. Мы возьмем за основу разработку Е.В. Белоножки [8, с. 42-45].

Е.В. Белоножка объединяет все опасности Интернет-среды в четыре группы рисков, такие как: контентные, коммуникационные, электронные и потребительские риски. Контентные риски – это упоминание в публикуемых текстах призывов к негативной, противозаконной деятельности или неэтичным поступкам. Например, в мае 2018 г. СМИ обсуждали предложение одного из авторов американского консервативного политического еженедельника Washington Examiner разбомбить Крымский мост, на котором открылось автомобильное движение; по его мнению, «неотложная моральная актуальность» такого поступка очевидна [9].

Коммуникационные риски возникают в процессе общения. Дети могут вступать в группы в социальных сетях, несущие негативный контент, например, действующая группа ВКонтакте «Жертва суицида» (8193 подписчика), «Суицид души» (4521 подписчик), «От любви до суицида» (5583 подписчика), «Суицид как стиль жизни» и много других [10].

Электронные риски – возможность столкнуться с хищением персональных данных, риск подвергнуться онлайн-мошенничеству, шпионским

программам. Например, со знаменитостями подобное происходит часто, но в потенциальной опасности находятся все.

Следующая группа рисков относится, скорее всего, к деятельности взрослых людей, но есть вероятность, что дети, имея доступ к финансам, производят онлайн-покупки. На возникновение потребительских рисков повлияло появление в сети Интернет-магазинов, которые предоставляют товары, в качестве которых пользователь не может быть уверен до получения товара [8]. Например, в рекламе Интернет-магазина Joom героиня заваливает всю комнату покупками, даже не распечатывая коробки, объясняя целесообразность своего поведения тем, что куплено со скидкой.

Риски Интернет-среды в случае реализации могут нанести урон психике ребенка, его взаимоотношениям с окружающими, экономическому положению, даже создавать угрозу жизни.

Рассмотрим контентные риски подробнее, их также можно классифицировать:

- контент, содержащий призыв к любому виду насилия. Этот вид уже нами рассмотрен выше;
- контент, содержащий информацию порнографического характера.

В сети Интернет функционирует значительное количество web-страниц, предоставляющих возможность просмотра эротического и порнографического характера в условиях анонимности, то есть без риска для своей репутации. Например, по запросу порнографических сайтов находится 3306 млн. ссылок. В социальных сетях множество групп с сексуальной тематикой: «Секс 18+» (1 084 327 подписчиков), «Секс & Порнография» (528 000 подписчиков), «Любовь и секс 18+» (590 619 участников) и еще множество вариаций; по запросу «виртуальный секс» поисковая система находит 71 млн. результатов. И даже если человек, и что более важно, ребенок, не сделает специального запроса, на сайтах, посвященных музыке или фильмам, в рядах рекламных объявлений периодически призывают приобрести игры с эротическим контентом или подтекстом.

Встреча ребенка с сексуальным контентом опасна, поскольку просмотр подобных программ и сайтов провоцирует раннее взросление ребенка, а, как известно, физическое созревание ребенка происходит раньше социального. Данные, полученные через Интернет, подкрепляются и информацией с телеэкранов. Например, программа «Беременна в 16» – реалити-шоу о жизни до и после родов девочек, забеременевших в 16 лет. Каждый сюжет завершается интервью, в котором девочки признаются, что своему ребенку они бы не

желали родить так рано, но не жалеют о решении родить. Программа имеет, с одной стороны, обучающий характер, жизнь девочек показана как очень проблемная, а с другой – показывает, что можно делать все, что нравится, что благодаря рождению ребенка девочка стала самостоятельной единицей общества.

- Некачественный контент. Восприятие молодежью Интернета как единственного достоверного источника знаний – ложное. Поисковые сайты устроены таким образом, что предоставляют узкую подборку информации и ссылок на другие сайты, помогая сразу найти то, что интересует пользователя, и максимально исключить лишнее [8]. Объективные данные получит только тот, кто не остановится на первых двух ссылках по своему запросу, кто способен критически оценить имеющиеся сведения, кто ценит информацию и умеет с ней работать.

- Недостоверный контент – распространение непроверенной или заведомо ложной информации, провоцирующей на общественно неодобряемые действия. Прекрасным примером является «гречневая паника»: «поползли зловещие слухи: из-за неурожая ожидается острый дефицит гречки. И хотя реальные данные говорили о том, что Россия гречкой обеспечена с лихвой, уже после первых сообщений в СМИ в магазины потянулись граждане с авоськами. А дальше началась цепная реакция. Увидев соседей, волокущих из магазина по 10 кг гречки, в магазины побежали и те, кто в слухи не очень поверил, но «решил подстраховаться». Журналисты, внимательно отслеживающие ситуацию, сообщили о нарастающем ажиотаже в магазинах. После этого за гречкой устремились даже те, кто гречки принципиально не ест» [11]. В результате непроверенная информация привела к неадекватному поведению, в итоге пострадал семейный бюджет, так как при росте спроса росли и цены.

- Собственный контент – проблемой может стать и собственный контент, размещаемый в Интернете. Подростки показывают на своих страницах в социальных сетях свои фотографии в нижнем белье, забывая о собственной безопасности. Например, в 2017 г. курсанты Ульяновского летного училища сняли и опубликовали скандальный клип с эротическим подтекстом, не задумываясь о последствиях: ни о собственной репутации и возможности отчисления за нарушение дисциплины, ни о репутации Ульяновского института гражданской авиации, элитного учебного заведения с 90-летней историей [12]. В 2016 г. представители полиции обратились к гражданам России с предостережением не размещать свои отпускные фотографии, потому что тексты наподобие «я в аэропорту, ... встречай», повышают риск квартирных

краж примерно в два раза [13]. На эту ситуацию стоит обратить внимание, поскольку, говоря об Интернет-рисках, мы чаще всего апеллируем к вреду, наносимому психике, однако под угрозой могут находиться и семейные отношения из-за «обнарождения» частных фото и видео.

Неадекватное восприятие собственного контента в Интернете может провоцировать и проблемы на работе, а вслед за этим и проблемы с семейным бюджетом, тем более, много примеров, когда публикации в социальных сетях становятся причиной увольнения даже высокопоставленных чиновников и менеджеров [14].

Все это риски, связанные с информацией, размещаемой в сети Интернет. Они могут нанести урон всем сторонам жизни – личной, общественной, профессиональной. Какая бы из этих сторон ни была затронута, пострадает вся семейная экосистема, потому что будет нарушена жизнедеятельность ее элементов. Однако осознанное и ответственное использование контента сети Интернет позволит предотвратить реализацию этих рисков.

Не менее значимыми являются риски, связанные с общением в социальных сетях. Коммуникационные риски возникают в процессе общения. По данным наших исследований, самым популярным вариантом времяпрепровождения в сети у девочек являются социальные сети, их предпочли 92,7% девочек из общего числа опрошенных. Наименее популярными вариантами использования Интернета, по отношению к первому, оказались: поиск информации – 69% и для учебы – 61,8%. Значительное время, проведенное в социальных сетях, а при наличии мобильного телефона – это от 2 до 5 часов в день, требует пристального анализа возникающих рисков.

- Риск травли. Существует опасность «киберпреследования», так называемое преследование пользователя сообщениями, содержащими оскорбления, агрессию, сексуальные домогательства с помощью различных Интернет-сервисов. Например, в 2016 г. покончила с собой 31-летняя итальянка, не перенесшая позора из-за попавшего в Сеть интимного ролика с ее участием; в сентябре 2011 г. прервалась жизнь 14-летнего подростка, открыто заявившего о своей бисексуальности и не сумевшего перенести нападок со стороны сверстников [15]. И подобных примеров много. В этой ситуации помочь может только семья, ее поддержка и внимание, атмосфера доверия между родителями и детьми. Иначе родители просто не узнают о проблеме буллинга. И это вскрывает другой парадокс – в использовании Интернета в семье часто выступают наставниками дети: они лучше понимают, как защититься от мошенничества в электронной среде, но они менее защищены от его негативного психологического воздействия.

- Риск проблем в реальном общении. В социальных сетях или мобильных мессенджерах все общение строится как обмен короткими сообщениями или символическими изображениями («эмоджи»). Они позволяют без слов отражать эмоции и расставлять акценты или придавать фразе нужный характер (например, смеющийся смайлик в конце фразы будет означать, что это была шутка). Однако в реальном общении смайликов нет, и фраза будет восприниматься без таких символических подсказок, что и осложняет людям общение: они не могут ни читать реальные мимические знаки, ни самим их показывать, ни правильно подбирать слова.

- Риск безнаказанности. Анонимность и удаленность от собеседника при общении в Интернете создает ложное впечатление вседозволенности и безнаказанности. Люди полагают, что в Сети можно пренебрегать элементарными нормами коммуникации, не задумываясь о том, несут ли их сообщения оскорбительный характер, ведь ты не видишь, как это ранит собеседника. А в результате можно довести подростка до самоубийства, даже не понимая, что делаешь, как произошло в г. Дзержинске Нижегородской области [16].

Таким образом, контент Интернета может быть опасен для всех членов семьи, особенно для детей, само информационное средство может быть использовано для нанесения вреда. Однако это только средство, и только в семье с позитивным примером родителей можно научиться им пользоваться. Как показывают наши исследования, простое стремление родителей отвлечь подростков от виртуального мира приводит к конфликтам. Большинство родителей беспечны в вопросах контроля и безопасности ребенка, и даже наоборот, видя, как папа проводит вечер за компьютером, ребенок воспринимает это как норму и не понимает, почему его пребывание в Сети пытаются ограничить. Запреты не помогут, ребенок должен научиться использовать «хорошие» ресурсы и избегать потенциально опасных.

Другая специфическая черта использования Интернета в семье, о чем уже упоминалось, состоит в том, что дети обращаются с компьютером гораздо профессиональнее родителей. Даже при наличии родительского контроля ребенку хватает знаний, чтобы удалить всю историю посещения сайтов, а родитель о такой возможности может не знать, потому что уровень его «пользования» ниже детского. Времяпрепровождение членов семьи за компьютером при неправильном использовании техники может нарушать реальное взаимодействие в семейной экосистеме, а в случае накопления нарушений – разрушать. Нельзя забывать, что информация – это только набор

данных, главное уметь ими пользоваться, для чего всем членам семьи необходимо использовать и демонстрировать детям экологичные модели обращения с источниками сведений, осуществлять меры по оздоровлению окружающей информационной среды.

Литература

1. Лукашевич О.Д. Словарь-справочник терминов и определений по основам экологии: Учебное пособие / автор-составитель О.Д. Лукашевич. Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-т, 2008. 220 с. С. 202-203.
2. Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс, 1998. 270 с. С. 19-20.
3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.10.2016) [Электронный ресурс] // Правовой портал «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=200979#0> (дата обращения 09.09.2016).
4. Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения [Электронный ресурс] – URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116190> (дата обращения: 20.05.2018).
5. Бокша Е.А. Современные угрозы институту семьи // Сибирский научный вестник. 2013. № 2 (12). С. 128-131.
6. Официальный сайт телеканала «Ю» [Электронный ресурс] – URL: https://www.u-tv.ru/shows/obmen_zhenami/episodes/ (дата обращения 30.05.2018).
7. Щербина Л.Г. Влияние компьютерных игр, ТВ на детскую психику. Способы профилактики детской агрессивности, страхов // Педагогика и психология: перспективы развития: сборник материалов IV Международной научно-практической конференции. – Чебоксары: ООО «Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс»», 2018. 176 с. С. 155-158.
8. Белоножко Е.В. Важность формирования безопасного поведения у детей и подростков в Интернет-сети // Педагогика безопасности: наука и образование: Сборник материалов международной научной конференции / Составители и редакторы В.В. Гафнер, А.Н. Павлова. Екатеринбург, Изд-во Уральского государственного педагогического университета, 2015. С. 42-45.
9. «Взорвать мост Путина». Американское СМИ призывает к бомбардировкам Крыма // Официальный портал РИА Новости [Электронный ресурс] – URL: <https://ria.ru/world/20180516/1520697690.html> (дата обращения 30.05.2018).

10. Официальный сайт сети ВКонтакте [Электронный ресурс] – URL: <https://vk.com/> (дата обращения 27.03.2018).
11. Сидорчик А. «Синдром гречки», или как россияне создают кризис там, где его нет // Официальный сайт газеты «Аргументы и факты». – опубликовано 17.11.2014 [электронный ресурс] – URL: <http://www.aif.ru/society/opinion/1383135> (дата обращения 20.04.2018).
12. Чистопрудова Д. Курсанты Ульяновского летного училища о своем «грязном» танце: «это был необдуманный детский поступок» // Официальный сайт газеты «Комсомольская правда» – опубликовано 19.01.2018 [электронный ресурс] – URL: <https://www.nnov.kp.ru/daily/26783/3817167/> (дата обращения 17.05.2018).
13. Фотографии из отпуска в социальных сетях могут спровоцировать ограбление // Электронная версия газеты «Известия» – опубликовано 19.01.2018 [электронный ресурс] – URL: <https://iz.ru/news/611811> (дата обращения 22.05.2018).
14. Хачатрян Э. Как публикации в социальных сетях могут погубить карьеру // Информационный портал «Газета.Ру». – опубликовано 31.07.2015 [электронный ресурс] – URL: https://www.gazeta.ru/tech/2015/07/31/7664305/career_killing_smm.shtml (дата обращения 17.04.2018).
15. Наши сети притащили мертвеца // Официальный сайт Lenta.ru. – опубликовано 19.09.2016 [электронный ресурс] – URL: <https://lenta.ru/articles/2016/09/19/inernetruinedalife/> (21.05.2018).
16. Климентьева А. Следователи: 15-летнюю школьницу из Дзержинска до суицида довели одноклассники // Официальный сайт газеты «Комсомольская правда». – опубликовано 18.05.2016 [электронный ресурс] – URL: <https://www.nnov.kp.ru/daily/26530/3547667/> (дата обращения 07.04.2018).

I.A. Isakova

SECURITY OF THE FAMILY ECOSYSTEM: INFORMATION RISKS

The paper discusses the problems of the family ecology in connection with the increasing informatization of society and mediating communication by technical means which actualizes the study of information risks in the functioning of the family, the main sources of which are television and the Internet.

Keywords: family, ecosystem, information risk, information ecology, television, Internet.

2.3. МОЛОДЕЖЬ В СЕМЕЙНОЙ, ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ, ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭКОСИСТЕМАХ

Рассматриваются взаимосвязи между семьей, образованием и профессией. На основе сопоставления всероссийских и авторских исследований выделены три уровня анализа роли семьи в образовательной и профессиональной социализации: уровень общества, уровень семьи как социальной группы и уровень личности учащегося школы. Ключевыми аспектами рассмотрения выступают ориентации молодого и старшего поколения на определенный уровень послешкольного образования (вуз/ссуз/ПТУ), предпочтения относительно профессиональной сферы деятельности, принципы выбора специальности и профессии, степень самостоятельности принятия решения абитуриентом. Среди основных противоречий конструирования профессионально-образовательной траектории выступают представления о необходимости высшего образования для построения карьеры, сочетание интереса, престижа и дохода в будущей профессии, поиск компромиссных вариантов при нехватке баллов для выбранного учебного заведения и специальности. В результате сделаны выводы о ключевой роли семьи в формировании образовательной и профессиональной траектории школьников, общекультурной ценности высшего образования, стремлении к получению бесплатного образования.

Ключевые слова: семейная экосистема, образовательно-профессиональная траектория школьника, получение образования, выбор специальности

Семья дает представления о базовых ценностях и нормах, формирует знания об окружающем мире. По мере взросления ребенка увеличивается число агентов социализации, молодежь включается в институты труда и образования. Как подчеркивает Н. Смелзер, особенность социализации детей заключается в том, что подрастающее поколение способно только усваивать нормы, но не оценивать их, принимая базовые ценностные ориентации [1, с. 126]. Иными словами, семья делит функции по передаче социального опыта новым поколениям с другими институтами, оказывая влияние на представления молодежи об образовании и трудоустройстве.

На протяжении последних десятилетий происходят изменения в структуре и функциях социальных институтов. В системе образования открываются новые специальности, модернизируются образовательные программы, введен единый государственный экзамен как основная форма вступительных испытаний при приеме в высшую школу. На рынке труда появляются новые предприятия и вакансии, требуются новые компетенции и навыки. Перемены такого рода обуславливают необходимость пересмотра

социализационных траекторий молодежи. Молодежь признается, что вопросы получения образования и работы по специальности вызывают определенные затруднения и опасения на соответствующем этапе жизненного цикла [2, с. 168]. Семье важно реагировать на перемены в системах образования и труда для обеспечения успешного будущего новым поколениям.

Одна из базовых ценностей, которые семья и школа прививают молодому поколению, – ценность образования и получения знаний. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 1991 и 2016 гг. провел инициативный опрос о состоянии системы образования в России. Как показывают результаты опроса, в 1991 г. чуть более половины населения страны признавали необходимость высшего образования, к 2016 г. их доля возросла до 80%. Значительно снизилось число безразличных к тому, какое образование получают их дети (20% в 1991 г. и 9% в 2016 г.) [3]. Можно говорить о том, что получение высшего образования – некий идеальный тип образовательной траектории, к которому стремится общественное большинство.

По результатам исследований жизненных путей выпускников школ Новосибирской области в 1998-2008 гг. Г.А. Чередниченко подчеркивает, что половина выпускников средней школы (50,7%) следуют по типичному пути поступления в вуз на дневное отделение. Чуть больше 20% выпускников продолжают свой путь в средних профессиональных учебных заведениях. Менее 10% молодежи продолжают обучение в системе начального профессионального образования. Около 5% ограничиваются школьным аттестатом, не продолжая обучение [4, с. 88].

В ноябре 2017 г. авторами проведено пилотажное исследование, посвященное образовательным и профессиональным планам учащихся средней школы. В исследовании приняли участие девятиклассники четырех школ центральной и заречной части Нижнего Новгорода (n=155). Наше внимание сосредоточилось на учащихся 9 класса, поскольку это третий кризисный этап в обучении, время принятия решения о дальнейшей траектории образования и профессиональной ориентации, когда молодым людям необходимо определиться с дальнейшими планами по образованию (продолжение обучения в вузе/ссузе/ПТУ), обдумать предметы для ЕГЭ, чтобы последующие два года посвятить выбору специальности и подготовке к экзаменам (табл. 1).

В рамках исследования школьникам предлагалось выбрать, продолжат ли они обучение в своей школе, обдумывают ли перевод в другую школу без специализации или в лицей/гимназию для успешного усвоения профильных предметов и дальнейшего поступления в вуз. Результаты исследования

показали, что большинство учащихся 9 классов выбирают инерционный путь, продолжая обучение в своей школе. О переводе в специализированную школу задумываются лишь 1% участников опроса. Вторая по популярности траектория – обучение в техникуме или колледже, ее придерживаются 43% учащихся. Обучение в вузе по программе среднего профессионального образования как плавный переход от среднего к высшему образованию пока не популярно и выбирается лишь 5% учащихся.

Т а б л и ц а 1

Образовательные планы после 9 класса, %

Планы	%
10 класс своей школы	41
10 класс другой школы без специализации	1
10 класс в лицее, гимназии	1
Техникум, колледж	43
Вуз, программа среднего профессионального образования	5
Не задумывался над этим вопросом	4
Нет ответа	5

На решение об уровне образования и выборе специальности влияет не только семья, но и другие агенты социализации (учителя, друзья). В ходе исследования школьники оценивали, какие темы, касающиеся образования и трудоустройства, они обсуждают в своем окружении (табл. 2).

Одна из самых обсуждаемых тем в кругу семьи – выбор вуза, 41% учащихся часто обсуждают это с родителями, 23% с друзьями. Идентичные показатели имеют дискуссии по выбору будущей профессии. Около трети респондентов обсуждают с родителями возможное место работы, при этом принципы построения карьеры и желаемая должность являются популярными темами более, чем для 20% учащихся. На этом этапе построения образовательных и трудовых траекторий родители выступают в роли ближайших советчиков. Друзей можно рассматривать как один из каналов формирования мнения, но количество тех, кто обсуждает подобные темы с друзьями, ниже. Школьные учителя фактически исключены из дискуссии об образовании и трудоустройстве. Такие темы с педагогами обсуждаются эпизодически или не обсуждаются совсем.

Количество тех, кто часто обсуждает с родителями сам факт получения образования, чуть выше 20%. Такой невысокий показатель может быть связан с осознанием самой ценности образования, необходимости продолжения обучения после школы. Нацеленность на продолжение образования «по умолчанию»

может быть связана с уверенностью в том, что материальное благополучие человека зависит от его образованности. Как показывают результаты опроса «Система образования в России: 1991-2016 гг.», за 25 лет число тех, кто уверен в необходимости высокого уровня образования для материального благополучия, возросло с 31% до 40%. Мнение тех, кто считает, что прямой зависимости не существует, являлось преобладающим и в 1991 г. (47%), и в 2016 г. (53%) [3].

Т а б л и ц а 2

Обсуждение с окружением вопросов образования и трудоустройства, %

Тема обсуждения	Постоянная тема	Иногда заходит разговор	Никогда	Нет ответа
Выбор вуза. Родители	41	49	8	2
Выбор вуза. Друзья	23	51	23	3
Выбор вуза. Учителя	6	45	45	4
Выбор профессии. Родители	41	49	5	5
Выбор профессии. Друзья	26	59	12	3
Выбор профессии. Учителя	7	39	49	5
Место работы. Родители	30	49	15	6
Место работы. Друзья	16	49	30	5
Место работы. Учителя	3	30	63	4
Карьера. Родители	23	46	28	3
Карьера. Друзья	12	36	48	4
Карьера. Учителя	2	23	69	6
Желаемая должность. Родители	23	46	26	5
Желаемая должность. Друзья	15	43	39	3
Желаемая должность. Учителя	2	26	65	7
Получение образования. Родители	21	66	10	3
Получение образования. Друзья	17	56	24	3
Получение образования. Учителя	10	54	35	1

Подобную убежденность демонстрируют учащиеся 9-х классов общеобразовательных школ Нижнего Новгорода. Большинство участников опроса уверены в толерантности родителей (53%) и ближайшего окружения (51%) к решению не получать высшее образование. Такое распределение ответов может быть связано с тем, что среди родителей участников опроса далеко не все имеют высшее образование (35% отцов и 39% матерей с высшим образованием). Люди, не имеющие высшего образования, не стремятся дать его своим детям, поскольку не видят в нем острой необходимости для

последующего трудоустройства. В случае, когда родители сами имеют диплом вуза, они заинтересованы в воспроизводстве образовательного статуса семьи.

Т а б л и ц а 3

Отношение семьи к отсутствию высшего образования, %

Утверждение	Не согласен	Скорее не согласен	И да, и нет	Скорее согласен	Согласен	Нет ответа
У нас в семье все имеют высшее образование, без него я буду белой вороной	30	23	17	17	12	1
Родственники и знакомые не поймут, если я не буду получать высшее образование	32	19	24	14	10	1

Осенью 2016 г. аспирантами факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского М.В. Рябоконь и М.С. Черномором проведено исследование «Выбор вуза и профессии учащимися 11 классов нижегородских школ и их родителей», в анкетном опросе участвовали 212 пар выпускников и их родителей из 8 школ г. Нижнего Новгорода. В выборке представлены лицеи, гимназии и школы с углубленным изучением отдельных предметов.

Результаты исследования показали, что среди родителей преобладают люди с высшим образованием (73% матерей, 79% отцов), есть родители, имеющие ученую степень (4% матерей, 2% отцов). Родители с высоким образовательным статусом демонстрируют сильную ориентацию на получение детьми высшего образования как залога успешного трудоустройства и профессиональной карьеры, формирования культурного и социального капитала. Интересно, что лишь 27% родителей считают принципиально невозможным найти работу без высшего образования. Таким образом, высшее образование воспринимается как необходимость для получения именно интересной, сложной и высокооплачиваемой работы (табл. 4).

Необходимость получения диплома вуза для трудоустройства – один из аспектов рассмотрения мотивов получения высшего образования. В январе 2015 г. ВЦИОМ провел инициативный опрос «Татьянин день: о бедном студенте замолвите слово», посвященный изучению отношения россиян к значимости высшего образования [5]. Как показали результаты исследования, уверенность в том, что высшее образование обеспечивает успешную карьеру,

была максимальна в 2008 г. (76%), в 2011 г. и 2013 г. такой показатель сохранял высокие позиции (72%), а к 2015 г. резко снизился до 62%. За 7 лет выросло число тех, кто уверен в преувеличении значимости высшего образования (с 45% до 52%). Такие настроения могут быть связаны с экономическим кризисом, когда необходим поиск инструментов по его преодолению в сфере труда, а не только наличие диплома о высшем образовании.

Т а б л и ц а 4

Установки родителей в отношении высшего образования для детей, %

Утверждение	Не согласен	Скорее не согласен	И да, и нет	Скорее согласен	Согласен
Высшее образование нужно, чтобы быть образованным человеком	0	1	3	11	85
Высшее образование позволит приобрести профессию, воспринимаемую как призвание	0	1	5	26	68
Желание, чтобы у ребенка просто был диплом о высшем образовании	1	2	8	22	67
Высшее образование позволит углубиться в интересующую отрасль знания	1	2	12	42	43
Высшее образование позволит сделать карьеру	1	1	10	46	42
С высшим образованием ребенок сможет найти подходящее место работы	1	1	16	42	40
Высшее образование даст больше возможностей хорошо зарабатывать	2	3	13	43	39
У людей с высшим образованием интересная жизнь, интересное окружение	4	7	16	37	36
Высшее образование позволит заниматься сложной и интересной работой	1	4	19	41	35
У ребенка нет иного пути, кроме вуза	12	14	22	28	24
Без высшего образования невозможно войти в высшие слои общества	11	14	34	28	13
Без высшего образования нельзя найти работу	25	26	22	19	8

Стоит отметить, что в обществе растет понимание необходимости вложений в образование. В 2008 г. и 2011 г. респонденты признавались, что для получения высшего образования не жалко средств. В 2013 г. таковых было лишь 30%, но к 2015 г. доля граждан, осознающих ценность образования,

возросла до 42%. Доля тех, кто не готов платить за обучение в вузе, велика и за период с 2008-2015 гг. колебалась в интервале от 43% до 57%.

В восприятии девятиклассников высшее образование открывает возможности для хорошего заработка и интересной карьеры. Учащиеся девятых классов уверены, что наличие высшего образования не является обязательным условием для трудоустройства. С другой стороны, знания, полученные в вузе, и диплом воспринимаются более чем половиной участников опроса как ресурс для интересной и сложной работы, возможность продвижения по карьерной лестнице. Иными словами, в общественном сознании старших и молодых поколений высшее образование является скорее общекультурной ценностью, окном возможностей для определенной занятости, нежели обязательным условием успешной карьеры и материального благополучия (табл. 5).

Т а б л и ц а 5

Значимость высшего образования для трудоустройства, %

Утверждение	Не согласен	Скорее не согласен	Затрудняюсь ответить	Скорее согласен	Согласен
С высшим образованием я буду иметь больше возможностей хорошо зарабатывать	8	12	20	29	26
С высшим образованием я смогу найти подходящее место работы	9	8	26	34	23
Высшее образование поможет сделать карьеру	9	10	25	35	21
Высшее образование позволит заниматься сложной и интересной работой	10	12	30	31	15
Без высшего образования нельзя найти работу	45	18	21	11	4

В контексте рассуждений о связи образования и карьеры необходимо учитывать престиж, общественную значимость и прибыльность профессий. М.К. Горшков и Ф.Э. Шереги в монографии «Молодежь России: социологический портрет» говорят о несформированности интеллектуального рынка труда, что обуславливает невысокий уровень оплаты труда технической и гуманитарной интеллигенции. Вследствие этого престижность и общественная значимость профессии не совпадают с ее прибыльностью. Например, быть врачом или преподавателем общественно значимо, однако не прибыльно [6, с. 229]. На что ориентироваться учащимся? В марте 2017 г. среди россиян в возрасте от 18 лет методом телефонного интервью было проведено

инициативное исследование ВЦИОМ, посвященное профессиональному вопросу. По результатам опроса наиболее желаемой для детей или внуков россияне видят профессию врача, которая сочетает в себе престижность и значимость [7]. Рост интереса к такой профессии с точки зрения прибыльности может быть связан с развитием частных медицинских центров и услуг.

Вторая по привлекательности группа профессий имеет показатели втрое ниже врачебных специальностей (от 10 до 13%). В нее вошли профессии военнослужащего, юриста, рабочего и педагога. Востребованность некоторых из них (военный, учитель) может быть связана с государственными гарантиями финансирования этих сфер. Работа в секторе финансов, бухгалтерии утрачивает со временем свою привлекательность (14% в 2005 г. и 9% в 2017 г.) так же, как и ведение частного бизнеса (7% в 2005 г. и 2% в 2017 г.). Профессии инженера, строителя, полицейского, напротив, за 12 лет стали, по мнению россиян, более востребованными. Стабильный показатель привлекательности (7%) сохраняют программирование и компьютерные технологии. Наименее желательными (или доступными) для подрастающего поколения россияне называют профессии переводчика, журналиста, психолога, сотрудника нефтегазовой отрасли или госслужбы. Тем не менее, результаты авторского исследования показали, что для 59% девятиклассников интересным представляется открытие своего дела (табл. 6).

Т а б л и ц а 6

Приоритетная сфера деятельности для девятиклассников*, %

Сфера	Частоты
Иметь свой бизнес	59
Заниматься юридической деятельностью	26
Заниматься художественным творчеством	25
Заниматься конструкторской, инженерной деятельностью	21
Заниматься политической деятельностью	15
Заниматься научной деятельностью	15
Заниматься педагогической деятельностью	14
Работать в сфере производства	14
Заниматься управленческой деятельностью в экономике (менеджмент)	14
Работать в сфере государственного управления	12
Заниматься коммерческой деятельностью	11
Остаться в сфере высшего образования	4
Пока не могу сказать, в какой сфере хотел бы работать	18
Вообще пока не думаю о работе	13

* Участникам опроса предлагалось выбрать не более трех интересующих сфер

Во вторую группу вошли юридическая, инженерная и творческая деятельность. Сфера юриспруденции сохраняет высокий престиж для молодого поколения. Интересно стремление к художественному творчеству. Такие профессии, как фотограф, стилист, дизайнер, становятся все более популярными среди молодежи, давая возможность реализовать потенциал, сочетая возможность заработка со свободным графиком. Третью группу с показателями от 11 до 15% образуют сферы педагогики, науки, политики, производства, экономического и государственного управления. Количество тех, кто пока не определился с желаемой сферой (18%), достаточно высоко.

Можно отметить, что к выбору будущей профессии и родители, и дети стали подходить достаточно вдумчиво. Как показало исследование ВЦИОМ «Система образования в России: 1991-2016», пересматривается роль семьи в выборе последующей образовательно-трудовой траектории [3]. За 25 лет произошли изменения в соотношении семейных и личностных факторов. Если в 1991 г. более 50% были уверены, что образование ребенка зависит от его желания учиться и способностей, то к 2016 г. эти показатели снизились. И если важность желания учиться все еще признают более половины россиян, то такой показатель, как «способность», снизился с 58 до 41%, что может быть обусловлено изменением правил приема и введением стандартизированной процедуры ЕГЭ. В общественном представлении стремление семьи дать ребенку образование и материальное положение родителей выступают одними из ключевых факторов в обучении молодого поколения.

Согласно результатам исследования, представленным в монографии «Молодежь России: социологический портрет», ведущим мотивом выбора профессии для учащихся 8-11х классов выступает интерес к профессии (52,4%). Вторую группу мотивов составляют престижность специальности (10,2%) и высокий заработок (9,2%). Перспективы трудоустройства (4%) и легкость поиска работы (3%) не входят в число доминирующих мотивов школьников [6, с. 228]. Небольшая группа школьников (2,7%) говорят о семейной традиции как возможном пути выбора профессии.

В 2013 г. Е.А. Шинкаренко было проведено исследование «Социальные проблемы молодежи и способы их решения в представлениях студентов вузов Нижнего Новгорода». В анкетном опросе и Интернет-опросе приняли участие студенты 1-6 х курсов шести государственных вузов города (n=833): Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, Нижегородская государственная медицинская академия, Нижегородский

государственный педагогический университет им. Козьмы Минина,
Нижегородский филиал Высшей Школы Экономики.

Т а б л и ц а 7

Семейная традиция в выборе профессии, %

Мои родители (один из них) получили такую же специальность	ННГУ	НГМА	ННГАСУ	ВШЭ	НГПУ	НГТУ
Не согласен	89	76	69	69	83	54
Скорее не согласен	2	5	16	16	5	26
Скорее согласен	4	7	3	4	5	10
Согласен	4	10	10	11	7	8

Исследование выявило существование семейных династий среди инженеров и врачей (суммарный показатель согласия для студентов Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева – 18%, Нижегородской государственной медицинской академии – 17%). Минимальные показатели семейной преемственности у Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского и Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина (табл. 7). В целом с изменением рынка труда, возникновением новых сфер деятельности, семейные традиции в выборе ослабевают.

Как показало пилотное исследование, реализованное в Нижнем Новгороде в 2017 г., интересы и склонности будущего абитуриента остаются главным принципом выбора профессиональной траектории (табл. 8).

Т а б л и ц а 8

Мотивы выбора специальности*, %

Мотив	Частоты
Интересы и склонности будущего абитуриента	71
Перспективы трудоустройства, дальнейшей карьеры	57
Возможности наиболее вероятного поступления на бюджетное место	27
Получение диплома престижного вуза	7
Помощь родителей в дальнейшем трудоустройстве	5
Помощь родителей в поступлении	4

** Участникам опроса предлагалось выбрать не более трех мотивов*

Интересно отметить изменение ориентации на трудоустройство, которое выступает важным мотивом для половины участников опроса. Специфику поступления, шансы поступления на бюджет намерены учитывать 27%

учеников. На помощь семьи при поступлении и трудоустройстве рассчитывает небольшое число респондентов.

В монографии М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги рассматривается круг лиц и источников, которые способствовали выбору определенной специальности [6, с. 230] (табл. 9).

Т а б л и ц а 9

Советы окружения по выбору специальности, %

Кто посоветовал	Учащиеся училища	Учащиеся техникума, колледжа	Студенты вуза
Родители	34,6	36,7	36,6
Брат или сестра	5,9	2,9	4,4
Друзья, знакомые	15,1	14,0	9,3
Школа (учитель)	2,0	1,9	4,4
Представители вуза, техникума	2,9	3,4	5,9
Рекламные проспекты	0,5	3,4	0,0
Выбрали самостоятельно	47,8	47,3	51,2
Иная ситуация	1,5	1,4	1,0

Влияние ближайшего окружения (семья, друзья) является наиболее сильным для поступающих всех типов учебных заведений. Это можно объяснить объемом ресурсов, которые ближайшее окружение вкладывает в образование ребенка (социальные связи, облегчающие поступление, поиск репетитора, информация, финансы). Студенты вузов (51,2%) демонстрируют бóльшую самостоятельность в выборе по сравнению с учащимися техникумов, колледжей (47,3%) и училищ (47,8%).

Более 70% учащихся 9-х классов уверены, что никто не вправе принимать решение о выборе специальности вместо самого поступающего. Способность сделать осознанный зрелый выбор при этом вызывает сомнения у 28% участников опроса (табл. 10).

Более 30% девятиклассников уверены, что выбор учебного заведения и специальности лежит в зоне ответственности выпускника, а не его родителей, но 26% придерживаются противоположного мнения. Достаточно велико количество тех, кто пока колеблется между самостоятельностью и родительской опекой.

Т а б л и ц а 1 0

Самостоятельность принятия решения о выборе специальности, %

Утверждение	Не согласен	Скорее не согласен	Затрудняюсь ответить	Скорее согласен	Согласен
Никто не вправе принимать решение о выборе специальности вместо самого поступающего	6	6	13	28	46
Выпускник школы не может сделать зрелый осознанный выбор профессии	18	17	35	20	8
Родители несут ответственность за правильный выбор будущего своих детей	21	14	36	19	7
Родители лучше выпускника понимают, как правильно выбрать вуз	23	15	37	19	4

Противоречия возникают в представлениях выпускников и их родителей о наиболее важных характеристиках вуза, выбираемого для поступления. Так, наиболее значимым параметром выбора для выпускников школ является наличие в вузе интересующей специальности (табл. 11).

Т а б л и ц а 1 1

Наиболее важные характеристики вуза*, %

Характеристика	Родители	Выпускники
Престижность	25	29
Наличие бюджетных мест	24	2
Качество образования	18	22
Рейтинги	16	8
Хорошие преподаватели	10	8
Перспективы трудоустройства	10	10
Государственный вуз, лицензия, аккредитация	10	1
Интересующая специальность	9	32
Город, местоположение	6	7
Военная кафедра	2	4
Известность, узнаваемость	2	3
Хорошие отзывы	1	5
Внеучебная деятельность	1	2
Материально-техническая база	1	2
Международные стажировки, сотрудничество	0	3
Стипендия	0	2

* Участникам опроса предлагалось выбрать не более 5 характеристик

Родители, в свою очередь, обращают большее внимание на наличие в вузе бюджетных мест, что облегчает финансовую нагрузку на семью в достижении желаемого образовательного статуса ребенка, наличие лицензии и государственной аккредитации, то есть на характеристики надежности вуза.

В ситуации выбора вуза и выпускники школ, и их родители ориентируются на получение интересующего направления подготовки. При этом подавляющее большинство выпускников и их родителей склонны пользоваться возможностью подать документы в несколько вузов на несколько специальностей с целью подстраховаться при поступлении. Выражена ориентация поступления на бюджетные места. Родители в меньшей степени ориентированы на выбор конкретного приоритетного вуза (12%), нежели выпускники (24%) (табл. 12).

Т а б л и ц а 12

Планирование стратегии поведения при поступлении, %

	Родители	Выпускники
Подать документы в несколько вузов с запасными (страховочными) вариантами	90	91
Подать документы на интересующую специальность в несколько вузов	88	76
Поступление на интересующую специальность в менее предпочтительном вузе	79	80
Участие в конкурсе в вузе мечты	71	78
Бесплатное обучение в менее престижном вузе	69	67
Бесплатное обучение по менее привлекательной специальности	54	54
Платное обучение по интересующей специальности	46	46
Платное обучение в вузе мечты	31	33
Гарантированное поступление в непрестижном вузе	29	22
Поступление в вуз мечты, но на менее интересную специальность	21	20
Подать документы в престижный вуз на несколько специальностей	12	24
Подать документы только в вуз мечты	10	9

Социологический анализ самостоятельности выбора вуза студентами показывает, что наиболее независимыми от родителей являются студенты медицинской академии, 70% которых принимали решение о выборе вуза самостоятельно (табл. 13).

В сильном влиянии родителей на выбор вуза признаются учащиеся НГТУ им. Р.Е. Алексеева (27%) и Нижегородского филиала ВШЭ (27%). Достаточную самостоятельность демонстрируют студенты ННГУ им. Н.И. Лобачевского (66%), НГПУ им. К. Минина (64%) и Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета (57%).

Т а б л и ц а 13

Согласие с утверждением: «На этом вузе настояли родители», %

вуз	Не согласен	Скорее не согласен	Скорее согласен	Согласен
НГМА	70	14	9	6
ННГУ	66	21	10	2
НГПУ	64	17	13	6
ННГАСУ	57	27	12	5
ВШЭ	53	20	19	8
НГТУ	46	27	21	6

Возможность гарантированно получить бесплатное образование является важным мотивом для выпускников школ и их родителей (табл. 12). Более 60% выпускников согласны получать бесплатное образование в менее престижном вузе и 54% готовы рассматривать менее привлекательную специальность. К платному обучению по интересующей специальности готовы 46% выпускников и родителей. Возможность внебюджетного обучения в вузе мечты рассматривают чуть больше трети.

Среди нижегородских вузов компромиссным вариантом для обучения становится педагогический университет, где 37% студентов согласились с тем, что хотели бы поступить в другое место, но решили не рисковать (табл. 14).

Т а б л и ц а 14

Согласие с утверждением: «Хотел поступить в другое место, но решил не рисковать», %

ВУЗ	Не согласен	Скорее не согласен	Скорее согласен	Согласен
НГМА	78	8	9	5
ННГУ	66	13	10	11
ННГАСУ	63	18	12	7
ВШЭ	62	27	4	7
НГПУ	47	16	15	22
НГТУ	41	29	22	8

Треть студентов технического университета (30%) хотели бы попробовать себя в другой специальности или в другом вузе. Наиболее осознанный выбор демонстрировали студенты медицинской академии, 78%

которых целенаправленно шли в этот вуз. Можно говорить о том, что при стремлении ребенка получить определенную профессию (например, врача или архитектора), ресурсы семьи будут направлены на достижение этой цели. При наличии более широкого спектра специальностей выпускники и их родители оказываются в ситуации многоступенчатого выбора вуза, специальности, предметов ЕГЭ, и на финальном этапе подачи документов необходимо компромиссное решение между желаемым вузом/специальностью и вариантами прохождения на бюджет с соответствующими баллами.

Результаты проведенного исследования показали, что семья выступает активным агентом образовательной и профессиональной социализации. Семейная группа транслирует установки на получение образования, в то время как вопрос реализации диплома и работы по полученной специальности остается за рамками. Школа принимает менее активное участие в профориентационных мероприятиях молодежи.

В общественном сознании наблюдается разрыв между представлениями о получении образования и последующим трудоустройством. Образование воспринимается и старшим, и молодым поколением как общекультурный капитал, необходимый человеку для жизни и открывающий определенные карьерные возможности. Восприятие образования как подготовительного этапа трудовой деятельности пока не распространено.

При выборе образовательных и трудовых траекторий семья сталкивается с целым рядом противоречий. Несовпадение точек зрения на необходимый уровень образования у родителей и детей – один из вариантов конфликта при конструировании образовательных и профессионально-трудовых траекторий. Еще одна проблема, с которой сталкиваются молодые люди и их семьи, – выбор профессии как сочетание престижности и доходности.

Ключевая проблема семейного взаимодействия в том, что родители и дети живут в дифференцированном информационном поле, используют разные источники информации о профессиях и образовании. Для унификации сведений в мире все большее распространение получает практика образовательно-карьерного консультирования в школах приходящим или штатным специалистом. Он работает с учителями, учащимися и их родителями, предоставляя информацию о состоянии рынка труда, перспективных специальностях, перечне учебных заведений, проводит профориентационное тестирование, формирует перечень рекомендаций. Внедрение карьерного консультирования школьников будет способствовать сглаживанию как внутрисемейных противоречий, обусловленных выбором образовательно-

профессиональной траектории, так и налаживанию взаимодействия между институтами труда, образования и семьи.

Литература

1. Смелзер Н. Социология. М.: Феникс, 1994. 668 с.
2. Шинкаренко Е.А. Социальные проблемы молодежи в представлениях студентов вузов Нижнего Новгорода // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 1(119). С. 168-180.
3. «Система образования в России: 1991-2016». Инициативный опрос ВЦИОМ. Доступ по ссылке <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115556>.
4. Чередниченко Г.А. Образовательные и профессиональные траектории выпускников средней школы // СОЦИС. 2010. №7. С. 88-95.
5. «Татьянин день: о бедном студенте замолвите слово». Инициативный опрос ВЦИОМ. Доступ по ссылке <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115125>.
6. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010. 592 с.
7. «Профессиональный вопрос». Инициативный опрос ВЦИОМ. Доступ по ссылке <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116138>.

E.A. Shinkarenko

M.B. Ryabokon

YOUNG PEOPLE IN THE ECOSYSTEM OF FAMILY, EDUCATION AND PROFESSION

This paper is focus on the relationship between family, education and profession. In accordance of huge and authors researches there are three layers of problem: lay of society, lay of social group, and self lay of pupils. Level of education in the opinion of different generations, professional orientation, independence of educational choice are key aspects of analysis. Based contradictions of professional and educational way are necessary high education for carrier, combination of interest, income and prestige in future profession, compromises in the situation of sufficiently grades for going to wish College. So, we come to conclusion of key position of family in the education and professional way forming, cultural value of higher education.

Keywords: ecosystem of family, education and profession way of pupil, post-secondary training, professional choice.

2.4. ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ КРЕАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА СОТРУДНИКА В УСЛОВИЯХ ВЫЗОВОВ НА РЫНКЕ ТРУДА

Рассматриваются экологические аспекты реализации креативного потенциала сотрудника в условиях новых вызовов на рынке труда. Автор дает оценку степени общей разработанности проблемы креативности в отечественной и зарубежной науке, а также ее роли и места в постиндустриальной экономике. Описываются изменения на современном рынке труда, фиксируется возрастание доли фриланса как формы организации профессионально-трудовой деятельности, анализируются мотивы, побуждающие все большее количество людей работать фрилансерами. Анализируются специфические характеристики фриланса, свойственные отечественному рынку труда, а также рассматриваются формы и методы реализации творческого потенциала сотрудника в условиях трансформирующегося рынка труда. На примере анализа работ видеоблогеров вводится понятие «суррогатного» творчества как формы псевдотворчества, направленного не на созидание общественно полезного нового, а на эпатирование человека через апелляцию к его низменным потребностям и желаниям. Рассматриваются морально-этические аспекты реализации творческого потенциала личности в условиях усиливающейся конкуренции на рынке фриланса.

Ключевые слова: креативность, фриланс, удаленная работа, ИКТ.

Креативный дизайнер, креативный копирайтер, соискатель должен уметь творчески решать поставленные задачи. Достаточно беглого обзора вакансий, представленных на отечественном рынке труда, чтобы прийти к однозначному выводу, что такие понятия, как «креативность» и «креативный», весьма прочно закрепились в профессиональном лексиконе как соискателей, так и работодателей. Однако каждая из сторон, представляющих рынок труда, склонна вкладывать в них принципиально разный смысл.

Подразумевается, что для первых креативность, понимаемая как способность находить нестандартные решения поставленных задач и вызовов, должна выступать неотъемлемым атрибутом их профессиональной деятельности, способствующим росту производительности труда, снижению затрат и, в конечном итоге, улучшению конкурентоспособности их организации на рынке труда.

Работодатели, напротив, склонны использовать термин «креативный» в большей степени для придания вакансии своеобразной «звучности» или «эксклюзивности», при этом имея весьма смутное представление о том, какой

новый смысл и функциональное наполнение будут скрываться за полученной в итоге должностью.

Данный факт дает нам основания считать, что, к сожалению, в настоящее время ни работодатели, ни персонал так до конца и не понимают всей той роли и значения, которые должна играть в их профессиональной деятельности способность к творческому мышлению. В нашей работе мы постараемся ответить на вопрос о том, что же такое «креативность» и какую роль она играет в условиях трансформирующегося рынка труда в России.

Анализ литературы по данной проблеме показал, что в настоящее время креативность является одним из наиболее противоречивых и наименее изученных явлений в современной социологии и психологии, так как активные исследования по данной проблеме стали проводиться только с начала 50-х гг. прошлого века.

Несмотря на довольно внушительный срок и множество научных публикаций, исследователи с удивлением обнаружили, что им так и не удалось разработать сколько-либо четкое определение креативности.

Отсутствие единого мнения относительно термина «креативность» в результате привело к тому, что в современной научной литературе широко представлены самые разнообразные (а подчас и противоречивые) точки зрения по данному вопросу.

Так, еще в 60-х гг. прошлого века было предложено более 60 определений креативности, причем год за годом их число продолжает расти. Подобная тенденция «терминологического бума», господствовавшая в течение нескольких десятилетий, не только сильно затруднила интеграцию крайне скудных данных по данной проблеме в единую концепцию, но и окончательно увела исследователей от истинного понимания того, что представляет собой креативность.

На наш взгляд, одним из наиболее удачных определений креативности является следующее: «Творчество (процесс творчества) есть продуктивная мыслительная деятельность, приносящая нетривиальный (качественно новый, неочевидный) результат» [1, с. 131].

Стоит отметить, что способность к творчеству традиционно высоко ценилась в обществе во все времена и эпохи, однако именно в последнее время мы являемся свидетелями поистине бурного роста интереса к данной проблеме, что, прежде всего, связано с теми революционными преобразованиями в сфере труда, которые разворачиваются на наших глазах.

В 60-е гг. прошлого столетия наиболее авторитетный американский теоретик менеджмента Питер Друкер выдвинул предположение о том, что

главенствующей фигурой постиндустриальной экономики станет «интеллектуальный работник», что в конечном итоге приведет к формированию нового социального порядка, в котором выиграют те, кто будет обладать знаниями и способностью творчески решать нестандартные задачи [2].

Данная идея получила свое дальнейшее развитие в работе известного американского социолога Ричарда Флориды «Креативный класс: люди, которые меняют будущее». По мнению автора, основу современной западной экономики составляют уже не столько непосредственно сами знания, а креативность, которая «стала *решающим* фактором конкурентного преимущества. Практически во всех отраслях – от автомобилестроения до индустрии моды, от пищевой промышленности до информационных технологий – в долгосрочной перспективе побеждает тот, кто способен творить» [3]. Таким образом, именно креативность выступает той всеобъемлющей и непрерывной движущей силой, которая приводит в движение все процессы в экономике и общественной жизни.

Развивая данную идею, Р. Флорида выделяет новый социальный класс, который он назвал «креативным классом», и включил в него всех тех, кого объединяет принадлежность к так называемому «креативному этосу», который ценит творчество, оригинальность.

Как полагает Р. Флорида, в структуре креативного класса условно можно выделить две части: ядро, которое представлено людьми, занятыми в «научной и технической сфере, архитектуре, дизайне, образовании, искусстве, музыке и индустрии развлечений, чья экономическая функция заключается в создании новых идей, новых технологий» [3] и креативных профессионалов, которые заняты в финансовой, юридической и прочих смежных областях деятельности.

Креативный класс, по мнению автора, довольно распространен и насчитывает от трети до половины трудовых ресурсов в развитых странах Западной Европы, Азии, Северной Америки.

Основное отличие между креативным и иными классами состоит в специфике выполняемой ими работы: если первые получают оплату за интеллектуальный труд или социальные навыки, то представители других классов, как правило, выполняют монотонную, хотя в некоторых случаях и высококвалифицированную работу. Отличается креативный класс и своими нормами поведения, для которых характерны индивидуальность, самовыражение и толерантность к представителям иных классов и культур.

Р. Флорида также отметил, что креативные специалисты преимущественно сосредоточены в тех местах, которые в наиболее полной мере способны удовлетворить их специфические требования о комфортной

жизненной среде. Если ранее приоритетом выступала заработная плата и бенефиты, предоставляемые работодателем, то современный представитель креативного класса скорее предпочтет им возможность работать по гибкому графику, поддерживать активный образ жизни, обеспечить здоровый баланс между работой и домом. Почему же именно возможность работы по гибкому графику возглавляет список предпочтений креативов?

Мы полагаем, что причина кроется в следующем: так как проявления творческой активности мало прогнозируемы во временном плане, это делает крайне затруднительным «творчество по расписанию», когда творящий будет вынужден прибегать к искусственной стимуляции своего творческого потенциала; более того, для творческой деятельности крайне благоприятны моменты своеобразного «забвения», когда творящий временно отстраняется от решения творческой задачи и переключается на решение других задач.

Именно данное обстоятельство, на наш взгляд, и объясняет столь сильную приверженность представителей креативного класса возможности работать по гибкому графику, поскольку подобный режим позволяет им находить оптимальный баланс между работой и отдыхом, что делает творческий поиск более продуктивным.

Несмотря на то первоначальное воодушевление и энтузиазм, с которыми научное сообщество встретило появление теории Флориды, совсем скоро некоторые исследователи стали выражать сомнение в ее валидности: в частности, критике подверглись как само определение креативного класса, предложенное Флоридой, так и степень его значимости в развитых мировых экономиках (подробный анализ данной проблемы представлен в работе И. Стародубровской и Д. Лободановой «Креативный класс и креативный город: российское преломление» [4]).

Для нас данная работа интересна, прежде всего, предпринятой авторами попыткой проанализировать взгляды и ожидания креативного класса в России в сравнении с их европейскими и американскими коллегами по классу. Полученные результаты оказались очень интересными.

Во-первых, комфортность жизни для соотечественников, в отличие от их европейских коллег по креативному классу, не является первоочередным фактором при выборе места жительства, решающее значение имеет возможность самореализации. Во-вторых, набор факторов, которые определяют комфортность городской среды, не ограничивается стандартными, а дополняется такими качествами, как темп и ритм жизни, динамика изменения города. В-третьих, процесс взаимодействия креативного индивида и города является двусторонним.

Для отечественных представителей креативного класса наиболее значима возможность самореализации, чему в немалой степени способствует флексибилизация рынка труда, поскольку предлагаемые новые формы гибкой занятости вполне соответствуют ожиданиям представителей креативного класса о комфортном соотношении работы и досуга, возможности управлять собственными временными ресурсами.

Следует отметить, что фрилансерство с каждым годом становится все более и более популярной формой организации трудовой деятельности россиян. Согласно данным отчета ВШЭ, в 1992 г. в отечественной экономике насчитывалось 1,8 млн. временных работников, в 2001 г. их количество достигло 4,3 млн. чел., затем в 2010 г. поднялось до уровня в 5,3 млн. чел., а в 2015 г. составило уже вполне внушительные 6 млн. чел. [5].

В качестве основных причин перехода на временную занятость чаще всего выступает возможность самостоятельно управлять собственными временными ресурсами и самостоятельно распределять их (79% респондентов); 65% опрошенных фрилансеров отметили также возможность работать непосредственно из дома, а 56% – возможность выбора интересных проектов [6, с. 51].

На первый взгляд, такая тенденция несет только благо для всех участников рынка труда. Работодатель снимает с себя целый ряд обязательств перед сотрудником-фрилансером, поскольку в условиях российской действительности такая форма трудовой деятельности зачастую подразумевает «серую» зарплату, отсутствие (либо минимальные) отчисления в Пенсионный фонд, Фонд обязательного медицинского страхования и прочее, что приводит к сокращению издержек на персонал. Фрилансер же получает возможность работать по наиболее приемлемому для себя графику. Однако попробуем разобраться, настолько ли благоприятна данная тенденция, прежде всего, для развития креативности, как о том писал Р. Флорида в своей работе?

Мы полагаем, что помимо очевидных выгод для фрилансера, лежащих на поверхности, к которым мы относим, прежде всего, иллюзию управления своей собственной жизнью, более глубокий анализ данного феномена позволяет говорить о его неоднозначном характере.

Дело в том, что бурный рост фриланса вкупе с его трансграничным характером подразумевает одно неизбежное следствие – постоянно усиливающееся конкурентное давление на данном рынке, приводящее к постепенному падению уровня оплаты труда занятых в нем.

Многомиллионная армада фрилансеров, ежегодно прирастающая своими новыми членами, требует все большего и большего количества работы

(заказов), что в условиях экономической турбулентности как в России, так и в мире в целом, неизбежно приводит к сокращению доступных финансовых ресурсов (заказов) на человека и, как следствие, обострению конкурентной борьбы за их обладание.

Это приводит фрилансера к осознанию необходимости создания каких-либо отличительных – узнаваемых и оригинальных – особенностей своего образа или способа выполнения профессиональной деятельности, чтобы выделиться из десятков тысяч себе подобных других программистов, видеоблогеров, онлайн-преподавателей и представителей иных творческих профессий.

На первый взгляд, казалось бы, вот оно – то самое идеальное поле для реализации своих творческих амбиций, однако, к сожалению, в нашей стране, впрочем, как и в большинстве стран Европы и США, реализация подобных замыслов на практике зачастую принимает весьма уродливые формы.

В результате рекорды просмотров в сети Интернет принадлежат так называемым «специалистам», чей уровень профессиональной компетентности вызывает у нас большие сомнения, равно как и качество их творческой мысли. В итоге медиапространство стремительно заполняют всевозможные фрики, готовые продемонстрировать все грани своего безумного гения только ради одной единственной цели – коммерциализации своей псевдокреативности.

Основной причиной подобного тренда, на наш взгляд, выступает постепенное падение уровня общей культуры и интеллекта молодежи. В результате «подлинное» творчество, понимаемое нами как деятельность, направленная на создание нового продукта, который, помимо всего прочего, должен обладать и определенной *общественной* полезностью, постепенно подменяется так называемой «суррогатным» творчеством, цель которого – максимальное эпатирование публики, зачастую через апеллирование к ее низменным инстинктам и влечениям, при этом общественная полезность (ровно как и иная другая) остается вынесенной за скобки понимания творящего.

Более того, подобная тенденция приобретает все более изощренные формы и, словно расплзающаяся по телу раковая опухоль, начинает угрожать даже тем отраслям деятельности, которые, как нам ранее казалось, традиционно обладают к ней довольно стойким иммунитетом, например, образованию. Несомненный факт, что последнее обязано развиваться в подрастающем поколении способность к творчеству, прежде всего, через его наглядную демонстрацию педагогом на занятии, однако те формы и методы, которые берут на вооружение некоторые представители профессионального педагогического сообщества, зачастую находятся вне рамок разумного.

В частности, какие «творческие» мотивы (кроме бурного роста своей популярности в Интернете) двигали преподавателем одного из лицеев ВШЭ, облачившим университетскую лекцию по отечественной истории в форму рэп-речетатива? Но гораздо в большей степени интересно узнать, что думает сам автор об уместности повествования о сакральных для каждого гражданина нашей страны исторических фактах языком американских уличных банд в стенах университета? [7].

Неужели подобная клоунада в угоду определенной части современного студенчества и представляет собой образец того самого «нового творчества», о котором грезил Р. Флорида? Чему оно способно научить, какие ценности заложит в стремительно пустеющие головы «лайкающих» в восторге от подобного «действия» студентов?..

Следующий аспект, который нам бы хотелось рассмотреть, связан с характером влияния современных электронных устройств на способность к творчеству. Как известно, современный фриланс (особенно в IT-индустрии) уже немыслим без активного использования новых электронных технологий и гаджетов, которые делают возможным выполнение удаленной работы без фактического присутствия специалиста в месте нахождения заказчика. Однако, как мы считаем, именно эти самые гаджеты, на которые сейчас возлагаются большие надежды, и выступают скрытой угрозой, способной окончательно превратить *homocreativus* в *homoeconomicus*. Что дает нам основания так считать?

Дело в том, что использование ICT (information computer technologies – информационные компьютерные технологии (ИКТ)) как в повседневной жизни, так и на работе негативно влияет на физическое и умственное состояние человека и способно вызывать целый ряд крайне негативных последствий, таких как затруднения в принятии решений, снижение производительности труда, техностресс, ускоренное профессиональное выгорание, депрессия, нарушения сна, что в совокупности наносит сокрушительный удар по способности к творчеству [8].

Можно смело заключить, что все мы являемся свидетелями поистине драматической, если не сказать парадоксальной ситуации: с одной стороны, электронные устройства несут в себе, казалось бы, вполне благородную миссию максимально облегчить процесс создания нового, сделать его более доступным для каждого человека; с другой – именно они его, в конечном счете, и убивают.

Помимо изменений форм организации трудовой деятельности как таковой, существенную трансформацию претерпевает и сама номенклатура профессий, поскольку по мере проникновения цифровых технологий на рынок труда привычные нам профессии замещаются новыми. В частности, «Атлас новых профессий», представленный специалистами Агентства стратегических инициатив и Московской школы управления Сколково в 2014 г., прогнозирует появление целого ряда принципиально новых профессий, среди которых для нас представляют особый интерес две: куратор коллективного творчества и тренер творческих состояний [9]. По мнению авторов данного документа, обе должны появиться до 2020 г. Итак, чем же будут заниматься представители данных творческих профессий в ближайшем будущем?

Куратор коллективного творчества будет выступать в роли медиатора конкретного творческого процесса в рамках арт-групп, причем последняя может состоять не только из художников, но и программистов, инженеров и специалистов из других отраслей.

В задачи куратора коллективного творчества (которого авторы исследования назвали «специалистом по майнд-фитнесу») будет входить приведение «людей творческих профессий в «состояние потока» и в другие состояния, характеризующиеся повышенной креативностью. Он также занимается и развитием осознанности, поскольку одна из важных задач художника – постоянное переосмысление реальности» [5].

Таким образом, в ближайшем будущем мы будем наблюдать глобальную экологическую битву двух противоборствующих сил: все возрастающей роли и потребности в творческом мышлении специалистов будущего и беспрецедентного давления на него со стороны электронных устройств и искусственного интеллекта как высшей формы их эволюционного развития.

Литература

1. Гут Р. О творчестве в науке и технике // Вопросы психологии. 2007. № 4. С. 130-139.
2. Drucker P. The Age of Discontinuity Guidelines to Our Changing Society. New Jersey. 1992.
3. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее // The Rise of The Creative Class and How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life. Классика-XXI, 2005. 430 с.

4. Стародубровская И. Креативный класс и креативный город: российское преломление / И. Стародубровская, Д. Лободанова // Экономическая политика. 2013. № 5. С. 127-149.
5. Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения. Под редакцией В. Гимпельсона, Р. Капелюшниковой и С. Рощина. Доклад Центра трудовых исследований (ЦеТИ) и лаборатории исследования рынка труда (ЛИРТ) НИУ ВШЭ, Москва, 2017.
6. Стребков Д.О., Шевчук А.В. Фрилансеры на российском рынке труда // Социологические исследования. 2010. № 2. С. 45-55.
7. <https://mel.fm/novosti/2174653-rap> (дата обращения 6.12.2017)
8. Hemp P. Death by information overload. Harvard business review. 2009. 87(9): p. 82-89, 121.
9. <http://atlas100.ru/catalog/> (дата обращения 6.12.2017).

A.A. Popel

ECOLOGICAL ASPECTS OF FULFILLING
EMPLOYEES' CREATIVE POTENTIAL TO RESPOND
TO NEW CHALLENGES ON THE LABOUR MARKET

The article examines the environmental aspects of implementing the creative potential of the employee in the face of new challenges in the labor market. The author assesses the degree of general development of the problem of creativity in domestic and foreign science, as well as its role and place in the postindustrial economy. Also, changes in the current labor market are described, an increase in the share of freelancing as a form of organization of professional work is recorded, motives that motivate more people to work as freelancers are analyzed. An analysis is also given of the specific characteristics of freelancing that are peculiar to the domestic labor market, as well as the forms and methods of implementing the creative potential of the employee in the conditions of a transforming labor market. An example of analysis of video bloggers' work introduces the concept of "surrogate" creativity, as a form of pseudo-creativity, directed not at creating a useful, useful new, but for exposing a person through appeal to his base needs and desires. The author also considers the moral and ethical aspects of the realization of a person's creative potential in the face of increasing competition in the freelance market.

Keywords: creativity, freelance, remote job, ICT.

ГЛАВА 3

СЕМЬЯ В СИСТЕМЕ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

3.1. СЕМЬЯ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ СБЕРЕЖЕНИЯ ЗДОРОВЬЯ

Рассматривается влияние различных факторов на состояние здоровья семьи в целом. К этим факторам можно отнести профилактические медицинские осмотры, занятия физической культурой, доход, уровень образования, наличие или отсутствие хронических заболеваний, качество предоставляемых медицинских услуг, дополнительное добровольное медицинское страхование, алкогольная или наркотическая зависимость членов семьи. Анализ проведен на основе данных Федеральной службы государственной статистики России и «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ» (RLMS-HSE).

Авторы делают акцент на состоянии здоровья беременных женщин, рожениц, детей, качестве медицинской помощи в данном аспекте. Одной из основных составляющих здоровья семьи является использование ею технологий сбережений здоровья, а также рассмотрение здоровья в качестве главного компонента в иерархии ценностей семьи.

Ключевые слова: здоровье, семья, заболевания, аборт, здравоохранение, дети, технологии сбережения здоровья.

Все здоровые семьи похожи друг на друга, каждая нездоровая семья нездорова по-своему. Здоровье семьи в целом и каждого отдельного ее члена, доступность здравоохранения, качество предоставляемых медицинских услуг и помощи как ключевые показатели уровня жизни населения имеют большое значение в современном мире. От качества здоровья семьи зависит здоровье и жизнь будущих поколений.

Президент Российской Федерации 1 марта 2018 г. в своем послании к Федеральному собранию обозначил сбережение здоровья семьи и всего населения в целом как приоритет государственной политики. Продолжительность жизни населения выросла на 7 лет и составляет 73 года, к следующему десятилетию В.В. Путин поставил цель – включение России в клуб стран «80 плюс», где продолжительность жизни превышает 80 лет (Япония, Германия, Франция). На охрану материнства и детства будет направлено 3,4 трлн. рублей [1].

Согласно определению Всемирной организации здравоохранения, здоровье – состояние полного физического, психического и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов. Часто понятие «здоровье семьи» трактуется как отсутствие алкогольной, наркотической зависимости, хронических заболеваний жизненно важных органов (сердца, почек, печени, желудка, кишечника, легких, щитовидной железы) членов семьи. К сожалению, не учитывается эмоционально-психологическое состояние и социальное благополучие членов семьи. Доступность и качество предоставляемых медицинских услуг в районе проживания семьи, возможность оплатить дорогостоящие лекарственные препараты, операции, медицинские изделия, реабилитационные процедуры, наличие и размер пособий, материальной помощи, льгот оказывают огромное влияние на сохранение здоровья семьи.

В настоящее время существует две основные противоположные концепции понимания семьи – А.И. Антонова и С.И. Голода. Согласно А.И. Антонову, семья – это основанная на единой общесемейной деятельности общность людей, связанных узами супружества–родительства–родства, и тем самым осуществляющая воспроизводство населения и преемственность семейных поколений, а также социализацию детей и поддержание существования членов семьи [2, с. 66]. Т.е., согласно определению автора, семья без детей – это не семья.

С.И. Голод утверждает, что семья является совокупностью индивидов, состоящих, по меньшей мере, в одном из трех видов отношений: кровного родства (брат – брат, сестра – сестра), порождения (родители – дети), свойства (муж – жена) [3, с. 76]. Определение С.И. Голода подразумевает, что семьей могут являться и отношения сожителства. Данное определение значительно расширяет количество видов семьи, что соответствует современным реалиям.

Здоровье семьи включает здоровье каждого ее члена. Здоровье человека начинается со здоровья его родителей, продолжается во время внутриутробного развития, сохраняется, ухудшается или улучшается с момента его рождения в течение всей продолжительности его жизни. Огромное влияние на здоровье будущего поколения имеет здоровье матери ребенка.

Представляем вторичный анализ статистических данных, опубликованных на сайте Федеральной службы государственной статистики России – www.gks.ru, а также анализ некоторых трудов отечественных ученых и исследователей в сфере социологии и психологии семьи.

В добавлении к этому, приведем анализ данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ»

(RLMS-HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>.

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики России, численность женщин, закончивших беременность родами в срок, увеличилась с 2000 г. по 2016 г. с 1155,9 тыс. чел. до 1763,6 тыс. чел. (высокие показатели были в 2014 и 2015 гг. – 1826,3 тыс. чел. и 1817,7 тыс. чел. соответственно). Увеличилась и численность женщин, закончивших беременность преждевременными родами, с 2000 г. по 2016 г. с 46,9 тыс. чел. до 73,3 тыс. чел. (высокие показатели относятся к 2013 и 2014 гг. – 78,8 тыс. чел. и 76,7 тыс. чел. соответственно). Необходимо отметить, что количество совершенных аборт в России уменьшилось с 1980 по 2000 гг. (1980 г. – 97,1 тыс. чел., 1990 г. – 82 тыс. чел., 1995 г. – 64,3 тыс. чел., 2000 г. – 55,6 тыс. чел.). К сожалению, количество сделанных аборт на 2016 г. составила 66,2 тыс. чел. (показатель выше, чем в 1995 г.) [4].

Т а б л и ц а 1

Численность женщин, закончивших беременность родами в срок
или абортами, тыс. чел.¹

	1980	1990	1995	2000	2010	2013	2014	2016
Численность женщин, закончивших беременность, тыс. человек	2009,1	1888,8	1292,8	1155,9	1698,3	1795,0	1826,3	1763,6
в том числе: родами в срок	1833,0	1734,6	1178,0	1053,4	1569,0	1649,5	1681,4	1624,1
абортами	97,1	82,0	64,3	55,6	66,9	66,7	68,2	66,2

Если обратиться к статистическим данным о здоровье женщины во время беременности, можно обнаружить следующие закономерности. Количество различных заболеваний, осложнивших роды, уменьшилось с 2000 г. по 2016 г.,

¹ Данные официального сайта Федеральной службы государственной статистики России – www.gks.ru. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/healthcare/# (дата обращения 17.07.2018).

кроме сахарного диабета и венозных осложнений. К заболеваниям, осложнившим роды, следует отнести анемию (2000 г. – 267,9 на 1000 родов, 2012 – 227,5 на 1000 родов), болезни системы кровообращения (2000 г. – 69,0 на 1000 родов, 2015 г. – 55,4 на 1000 родов), сахарный диабет (2000 г. – 1,3 на 1000 родов, 2016 г. – 31,9 на 1000 родов), отеки, протеинурия и гипертензивные расстройства (2000 г. – 217,0 на 1000 родов, 2014 г. – 154,3 на 1000 родов), болезни мочеполовой системы (2000 г. – 94,3 на 1000 родов, 2016 – 51,1 на 1000 родов), венозные осложнения (2000 г. – 17,7 на 1000 родов, 2016 г. – 19,1), а также кровотечение в послеродовом периоде (2000 г. 24,5 на 1000 родов, 2014 г. – 10,2 на 1000 родов), нарушение родовой деятельности (2000 г. – 133,7 на 1000 родов, 2016 г. – 83,1 на 1000 родов) [4].

Т а б л и ц а 2

Заболевания, осложнившие роды, тыс.¹

Число заболеваний, осложнивших роды (на 1000 родов):	2000	2005	2010	2013	2014	2015	2016
анемия	267,9	259,5	230,8	229,9	235,0	235,3	247,7
болезни системы кровообращения	69,0	68,4	67,9	63,3	62,9	55,4	57,1
сахарный диабет	1,3	1,6	3,7	7,8	14,1	23,7	31,9
отеки, протеинурия и гипертензивные расстройства	217,0	223,5	189,5	164,1	154,3	...*	...*
болезни мочеполовой системы	94,3	89,5	72,4	60,7	57,6	51,1	51,1
венозные осложнения	17,7	18,9	22,1	19,5	19,5	19,8	19,1
кровотечение в послеродовом и послеродовом периодах	24,5	15,7	12,7	10,6	10,2	10,8	10,9
нарушения родовой деятельности	133,7	122,2	113,0	99,1	92,9	88,1	83,1

*– нет данных

Несмотря на то, что в России созданы перинатальные центры, частные поликлиники, в которых часть медицинских услуг можно получить по ОМС, распространяется специальная литература и журналы (например, журнал «Здоровье семьи», выпускаемый Медицинским лечебно-диагностическим

¹ Данные официального сайта Федеральной службы государственной статистики России – www.gks.ru. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/healthcare/# (дата обращения 17.07.2018).

центром [5]), увеличилось количество больных рожденных детей и детей, заболевших вскоре после рождения. Например, в 1980 г. родилось 169 тыс. больных детей или детей, заболевших вскоре после рождения (с массой тела 1000 г. и более), в 1990 г. – 288,6 тыс. детей, в 2000 г. – 474,1 тыс. детей, самый высокий показатель в 2012 г. составил 637,2 тыс. детей, в 2016 г. – 590,5 тыс. детей. Доля детей с врожденными аномалиями в 2016 г. составила 3% от количества детей, родившихся живыми [4].

Т а б л и ц а 3

Рожденные дети с заболеваниями, тыс. чел.¹

Родилось детей больными или заболели (с массой тела 1000 г и более):	1980	1990	1995	2000	2005	2010	2012	2015	2016
всего, тыс. человек	169,0	288,6	383,3	474,1	575,9	624,0	637,2	607,4	590,5
из них новорожденные с заболеваниями: врожденные аномалии, % от числа детей, родившихся живыми	1,2	1,8	2,6	3,0	3,3	3,0	2,9	2,9	3,0
отдельные состояния, возникающие в перинатальном периоде, % от числа детей, родившихся живыми	...*	14,7	32,0	50,6	56,5	49,3	45,8	43,4	43,3

*— нет данных

С каждым годом система здравоохранения России, дружественная детям и семье, развивается: открываются перинатальные центры, медицинские профилактические учреждения с современным оборудованием, вводятся новые медицинские услуги и многое другое. Несмотря на это, согласно статистическим данным, уменьшилось число коек для беременных женщин,

¹ Данные официального сайта Федеральной службы государственной статистики России – www.gks.ru. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/healthcare/# (дата обращения 17.07.2018).

рожениц и родильниц в период с 1990 г. по 2016 г. (122,7 тыс. и 67,0 тыс. соответственно), а также число коек для детей в период с 1990 г. по 2016 г. (309,6 тыс. и 158,5 тыс. соответственно). С переменным успехом увеличивается число женских консультаций, акушерско-гинекологических отделений (кабинетов), детских поликлиник, отделений кабинетов. Например, в 1990 г. число вышеперечисленных консультаций, отделений и кабинетов составило 13,7 тыс., в 2000 г. – 16 тыс., в 2007 г. – 11,5 тыс., в 2010 г. – 17 тыс., в 2012 г. – 18,4 тыс., в 2015 г. – 14,3 тыс., в 2016 г. – 17,4 тыс. [6].

Т а б л и ц а 4

Медицинская помощь женщинам и детям, тыс.¹

Годы	Число коек для беременных женщин, рожениц и родильниц, тыс. коек	Число коек для детей		Число женских консультаций, акушерско-гинекологических отделений (кабинетов), детских поликлиник, отделений (кабинетов), тыс.	Число фельдшерско-акушерских пунктов, тыс.
		всего, тыс.	на 10 000 детей		
1990	122,7	309,6	91,2	13,7	47,7
1995	105,1	267,8	86,6	15,6	45,8
2000	90,7	228,6	89,3	16,0	44,6
2005	81,9	200,3	94,7	15,0	43,1
2007	82,0	190,2	90,0	11,5	39,8
2010	80,3	179,0	82,2	17,0	37,8
2011	79,2	178,4	80,4	16,3	35,0
2012	77,4	177,9	66,1	18,4	34,8
2013	74,9	173,9	63,5	17,8	34,8
2014	72,4	166,5	58,7	17,8	35,0
2015	69,4	163,5	56,3	14,3	34,3
2016	67,0	158,5	53,6	17,4	34,0

Кроме того, к сожалению, с 2000 по 2016 гг. выросло количество детей в возрасте от 0 до 14 лет, имеющих при рождении или установленных впервые после рождения заболевания. В 2000 г. детей с теми или иными серьезными заболеваниями насчитывалось 38225,7 тыс. чел., в 2016 г. – 44831,9 тыс. чел.

¹ Данные официального сайта Федеральной службы государственной статистики России – www.gks.ru. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/healthcare/# (дата обращения 18.07.2018).

Распространенными заболеваниями среди детей в возрасте от 0 до 14 лет в 2016 г. стали болезни органов дыхания (29656,8 тыс. чел.), травмы и отравления (2628,6 тыс. чел.), болезни кожи и подкожной клетчатки (1800,8 тыс. чел.), инфекционные и паразитарные заболевания (1793,4 тыс. чел.), болезни органов пищеварения (1781,0 тыс. чел.), болезни глаза и его придаточного аппарата (1491,9 тыс. чел.), болезни уха и сосцевидного отростка (1239,7 тыс. чел.), болезни нервной системы (931,2 тыс. чел.) [7].

Т а б л и ц а 5

Заболеваемость детей в возрасте 0-14 лет
по основным классам болезней в 2000-2016 гг., тыс. чел.¹

	2000	2005	2010	2015	2016
Все болезни, из них:	38225,7	36837,4	40903,5	43843,0	44831,9
некоторые инфекционные и паразитарные болезни	2689,4	1905,1	1765,4	1797,4	1793,4
новообразования	59,7	73,1	96,2	118,0	118,8
болезни крови, кроветворных органов и отдельные нарушения, вовлекающие иммунный механизм	316,4	382,1	389,9	345,3	344,7
болезни эндокринной системы, расстройства питания, нарушения обмена веществ	392,4	385,3	357,3	367,0	391,5
болезни нервной системы	713,9	779,8	928,5	927,6	931,2
болезни глаза и его придаточного аппарата	1221,0	1196,1	1259,4	1459,1	1491,9
болезни уха и сосцевидного отростка	1076,9	1029,2	1159,8	1229,8	1239,7
болезни системы кровообращения	174,4	189,7	184,6	178,3	175,3
болезни органов дыхания	22952,2	21780,3	25507,7	28578,3	29656,8
болезни органов пищеварения	1709,2	1822,0	1807,5	1786,1	1781,0
болезни кожи и подкожной клетчатки	1889,6	1960,5	1980,5	1887,2	1800,8
болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани	759,1	823,7	825,7	818,7	800,6
болезни мочеполовой системы	539,1	627,7	674,8	698,5	689,8
врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения	172,4	199,0	255,5	270,6	274,8
травмы, отравления и некоторые другие последствия воздействия внешних причин	2390,9	2220,1	2294,9	2574,6	2628,6

Если говорить о хронических заболеваниях семей, то, по состоянию данных 2016 г., наиболее распространенными являются заболевания позвоночника (32,9%), желудочно-кишечного тракта (32,7%), сердца (30,2%),

¹ Данные официального сайта Федеральной службы государственной статистики России – www.gks.ru. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/# (дата обращения 18.07.2018).

менее распространенными – заболевания почек (15,9%), печени (15,3%) и легких (15,2%).

Доля населения России, имеющего хронические заболевания сердца в период с 2000 по 2016 гг., находилась в интервале от 14 до 17%, в пересчете на все население России – это 21-22 млн. человек. По отношению к семье как единицы социологического анализа с проблемой хронического заболевания сердца сталкивается, примерно, каждая третья семья (табл. 6), при этом ситуация является относительно стабильной за весь период наблюдения.

Т а б л и ц а 6

Доля семей, где есть лица с хроническими заболеваниями,
в период с 2000 по 2016 гг., %¹

Год	Хронические заболевания					
	Сердца	Легких	Печени	Почек	Желудочно-кишечные	Позвоночника
2000	32,5	14,2	20,2	19,7	32,4	32,3
2001	33,7	14,0	20,9	20,9	35,3	33,6
2002	33,0	14,5	22,8	20,7	36,1	35,2
2003	33,7	13,8	22,2	20,1	35,9	36,1
2004	32,1	12,1	19,8	18,5	32,4	30,2
2005	31,4	11,8	18,7	17,0	30,8	29,4
2006	33,5	11,5	18,0	18,2	31,9	30,6
2007	32,4	11,5	17,8	17,3	30,5	28,5
2008	34,6	11,2	19,8	18,7	32,6	30,6
2009	33,6	10,2	18,5	17,3	31,9	30,3
2010	32,6	10,8	16,6	16,5	32,1	28,5
2011	31,2	10,6	15,1	16,4	31,9	30,6
2012	31,2	11,9	17,2	17,3	34,2	33,4
2013	32,0	16,0	17,5	17,4	35,0	33,2
2014	31,6	15,1	15,7	15,9	32,9	31,7
2015	30,4	14,9	15,7	15,0	32,9	32,7
2016	30,2	15,2	15,3	15,9	32,7	32,9

Существует значительная дифференциация по хроническим заболеваниям в зависимости от типа семьи. Наименьшее количество хронических заболеваний сердца в семьях с одним взрослым (родителем), в полных семьях с детьми и у одиноко проживающих мужчин. В первом случае это связано с молодым возрастом взрослых членов семей. Что касается одиноких мужчин, то эта

¹ Использованы базы данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ» (RLMS-HSE) – <https://www.hse.ru/rlms/spss>.

категория граждан склонна относиться к своему здоровью крайне невнимательно. Наиболее часто хронические заболевания сердца встречаются в семьях без детей, в семьях, состоящих из трех поколений, в семьях, где нет официально оформленного брачного статуса и среди одиноко проживающих женщин.

Доля семей, имеющих в своем составе лиц с хроническим заболеванием легких и бронхов, на протяжении 17 лет наблюдений остается достаточно стабильной, примерно 11-16 %. В семьях, где есть курящие члены семьи, доля лиц, имеющих хронические заболевания легких и бронхов, на 2-6% выше, чем в некурящих семьях, и эти различия являются статистически значимыми. В 2016 г. доля семей с хроническими заболеваниями легких и бронхов, где есть курящие члены семьи, составляла 18,5%, тогда как в семьях, где нет курящих, составляла 13,2% (Хи-квадрат равен 25,76, при $p < 0,001$).

Доля семей, имеющих в своем составе лиц с хроническими заболеваниями печени, в анализируемый период несколько сократилась. Если в 2000 г. каждая пятая семья сталкивалась с такой проблемой, то в 2016 г. доля таких семей составила 15,3%.

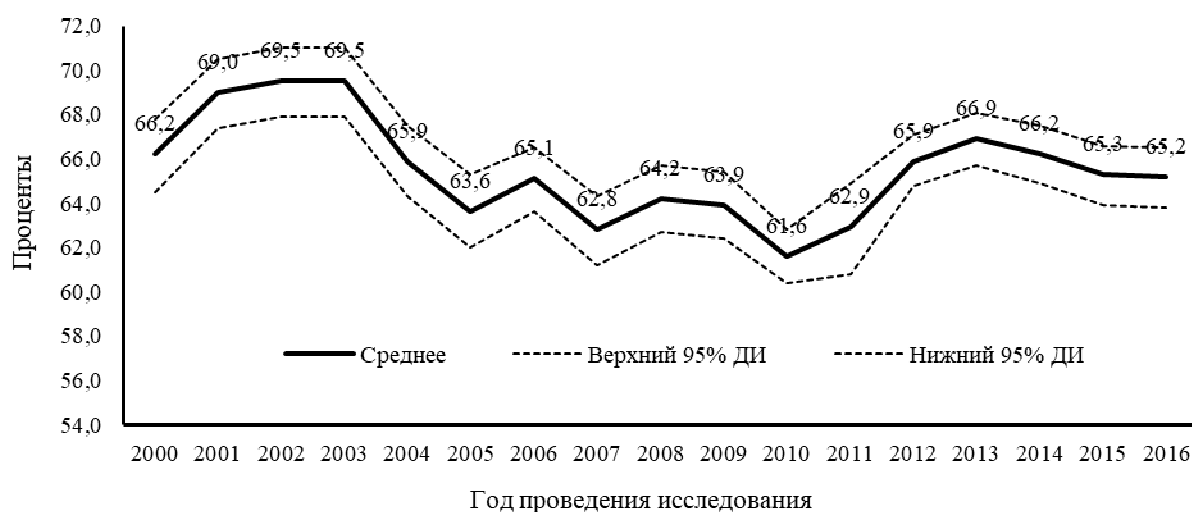

Рис. 1. Доля семей, где есть лица, имеющие хронические заболевания (сердца, легких, печени, почек, желудочно-кишечного тракта или позвоночника), в период с 2000 по 2016 гг., в %, с 95% доверительным интервалом, по данным RLMS-HSE

Анализ распространенности хронических заболеваний (по шести наименованиям, табл. 6) на уровне семьи показывает наличие подобного рода проблем в 6-7 домохозяйствах из каждых 10-ти (рис. 1). В 2001-2003 гг. доля семей, где есть лица с хроническими заболеваниями, находилась в интервале от 68 до 71%. В исследовании 2016 г. доля семей, столкнувшихся с проблемой

хронических заболеваний, с учетом доверительного интервала, находилась в пределах от 63,8 до 66,5%. Среднедушевые доходы и среднедушевые расходы в семьях, где нет лиц с хроническими заболеваниями, на 5-7% выше, чем в семьях, столкнувшихся с этой проблемой.

В ходе анализа была выявлена отрицательная корреляция между долей семей, имеющих в своем составе лиц с хроническими заболеваниями, и уровнем внутреннего валового продукта России в период с 2000 по 2015 гг. Статистически значимая корреляционная взаимосвязь этих двух показателей зафиксирована для верхней границы 95% доверительного интервала (коэффициент корреляции Пирсона = $-0,499$, при $p < 0,05$). На основании полученной информации правомерно утверждать, что снижение размеров ВВП страны опосредованно влияет на увеличение доли семей, сталкивающихся с проблемой хронических заболеваний.

Проблема инвалидизации населения затрагивает каждую пятую российскую семью (рис. 2). В 2003 г. доля семей с инвалидами составляла 18,2%, в том числе 2,1% российских семей имели в своем составе двух и более инвалидов. В 2016 г. доля семей, имеющих в своем составе одного инвалида, составляла 19,3%, а доля семей, имеющих в своем составе двух и более инвалидов, составила 2,4%.

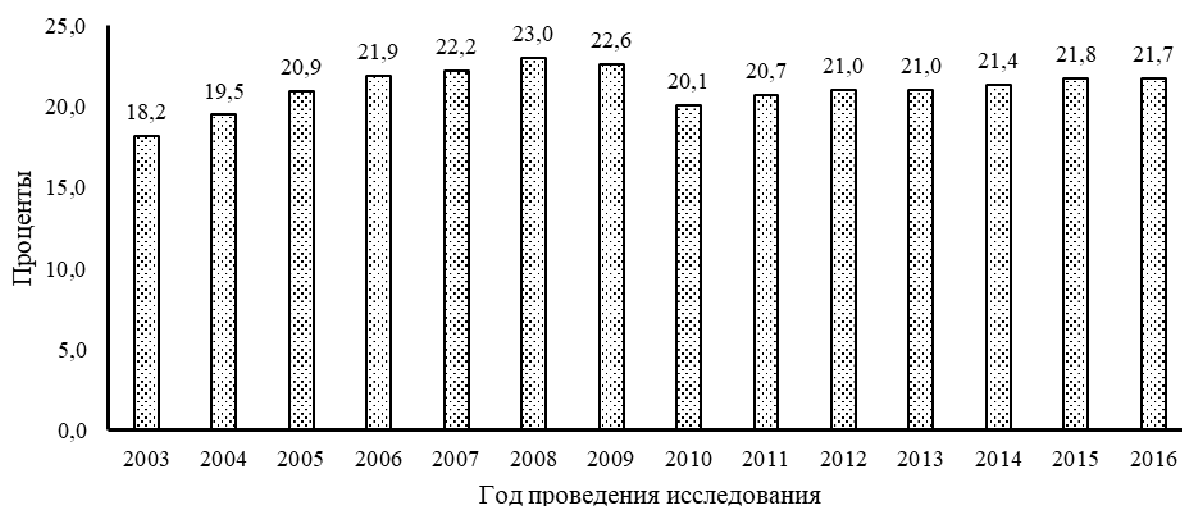

Рис. 2. Динамика изменения доли семей, имеющих в своем составе лиц с инвалидностью, в период с 2003 по 2016 гг., в %, по данным RLMS-HSE

Среднедушевой доход и расход в семьях, где нет инвалидов, несколько выше, чем в семьях с инвалидами. В среднем в период с 2003 по 2016 гг.

среднедушевой доход семей без инвалидов был выше среднедушевого дохода семей с инвалидами на 1000-1100 рублей (в ценах 2016 г.). Среднедушевые расходы в указанный период были больше в семьях, где нет инвалидов, и это превышение составляло около 3000 рублей.

Одна из важнейших обязанностей родителей заключается в том, чтобы следить за здоровьем своих детей и воспитать в них отношение к своему здоровью как к жизненно значимой ценности. Ответственное отношение к здоровью должно быть тем фундаментом, на котором выстраивается вся жизнь семьи [8, с. 152].

Инвалидность одного из членов семьи влияет на ресурсность семьи. Наличие нетрудоспособного члена семьи с инвалидностью, в особенности ребенка-инвалида, требует от семьи дополнительных затрат в виде денежных, материальных, психологических, временных ресурсов.

Болезнь ребенка, в особенности психическая, в России чаще всего оказывается для брака непреодолимым препятствием. В случаях, когда семью удастся сохранить, дисфункциональные тенденции будут проявляться в перераспределении ролей, увеличении нагрузки на работающего члена семьи, постепенном иссякании адаптационного потенциала семейной системы.

В добавление к этому, часто один из членов семьи, занимающийся уходом за ребенком-инвалидом, не берет во внимание свое собственное здоровье, вкладывая все время, средства и силы в помощь по поддержанию стабильного состояния здоровья или улучшению (выздоровлению) этого ребенка. Подобное отношение к здоровью может привести не только к снижению уровня здоровья семьи в целом, но и к ухудшению психологического климата в семье, эмоциональному истощению членов семьи, снижению уровня материально-финансового благополучия и внутрисемейным конфликтам.

Для профилактики и предотвращения подобного состояния семья как социальный институт может использовать некоторые технологии сбережения здоровья. Под здоровьесберегающими технологиями семьи понимаются максимально возможные условия для сохранения, укрепления и развития духовного, эмоционального, интеллектуального, личностного и физического здоровья всех членов семьи (прародители, родители, дети, родственники) [9, с. 34]. Здоровье-сберегающие технологии семьи включают в себя:

- 1) организацию режима труда и отдыха в соответствии с индивидуальными особенностями здоровья, возрастными и половыми характеристиками членов семьи;

2) создание благоприятного эмоционально-психологического климата: адекватность требований, единство подходов к воспитанию детей родителей и других взрослых членов семьи, отсутствие стрессовых факторов;

3) ведение здорового образа жизни: питание, рациональные физические нагрузки, закаливание, совместное посещение парков, физкультурно-оздоровительных мероприятий;

4) своевременное обращение к врачу в случае подозрения на возникновение заболеваний у себя, детей и других членов семей;

5) проведение профилактических процедур, посещение профилактических мероприятий (прививки, профилактические медицинские осмотры).

Сохранение здоровья семьи включает в себя множество компонентов, а правильное и адекватное использование технологий сбережения здоровья (здоровьесберегающих технологий) направлено на профилактику, предотвращение некоторых заболеваний, сохранение и улучшение общего состояния здоровья семьи, повышение социального благополучия семьи в целом.

Согласно данным Министерства здравоохранения России, увеличивается количество детей в возрасте от 0 до 17 лет, прошедших профилактические медицинские осмотры (в 2008 г. – 79,9% от общей численности детей данного возраста, в 2016 г. – 88,4% от общей численности детей данного возраста [10]).

Т а б л и ц а 7

Охват детей профилактическими медицинскими осмотрами¹, %

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Доля детей в возрасте 0-17 лет, прошедших медицинские профилактические осмотры, от общей численности детей данного возраста, %	79,9	80,5	80,8	81,8	81,6	81,5	81,0	82,5	88,4

Семейные традиции и практики здоровьесберегающего поведения, поведенческие образцы, усвоенные в семье, обладают чрезвычайной устойчивостью, сохраняются на протяжении всей жизни индивида и воспроизводятся в последующих поколениях. Это относится к представлениям

¹ Данные официального сайта Федеральной службы государственной статистики России – www.gks.ru. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/# (дата обращения 19.07.2018).

о природе болезней, опыту их преодоления, отношению к вредным привычкам, формам защитного поведения [11, с. 327].

К здоровьесберегающему поведению правомерно отнести договор о дополнительном добровольном медицинском страховании. К сожалению, его введение так и не получило сколько-нибудь значимого распространения. В 2000 г., по данным RLMS-HSE, только 1,5% российских семей имели подобный договор, а в 2016 г. – 2,4%, в пересчете на граждан России – 3,7% и 5,4%, соответственно (рис. 3). Говорить о доверии или недоверии населения к дополнительному добровольному медицинскому страхованию, полагаем, не совсем корректно. Как показывает анализ, этот вопрос имеет исключительно экономическую основу. Среднедушевые доходы и среднедушевые расходы семей, заключивших договор, на 60-65% выше, чем у не заключивших этот договор. В 2016 г. среднедушевые доходы и среднедушевые расходы первых составляли 29630 руб. и 34651 руб., соответственно, против 18732 руб. и 18966 руб. у вторых.

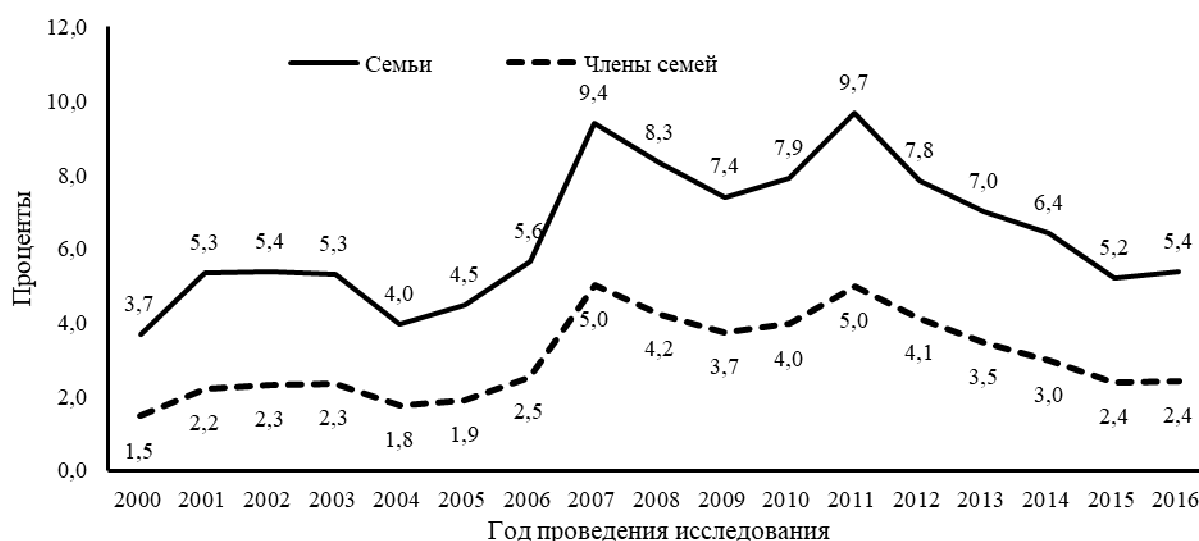

Рис. 3. Динамика изменения доли семей и доли респондентов, проживающих в этих семьях, имеющих договор на дополнительное добровольное медицинское страхование в период с 2000 по 2016 гг., в %, по данным RLMS-HSE

Субъективная оценка состояния своего здоровья одного члена семьи согласуется с субъективной оценкой здоровья других членов семьи, что дает нам основание (Альфа Кронбаха равна 0,612) вычислить средний показатель субъективной оценки здоровья семьи по трехбалльной шкале (рис. 4). В период

с 1994 по 2016 гг. субъективная интегральная оценка здоровья семьи несколько увеличилась, с 3,0 баллов до 3,2 баллов, но при этом среднее значение остается на уровне «удовлетворительно». На протяжении всех лет исследования примерно 50-60% семей оценивают ситуацию со здоровьем своих членов как удовлетворительную. Оценка ниже удовлетворительной в 1994 г. давалась, примерно, каждой десятой семьей. Эта цифра является достаточно стабильной на протяжении всех лет исследования. При этом происходит постепенное увеличение семей, где интегральная субъективная оценка здоровья семьи выше удовлетворительной оценки: в 1994 г. таких семей было 26%, а 2016 г. – 36%. На уровне индивидуальных данных выявлена зависимость между субъективной оценкой здоровья и уровнем образования. Лица с высшим образованием оценивают состояние своего здоровья выше, чем лица, имеющие более низкий образовательный статус (по данным 2016 г., Хи-квадрат = 173,0, при $p < 0,001$).

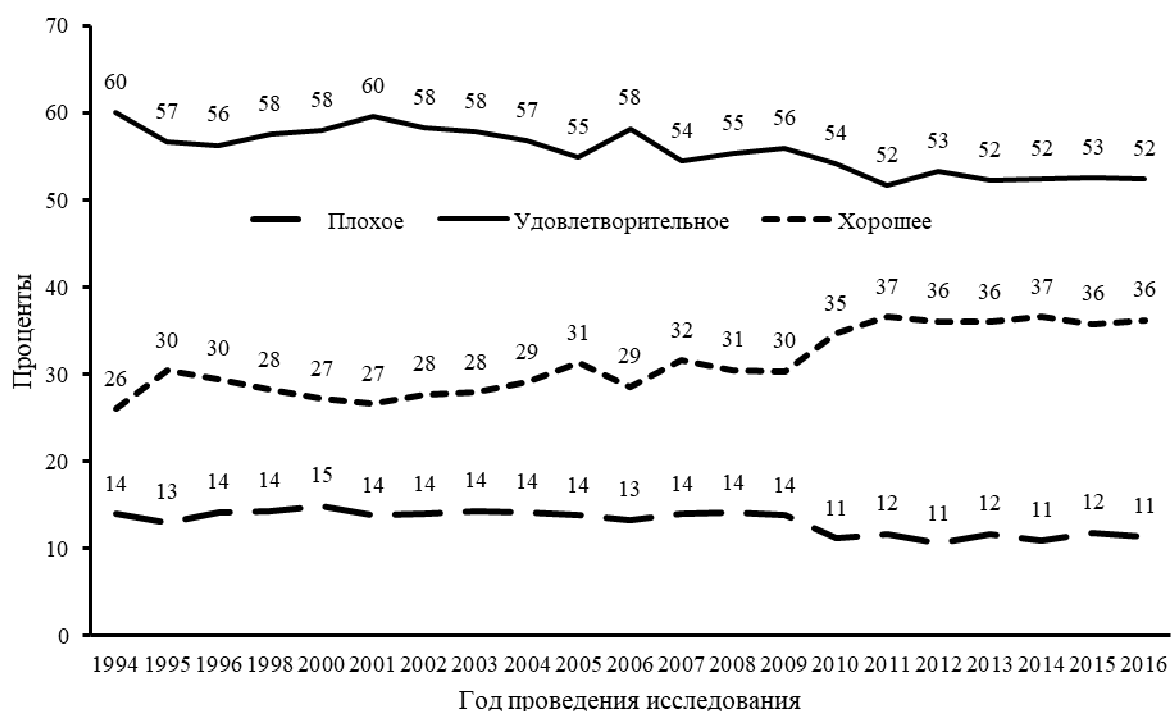

Рис. 4. Динамика изменения интегрального уровня самооценки состояния здоровья членами семей в период с 1994 по 2016 гг., в %, по данным RLMS-HSE

По данным RLMS-HSE, в 1994 г. 77,2% российских семей имели проблемы со здоровьем своих членов в течение последних 30 дней, а к 2016 г. этот показатель сократился до 67,8%. Различие показателей 1994 г. и 2016 г.

составили 10%, что указывает на статистически значимое сокращение доли семей, имеющих в течение последних 30 дней какие-либо проблемы со здоровьем членов своих семей. В период с 2011 по 2016 гг. доля семей с проблемами здоровья была достаточно стабильной 64-68%. Семьи, проживающие в областных центрах, несколько чаще сталкиваются с проблемами здоровья, чем жители села и поселков городского типа. По данным RLMS-HSE, в 2016 г. 69% семей, проживающих в больших городах, заявили об этой проблеме, тогда как в селе и в поселках городского типа таких семей было около 62%.

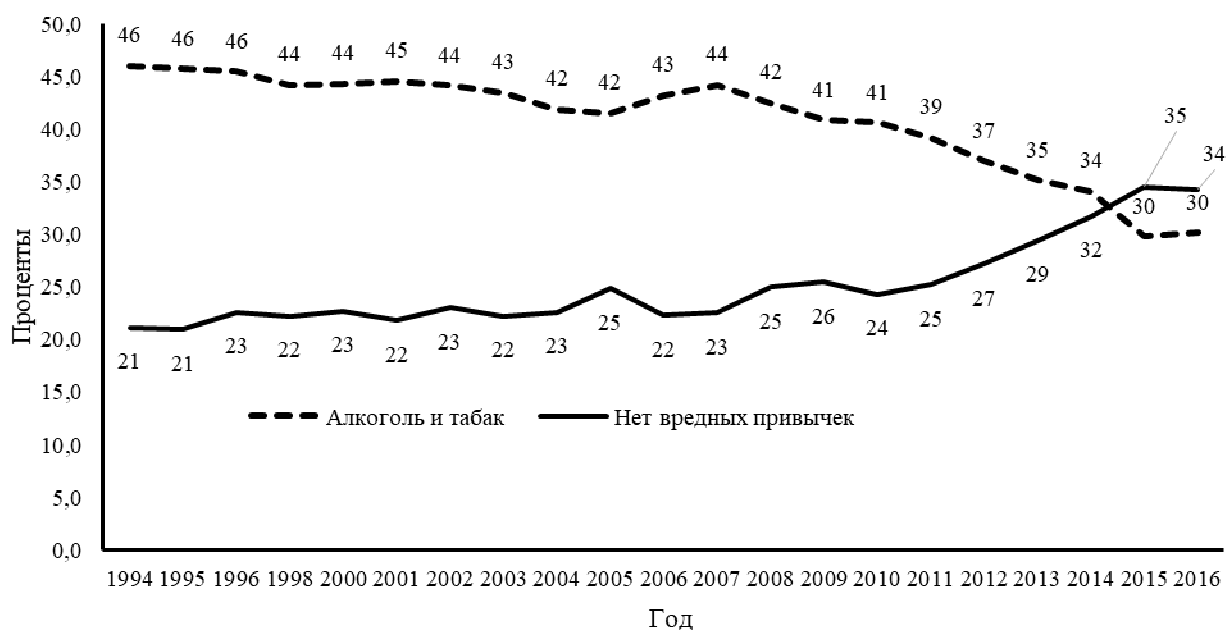

Рис. 5. Динамика изменения доли семей, имеющих в своем составе курящих и употребляющих алкоголь лиц, и семей, не имеющих членов семьи с вредными привычками, в период с 1994 по 2016 гг., в %, по данным RLMS-HSE

Алкоголь и курение отрицательно влияют на здоровье населения. Утверждение, которое не требует доказательств. Данные RLMS-HSE предоставляют возможность увидеть динамику отказа населения от этих пагубных привычек. В анализируемый период доля семей, имеющих в своем составе курильщиков и лиц, употребляющих алкоголь, снизилась с 46% в 1994 г. до 30% в 2016 г. Особенно активно это снижение фиксируется с 2007 г., с начала антитабачной кампании (появление первых западноевропейских грантов на борьбу с курением). В этот же период происходит увеличение доли семей, не имеющих в своем составе курящих и употребляющих алкоголь лиц, с

21 до 34% соответственно (рис. 5). Значимым фактором, оказывающим влияние на приверженность семьи к здоровому образу жизни, является образование, а именно наличие в семье лиц с высшим образованием. В целом по выборке около 40% семей имеют в своем составе лиц с высшим образованием, а в группе семей, ведущих здоровый образ жизни, эта доля в 2016 г. – около 75%.

Вторым значимым фактором, оказывающим влияние на приверженность семьи здоровому образу жизни, является занятие физической культурой. В 1996 г. только 32% российских семей имели в своем составе лиц, уделяющих внимание физкультуре, тогда как в 2016 г. этот показатель составил 45%. В 2016 г. среди семей, отказавшихся от курения и алкоголя, 72% занимались физическим упражнением разной степени интенсивности.

От здоровья или нездоровья супругов, их детей и других членов семьи зависит характер внутрисемейных отношений, их гармоничность и устойчивость. Эта связь не носит открытого характера (за исключением таких патологий, как психические отклонения, алкоголизм, наркомания, игромания), однако она существует [12, с. 40].

Семье необходимо уделять особое внимание здоровью, а здоровье располагать в иерархии ценностей наравне с детьми, счастьем в семье, психологическим и материальным благополучием семьи. По результатам некоторых исследований, благополучные семьи ставят здоровье на второе место после показателя «счастья в семье», неблагополучные семьи – на пятое после «интересной работы», «материальной жизни», «любви», «счастья в семье» [13, с. 48].

Представленный анализ статистических данных показывает значимость не только медицинской помощи, профилактических осмотров и процедур, но и других составляющих (образование, доход, физические упражнения, отсутствие алкогольной, табачной и других видов зависимостей) в сохранении и улучшении здоровья семьи в целом и каждого ее отдельного члена. Инвалидность одного из членов семьи, наличие хронических заболеваний, получение травм детьми и взрослыми, использование здоровьесберегающих технологий оказывают воздействие не только на здоровье семьи, но и на внутрисемейные отношения. Понимание здоровья как одной из главной ценности семьи формирует ответственное отношение к содержанию, воспитанию детей, заботе о нетрудоспособных членах семьи, сохранению гармоничных семейных взаимоотношений, способных разрешать конфликты, споры и справляться с трудными жизненными ситуациями.

Литература:

1. Послание Президента Федеральному собранию // Официальный сайт информационно-справочной службы Администрации Президента России URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения 05.07.2018).
2. Антонов А.И. Социология семьи / А.И. Антонов, В.М. Медков. – М.: Изд-во Международного университета бизнеса и управления («Братья Карич»). 1996. 304 с.
3. Голод С.И. Моногамная семья: кризис или эволюция? // Социально-политический журнал. 1995. № 9. С. 74-87.
4. Здравоохранение. Состояние беременных, рожениц, родильниц и новорожденных // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики России URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/healthcare/# (дата обращения 17.07.2018).
5. Журнал «Здоровье семьи» // Официальный сайт Медицинского лечебно-диагностического центра «Здоровье семьи» URL: <http://zdorovie7i.ru/onas/zhurnal-zdorove-semi> (дата обращения 18.07.2018).
6. Здравоохранение. Медицинская помощь женщинам и детям // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики России URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/healthcare/# (дата обращения 18.07.2018).
7. Семья, материнство и детство. Заболеваемость детей в возрасте от 0 до 14 лет по основным классам болезней в 2000-2016 гг. // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики России URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/# (дата обращения 18.07.2018).
8. Таланов С.Л. Функции современной семьи: опыт социологического анализа // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 4. Т. 1. (Гуманитарные науки). С. 151-154.
9. Смирнов Н.К. Ориентировочная оценка состояния здоровья обучающихся в школе // Практика административной работы в школе. 2006. № 1. С. 30-38.
10. Семья, материнство и детство. Охват детей профилактическими медицинскими осмотрами // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики России URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/# (дата обращения 19.07.2018).
11. Саралиева З.Х., Судьин С.А. Семьи и здоровье: научно-исследовательские контексты // Не расстанусь с молодежью, буду...: сб. науч. статей

к 80-летию проф. Ю.Р. Вишневого / под общ. ред. Ю.Р. Вишневого. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 326-330.

12. Игебаева Ф.А. Образ жизни и здоровье городской семьи // Экономика, социология и право. 2017. № 1. С. 39-41.
13. Бахадова Е.В. Здоровье в иерархии ценностей современной семьи // Новая парадигма науки и образования на пути к конвергенции знаний, технологий, общества: сб. науч. трудов по материалам I Международной научно-практической конференции. Смоленск: Издательство: ООО «НОВАЛЕНСО». 2017. С. 47-50.

G.L. Voronin
A.A. Lakomova

FAMILY AS A SOCIAL INSTITUTION OF HEALTH SAVINGS

The authors in this article consider the influence of various factors on the health of the family as a whole. These factors include preventive medical procedure, physical education, income, educational level, the presence or absence of chronic diseases, the quality of medical services, additional medical insurance, alcohol or drug dependence of family members. This analysis is based on the data of the Federal Service of State Statistics of Russia and the "Russian Monitoring of the Economic Situation and Health of the NRU-HSE" (RLMS-HSE).

The authors focus on the health status of pregnant women, parturient women, children, and the quality of medical care in this aspect. One of the main components of family health is the use of health saving technologies, as well as the consideration of health as the key component in the hierarchy of family values.

Keywords: health, family, diseases, abortion, health care, children, health saving technologies.

3.2. СЕМЬЯ С ПСИХИЧЕСКИ БОЛЬНЫМ РОДСТВЕННИКОМ В КОНТЕКСТЕ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА

С позиций системного подхода анализируются особенности трансформации семьи, обусловленные наличием в ее структуре психически больного родственника. На основании результатов исследования, проведенного Международной федерацией семей, имеющих психически больного родственника (EUFAMI), и данных авторских исследований 2012-2018 гг. показана динамика таких аспектов системы, как численность ее элементов, ее структура, функциональная трансформация частей, границ и окружения. Реакция семейной системы как актора социального действия обозначается нами как «бремя», формирующее особый тип поведения, способного компенсировать ее вынужденную дисфункциональность (совладающее поведение или копинг-стратегии).

Ключевые слова: семья с психически больным родственником, семейная система, системный подход к исследованию семьи, социально-психологическое бремя семьи, совладающее поведение.

Применение принципов системного подхода к анализу семьи открывает широкие возможности для понимания и интерпретации процессов, происходящих в рамках данного социального института. Открытость системы, с одной стороны, и ее активный характер – с другой, обуславливают внимание исследователей к сложной взаимосвязи внешних и внутренних факторов ее динамики.

Рассмотрим особенности функционирования семей, имеющих в своей структуре родственника, страдающего психическим расстройством. Интерес к данной теме обусловлен, прежде всего, экзистенциальной важностью психического здоровья для человеческого существования и, следовательно, тяжестью последствий, которые повлечет за собой психическое нарушение для индивида и семейной системы.

Психическую болезнь, диагностированную у одного или нескольких родственников, можно рассматривать как пусковой механизм, провоцирующий изменения в семейной системе. Соответственно, опираясь на основные положения теории систем, изучение семьи психически больного позволяет учитывать большое количество разнообразных факторов и показателей для наиболее полной характеристики различных аспектов жизнедеятельности семьи, в том числе процесса ее адаптации к новым условиям.

Когда мы говорим о каких-либо изменениях в системе, мы имеем в виду динамику ее компонентов, испытывающих на себе различное влияние

деструктивных факторов, определяющих конкретную картину системной дисфункции.

Чаще всего, динамика системы выражается в изменении численности элементов, входящих в ее состав. Для семейной системы как таковой это является частым явлением в силу, например, естественной смены поколений или расширения семейных границ. Психическая болезнь чаще всего не носит фатального характера для физического существования человека, если, конечно, не вспомнить о повышенном суицидальном риске или осложнениях, вызванных приемом лекарств. Психическая болезнь является тем особым случаем, когда изменение численности элементов системы носит не физический, а функциональный характер и выражается в негативных экономических эффектах, высоких затратах темпоральных, эмоционально-психологических и иных ресурсов.

Второй элемент системы, подвергающийся изменениям – это структура семьи, динамика которой прослеживается в нескольких аспектах.

- Прежде всего, изменению подвергается система взаимодействия внутри семьи. Больной родственник, требующий повышенного внимания вне зависимости от системы отношений, становится своеобразным центром семьи, элементом, конституирующим ее повседневное функционирование. Лицо, осуществляющее уход, автоматически наделяется высоким авторитетом и даже властью, может получить возможность манипулирования остальными как гарант возможности вести относительно беззаботное существование остальным домочадцам. Необходимость получения дополнительных заработков способна поставить под угрозу выполнение родительских и – шире – социализирующих функций, исказить внутрисемейные коммуникации. Здесь могут рассматриваться процессы общения, которые включают в себя любое событие, происходящее в семье (праздник, приготовление еды, совместный поход в гости и т.д.), а также стереотипы взаимодействия между членами семьи, часто повторяющиеся сообщения и взаимодействия.
- Далее, изменениям могут подвергаться внутренние правила, привычки, выполняющие роль внутренних регуляторов семейного взаимодействия. Появление психически больного родственника вводит семью в состояние, которое можно охарактеризовать как аномию, ответом на которую станет формирование какой-либо реакции, не всегда носящей конструктивный характер. Принятие своего нового

положения, адаптация к нему – это отдельная тема внутри изучения семьи с психически больным родственником, поднимающая вопросы стигматизации и самостигматизации семьи, анализа факторов формирования реакций и копинг-стратегий, особенностей взаимодействия с внешней средой.

- Важным элементом семейной структуры, подвергающимся динамике в случае появления особенного родственника, являются семейные мифы, которые представляют собой некую идеологию семьи, совокупность представлений о себе, в случае болезни родственника нуждающихся в глобальном пересмотре. Стоит отметить, что актуализация восприятия семейного мифа происходит в ситуациях, когда семья сталкивается с переменами, например, при вхождении нового человека в семью или при всеобщих потрясениях, таких как, например, война или голод, а также, если семья проявляет себя в качестве дисфункциональной [1, с. 23].

Третий элемент – это изменение функций, выполняемых элементами системы. Примером подобного рода динамики является т.н. «парентизация ребенка», т.е., возложение на него несвойственных его возрасту и статусу функций, чаще всего, связанных с уходом за больным сиблингом или родителем. Перераспределение семейных ролей в пользу больного родственника – тоже является одной из вариаций функциональной динамики семейных подсистем.

Четвертый элемент – изменение границ системы. Границы могут быть внутренними, отделяющими элементы системы друг от друга, и внешними, обособляющими семью от внешнего мира. Они оказывают влияние на обмен информацией и ресурсами между подсистемами внутри семьи, а также семьей и системой более высокого порядка. Соответственно, по критерию проницаемости они могут быть охарактеризованы как открытые или закрытые. В отношении внутренних границ эта проницаемость выражается через степень эмоциональной близости между индивидами, их вовлеченности в семейную жизнь, а по отношению к внешним границам – в активности протекающих процессов обмена информацией и ресурсами [1, с. 30-31]. Типичной проблемой, возникающей вследствие повышенной проницаемости внутренних границ, является созависимость, понимаемой как «приобретенное дисфункциональное поведение, возникающее из-за незавершенности решения одной или более задач развития личности в раннем детстве» [2, с. 5]. Несмотря на обоснованную критику, которой неоднократно подвергалась данная концепция, она поднимает

важный вопрос сохранения личного эмоционального и темпорального пространства здоровых родственников как условия сохранения их эффективности внутри семьи и за ее пределами.

Наконец, пятый элемент системы, динамика которого способна повлиять на ее состояние – это внешнее окружение системы. Вне зависимости от того, идет речь о непосредственном или отдаленном окружении, важность этого аспекта трудно переоценить. Любая система и, прежде всего, семейная, обладает потребностью в оценке своего функционирования окружением. Наличие таких категорий, как «успешная семья», «успешное родительство» доказывает существование определенных критериев подобной успешности и активизирует стремление любой семьи им соответствовать. Стигматизация – наиболее известный пример патологических процессов взаимодействия семьи и социального окружения, значительно усиливающий внутренние переживания семьи, связанные с необходимостью ухода за больным родственником. Нами отмечено, что психическая инвалидность стигматизируется социальным окружением значительно чаще, чем соматическая, распространяется на всю семью, а не только на больного, обладает большей устойчивостью и связана с глубоко укорененными в сознании обыденными представлениями о душевных расстройствах и их носителях.

Особенностью семейной системы является ее способность к формированию реакции на свое состояние, на восприятие себя внешней средой, на оценку своего адаптивного потенциала и стремление к функциональности. Совокупность социально-психологических реакций на необходимость ухода за больным мы обозначаем термином «бремя», в котором выделяются субъективные (как правило, внутренние переживания инвалидности близкого родственника) и объективные составляющие, такие, как факторы внешней среды, диагноз, состояние системы социально-психиатрического обслуживания.

Для иллюстрации теоретических конструктов мы воспользуемся результатами исследования «Жизнь семей с душевнобольными родственниками», проведенного в 2014 г. Международной некоммерческой организацией «Европейская федерация семей психически больных» (The European Federation of Families of People with Mental Illness (EUFAMI)) совместно с университетским консультативно-исследовательским центром поддержки семей душевнобольных LUCAS (Лювен, Бельгия; LUCAS KU LEUVEN) [3].

Исследованием были охвачено 1111 человек из 22 стран мира, в том числе, из России. Сбор данных осуществлялся с помощью специально разработанной анкеты, состоящей из нескольких блоков.

Бремя ухода было исследовано во взаимосвязи с пятью выделенными областями жизнедеятельности: эмоциональной, физической, связанной с состоянием здоровья «опекающего», финансовой, социальной (бремя отношений). Отдельно была выделена область стигматизации и самостигматизации.

Оценивая различные элементы бремени, исследователи выделили основные проблемы в различных сферах, которые оказывают наиболее сильное воздействие на субъективное ощущение бремени:

- в контексте эмоционального бремени – это невозможность справиться с постоянным ощущением тревоги (отметили 38%); плохой сон в результате постоянного беспокойства и стресса (отметили 33%);
- в контексте физического бремени – ухудшение здоровья «опекающего», что респонденты связывали с возникшими обязанностями по уходу (33%); беспокойство о своем собственном здоровье (37%);
- в контексте финансового бремени – респонденты беспокоились о финансовом благополучии их подопечного (49%);
- в области бремени отношений – страх «опекающих», что в будущем больной станет еще более зависим от них (55%); 45% опрошенных беспокоит зависимость больного от них в настоящее время; 41% «опекающих» отметил увеличение напряжения в отношениях с больным; 35% респондентов отметили, что они достигли предела своих возможностей и не могут продолжать жить так, как они живут сейчас; 33% опрошенных отметили, что их раздражает больной; 40% – огорчены тем, как ведет себя больной и что им говорит.

При этом 49% опрошенных испытывают трудности более чем в одной области жизнедеятельности (кумулятивное бремя).

Данные, полученные в ходе исследования, дают возможность сделать вывод, что наиболее часто проблемы ухода за больным связаны с обязанностями опекающего в настоящее время и в будущем, а также со сферой эмоционального бремени и стратегий совладания.

Говоря о стигме, данные исследования показывают, что среди опрошенных только 15% отметили серьезные изменения во взаимоотношениях с окружением

после того, как его представителям стало известно о болезни подопечного. 69% отметили, что таких изменений не было или они были незначительны.

Обращая внимание на самостигматизацию лиц, осуществляющих уход за психически больным, отметим, что необходимость ухода и взаимодействия с персоналом психиатрических служб у 18% опрошенных вызвали сомнения в себе; 16% – почувствовали себя более беспомощными, чем прежде; столько же опрошенных периодически стали испытывать чувство стыда за это; 15% респондентов почувствовали себя бесполезными; 13% – неполноценными.

Среди факторов риска, которые увеличивают ощущение стигматизации и самостигматизации, а также субъективную оценку бремени ухода во всех областях жизнедеятельности, исследователями были выделены:

- 1) Возраст: опрошенные до 65 лет острее воспринимают возникающие проблемы.
- 2) Наличие трудностей с преодолением, «проживанием» сложных жизненных ситуаций.
- 3) Гендер: женщины испытывают бремя более интенсивно.
- 4) Количество времени, которое уделяется заботе о больном: чем больше времени «опекающий» проводит, ухаживая за больным, тем сильнее он ощущает бремя ухода.
- 5) Статус единственного «опекающего» или если по каким-то причинам лицо не может разделить бремя ухода с другими родственниками или друзьями, также увеличивает субъективную оценку бремени.

Такие же связи были выявлены в результате исследования группы сингапурских ученых под руководством Шарон Чай Хуанг Тан из Института психического здоровья, проведенном на базе трех амбулаторных отделений психиатрической больницы, выборку которого составили 150 человек, осуществляющих уход за психически больным с диагнозом шизофрения. Исследователи указывают на взаимосвязь между уровнем дохода семьи и субъективной оценкой бремени: чем доход выше, тем интенсивность бремени ниже. Этот факт связывается с возможностью более обеспеченных семей привлекать больше ресурсов помощи медицинского персонала и сообщества [4].

Помимо выявления различных социально-демографических характеристик, влияющих на восприятие бремени ухода, важным также становится определение того, как состояние самого больного сказывается на жизнедеятельности семьи.

*Особенности протекания заболевания как фактор,
влияющий на восприятие болезни близкого родственника*

В целом, как уже упоминалось выше, переживание семьей кризиса, изменение параметров семейной системы и ее адаптация к новым условиям зависят от восприятия членами семьи сложившейся ситуации. Когда речь заходит о семье психически больного, помимо вышеперечисленных факторов, необходимо учитывать характер болезни, так как особенности ее протекания влияют на восприятие родственниками болезни, а, соответственно, на те усилия, которые они прилагают, чтобы совладать с ситуацией.

В исследовании Н.М. Ривкиной (n=83), проведенном методом глубинного интервью, одной из задач которого было выявление основных типов восприятия и реагирования родственников психически больных на первый эпизод заболевания, выделены три основные стратегии поведения (в зависимости от темпа дебюта заболевания и длительности продромального периода):

— При остром развитии заболевания и кратковременном продромальном периоде у родственников пациентов (41 человек) наблюдались подавленность, растерянность, страх, трудности концентрации внимания, ощущение «нереальности происходящего», нарушения сна, затруднения в выполнении привычных дел. 29% родственников обращались за специализированной помощью, в том числе медикаментозной, объясняя это невозможностью самостоятельно справиться с переживаниями. Положение усугублялось чувством тревоги, навязчивыми мыслями о болезни и связанными с нею потерями. В 41,5% случаев родственники считали, что заболевание является необратимым, ведет к крушению надежд, утрате возможностей пациента. В 58,5% случаях родственники считали себя виновными в развитии болезни (основными причинами назывались неправильное воспитание и внутрисемейные конфликты).

31,7% опрошенных родственников отметили, что появление болезни у близкого человека привело к внутрисемейным разногласиям, в качестве основной причины которых называлась недостаточность взаимной поддержки, связанная с непониманием того, какого рода поддержка требуется в данный момент. 27% опрошенных указывали, что болезнь близкого сплотила семью, дала возможность понять ее ценность.

При быстрой редукции симптомов заболевания родственники были склонны минимизировать тяжесть состояния пациента, 67% респондентов приписывали те или изменения в состоянии больного переутомлениям, нервным перенапряжениям. Кроме того, родственники были склонны

отказываться от лечения, не содействовали приему лекарств пациентом и откладывали последующее обращение к врачу при повторном ухудшении состояния больного.

В случае, когда болезнь принимала затяжной характер, у родных больного возрастало чувство тревоги, они теряли веру в возможность вернуться к его доболезненному состоянию. Кроме того, родственники были склонны к инвалидизации пациента, гиперболизации его состояния, что выливалось в увеличение уровня вовлеченности родных в жизнь пациента и в гиперопеку (72% наблюдений), которая выражалась как в ограждении больного от ранее привычных обязанностей, так и в усилении надзора за соблюдением комплаенса.¹ При этом взаимодействие с врачом в 19% случаев было затруднено, так как родственники преувеличивали степень выраженности побочных эффектов от лекарств, недооценивали эффективность проводимых лечебных мероприятий и положительную динамику в состоянии пациента.

— При подостром развитии и длительном продромальном периоде родственники (32 человека) пытались дать различные рациональные объяснения изменениям в поведении близкого, откладывая посещение врача. Также родственники старались взять под контроль необычное поведение близкого. Провал подобных попыток выливался в фрустрацию, ощущение беспомощности, в чрезмерную критику больного и других членов семьи (68,8% случаев). Изменения в эмоциональной сфере пациента воспринимались как равнодушие, эгоизм. Это вызывало недовольство членов семьи (43,8% случаев), что усугубляло напряженность внутрисемейных отношений и взаимную отстраненность.

— При длительном развитии заболевания с детства для родственников (10 человек), прежде всего, матерей, было характерно формирование симбиотических отношений с больным, гиперопекающее поведение (80% случаев) и повышенный уровень вовлеченности в жизнь пациента. 83% матерей отмечали, что их жизнь полностью посвящена заботе о ребенке, по этой причине в 66,7% случаев респонденты не работали и не имели собственного круга общения в течение длительного времени, а также 33% матерей пациентов были инициаторами развода, объясняя это тем, что их супруг не понимал их установки на всеобъемлющую заботу о ребенке [5, с. 42-45].

В целом, мы видим, что принятие ситуации может происходить по разным сценариям. Семьей может отрицаться наличие проблем, кроме того,

¹ Комплаенс в медицине – добровольное следование пациента предписанному ему режиму лечения.

даже на фоне признания проблем, но отрицания их серьезности, в семье могут складываться ритуалистические практики общения с больным, выраженные, например, в игнорировании режима приема лекарств, рекомендаций и предписаний персонала больницы, развития и нарастания симптомов у больного. Это может быть стратегия поиска инноваций, которая реализуется, например, через поиск иных традиционных и нетрадиционных способов лечения, обращения к разным врачам и представителям немедицинских профессий. Непринятие ситуации болезни может выражаться через стратегию бунта, агрессия в рамках которой может быть направлена и на членов семьи, и на больного, и на медицинский персонал. Скорее, данная стратегия выражает поиск «виновных» и попытку вернуть контроль над ситуацией. Данные модели перцепции болезни являются деструктивными, так как затрудняют процесс реабилитации больного и вызывают дистресс у других членов семьи, поэтому наиболее конструктивной в данном случае стратегией является конформизм, или пассивное принятие ситуации. При этом стоит заметить, что данные стратегии тесно связаны и в чистом виде сами по себе не проявляются [6, с. 391].

Зависимость реагирования семейной системы от проявлений болезни была выявлена и в исследовании группы ученых Университета Крита под руководством Катерины Кутра [7]. Данное исследование (n=100) было посвящено установлению взаимосвязи между тяжестью симптомов больного, а также его психосоциальным функционированием с проявлением дисфункции семейной системы в виде нарушения внутрисемейной сплоченности и гибкости системы, а также с испытываемыми членами семьи эмоциональными нагрузками и бременем ухода. Результаты исследования показали, что на эмоциональное реагирование членов семьи, а также на сплоченность и гибкость семейной системы большее влияние оказывает тяжесть симптомов, проявляющихся у близкого, чем функциональный статус пациента. На ощущении бремени ухода эти параметры сказываются практически одинаково. Кроме того, при возрастании тяжести болезненных проявлений сбалансированность системы все больше нарушается, вследствие чего она все больше приобретает дисфункциональные черты, а родственники проявляют все большую вовлеченность в дела больного [7, с. 717-719].

Итак, особенности восприятия ситуации формируют представления о тяжести положения, в котором оказалась семья и, соответственно, стимулируют ее к адаптации к ситуации через совладающее поведение, выбор стратегии которого тоже определяется особенностями восприятия болезни близкого.

*Совладающее поведение
как адаптационный механизм семейной системы*

Под совладающим поведением принято понимать «целенаправленное социальное поведение, позволяющее субъекту справиться со стрессом или трудной жизненной ситуацией способами, адекватными личностным особенностям и ситуации, через осознанные стратегии действий» [8, с. 40]. Оно проявляется на различных уровнях семейной системы: индивидуальном, микроуровне (внутрисемейном) и макроуровне (общесемейном). Соответственно, индивидуальный копинг – это реакция одного из членов семьи на проблему для обеспечения роста и развития индивида. Но в ситуации, когда один человек справиться с проблемой не в состоянии или когда проблема затрагивает в полной мере всех членов семьи, речь идет уже о диадическом (партнерском) и/или семейном копинге. Задача диадического копинга – это «поддержание семейной организации и единства семьи, а семейный копинг предполагает контроль внешних и внутренних требований, превышающих уровень доступных семейных ресурсов» [9, с. 139-140].

В настоящее время копинг-поведение семей психически больных является малоизученным проблемным полем. Основное внимание исследователей в данной области привлекают темы, связанные с описанием особенностей совладающего поведения родителей детей-инвалидов, в том числе имеющих психиатрический диагноз [10; 11; 12; 13; 14]. Тем не менее, исследователями, вовлеченными в сферу психического здоровья, предпринимаются попытки выявления и изучения моделей совладающего поведения родственников психически больных с целью выработки технологий оказания помощи таким семьям.

Исследование группы сингапурских ученых под руководством Шарон Чай Хуанг Тан из Института психического здоровья позволило выявить способы и приемы, которые используются семьями психически больных для совладания с ситуацией (копинг-стратегии) [4, с. 2415]:

— Стратегия поиска поддержки близкого окружения была выявлена у 24,7% опрошенных (среднее значение – 32,54, стандартное отклонение – 8,18). Она реализуется через:

- 1) привлечение родственников и разделение с ними трудностей и обязанностей по уходу (sharing difficulties and doing things with relatives);
- 2) обращение за советом к родственникам (seeking advice from relatives);
- 3) получение помощи от других членов семьи в разрешении проблем (having the support of their family to solve problems);

- 4) разговоры с родственниками о том, как они относятся к существующим проблемам (asking relatives how they feel about the problems);
- 5) поиск помощи и поддержки у друзей (asking favours and seeking encouragement from friends);
- 6) попытки поделиться своими переживаниями с друзьями (sharing concerns with friends);
- 7) попытки поделиться проблемами и получить помощь со стороны соседей (sharing problems with neighbours and seeking help from them).

Фактором, оказывающим наибольшее влияние на выбор данной стратегии совладающего поведения, является уровень образования. К сожалению, авторами не было указано, как именно уровень образования влияет на выбор данной стратегии.

— Отдельно выделилась стратегия поиска духовной поддержки. Она была выявлена у 34,7% респондентов (среднее значение – 13,87, стандартное отклонение – 4,26). Данная стратегия включает в себя:

- 1) Посещение религиозных служб (attending religious services);
- 2) Участие в различных религиозных мероприятиях (participating in various spiritual activities);
- 3) Обращение за советом к священнослужителям (seeking advice from religious ministers);
- 4) Веру в Бога (having faith in God).

Основным фактором, определяющим применение данной стратегии, являлась религиозная принадлежность опрошенных (или отсутствие таковой). Так, по данным исследования, верующие (мусульмане, индуисты, христиане, буддисты) были более активны в поиске духовной поддержки, чем атеисты. Кроме того, влияние на выбор стратегии поиска духовной поддержки оказывало наличие возможности у осуществляющих уход за больным получить данный вид поддержки.

— 34,7% испытуемых (среднее значение – 10,54, стандартное отклонение – 2,90) обращались за помощью в сообщество:

- 1) в поисках информации среди родственников других больных (seeking information from others);
- 2) участие в специальных программах для родственников психически больных, реализуемых в сообществе, с целью найти помощь и поддержку (seeking assistance from community programs);

- 3) обращаясь к семейному врачу за помощью (seeking help from the family doctor);
- 4) обращаясь к специалистам за консультацией (seeking professional counselling).

Выбор данной стратегии коррелирует с типом жилья респондента: лица, осуществляющие уход и проживающие в многоквартирном жилом помещении, получали больше помощи и поддержки, чем те, кто проживал в однокомнатном жилом помещении. Этот факт связывается с более высоким уровнем обеспеченности ресурсами, прежде всего, экономическим первых в сравнении со вторыми [4].

— Некоторые респонденты (24,7%; среднее значение – 28,82, стандартное отклонение – 5,63) активно использовали стратегию переоценки ситуации (восприятия ситуации как личного дела семьи), которая заключалась в:

- 1) стремлении встречать проблемы лицом к лицу, при этом стараясь продемонстрировать свою силу и стойкость (facing the problems 'head on' while trying to show they);
- 2) восприятию проблем как неприятного факта своей биографии (accepting stressful events as an unpleasant fact);
- 3) признании возникающих неприятностей нечаянными, неожиданными (accepting that difficulties could occur unexpectedly).

Основное влияние на выбор данной копинг-стратегии, по данным исследования, оказывает уровень доверия (confidence level). При этом исследователи отмечают, что поиск помощи среди друзей и родственников является более популярной стратегией совладания, чем обращение за помощью к специалистам.

— 26% испытуемых (среднее значение – 11,2, стандартное отклонение – 3,0) в качестве копинга выбирали стратегию пассивной оценки (или принятие проблемы), которая выражалась в:

- 1) стремлении уменьшить напряжение с помощью просмотра телевизионных программ (relaxation by watching television programmes);
- 2) вере, что все обойдется, им повезет, и все разрешится само собой (thinking that luck would resolve their problem);
- 3) вере, что нужно просто больше времени, и проблема исчезнет сама (believing that if they wait long enough the problem would be resolved);
- 4) убеждении, что сколько бы они ни подготавливались, им все равно будет тяжело справиться с проблемами (thinking that no matter what they prepare, they would have difficulty handling the problem).

Было установлено, что факторами, влияющими на выбор данной модели совладающего поведения, являются гендерная принадлежность опекающего: женщины более позитивно оценивали сложившееся положение, чем мужчины, соответственно, женщины чаще прибегали к использованию данной стратегии; уровень образования: опекающие со средним образованием оценивали свое положение более позитивно, чем лица с высшим образованием.

Данное исследование отражает высокую роль стратегии социальной поддержки в различных ее проявлениях как модели совладания родственников психически больных, что указывает на высокую роль и отражает остроту нуждаемости в такой поддержке. Оно также дает представление не только о стратегиях, которые пользуются популярностью, но и о факторах формирования данных стратегий.

Оценка остроты потребности в расширении границ семейной системы, выражаемой в привлечении недостающих ресурсов извне в виде формальной и неформальной поддержки, также была отмечена в исследовании EUFAMI «Жизнь семей с душевнобольными родственниками» [3]: несмотря на то, что все опрошенные получали поддержку из различных источников (специалистов медицинских учреждений, общественных организаций, коллег, родственников и т.д.), 93% опрошенных признали, что они хотели бы получать дополнительную помощь и поддержку, из них 46% заявляли о необходимости в больших объемах такой поддержки. В качестве актуальных мер поддержки респонденты отмечали, что им хотелось бы больше общаться, получать информацию и знакомиться с опытом профессиональных сиделок (professional carers) (93%) и других людей, столкнувшихся с теми же проблемами, что и опрошенные (90%). Респонденты указали и на то, что хотели бы получать от общественных организаций больше информации (88%), эмоциональной поддержки (83%), а также иметь возможность обратиться за помощью по временному присмотру за больным (78%). 62% опрошенных указали на необходимость в финансовой поддержке [3].

Ресурсность семей психически больных

В целом под ресурсностью семьи принято понимать совокупность всех потенциалов, призванных удовлетворять потребности семьи [15, с. 195], а под самими потенциалами, т.е., ресурсами, понимается вся совокупность как реально используемых, так и существующих гипотетически инструментов, направленных на поддержание стабильности семьи и развитие ее потенциала [16, с. 34].

Соответственно, под слабонересурсными семьями мы будем понимать такие семьи, чей набор доступных ресурсов недостаточен для самостоятельного

преодоления трудных жизненных ситуаций и удовлетворения потребностей семьи. При этом стоит отметить, что слаборесурсность не всегда является изначальной данностью, в зависимости от различных ситуаций такое состояние семейной системы может быть приобретенным, особенно вследствие невозможности семьи контролировать ситуацию и самостоятельно справляться с неблагоприятными событиями [15, с. 194]. Такое утверждение может быть характерно и для семей с психически больным, ведь им порой свойственно закрывать свои границы от внешнего мира, ограничивая свой ресурсный потенциал возможностями отдельно взятой семьи, однако ресурсы имеют свойство истощаться, а изолированность от общества таких семей нарушает ресурсный обмен с внешней средой. В результате со временем семья теряет возможность совладать с ситуацией. Поэтому семью с психически больным следует рассматривать как семью из «группы риска» стать слаборесурсной (если она не являлась таковой изначально) и организовывать комплексную поддержку и сопровождение такой семьи.

Развернутая и многоаспектная классификация ресурсов семьи выглядит следующим образом [16, с. 34]:

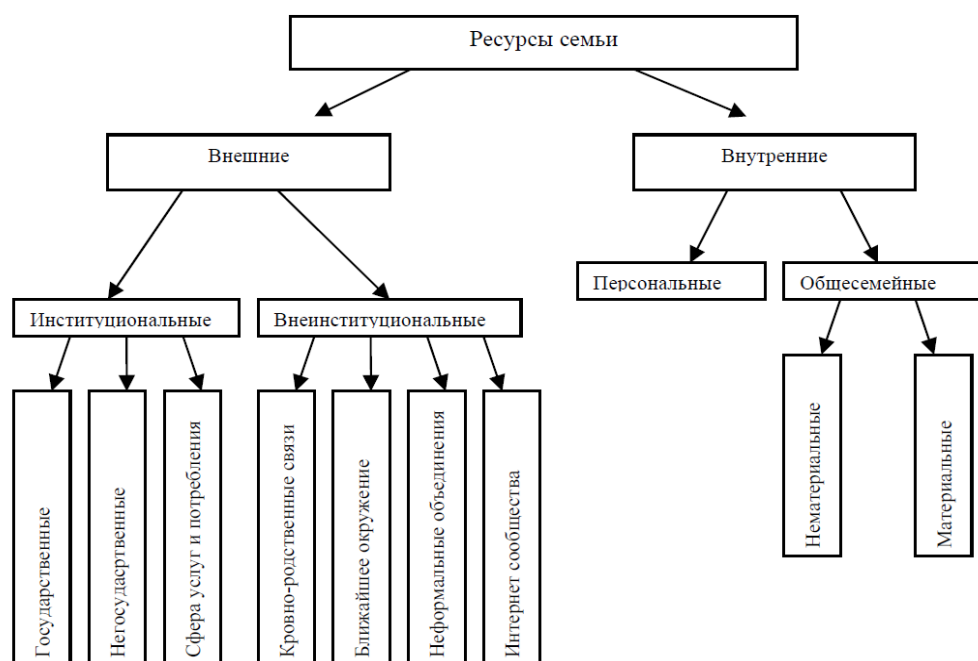

Рис. 1. Классификация ресурсов семьи

Внутренние ресурсы представляют собой те возможности, которыми обладают сами члены семьи (образование, трудовой и профессиональный потенциал каждого из них, их личностные качества, состояние здоровья, психические ресурсы: эмоциональные, ресурсы адаптации и социализации) и

общесемейные ресурсы, которые могут быть материальными (собственность, доходы) и нематериальными (установки, традиции, ценности, процессы внутрисемейной коммуникации, правила и нормы поведения, навыки решения проблем, семейные связи и т.д.), то есть, в данной подгруппе, в том числе, заложены ресурсы-источники формирования благоприятного/неблагоприятного семейного микроклимата и снижения/повышения конфликтности внутрисемейных отношений, а, следовательно, повышения/снижения бремени. Мы уже говорили о том, как ресурсы данной группы влияют, например, на восприятие бремени ухода и, соответственно, на процесс совладания с ситуацией психической болезни.

В категорию «внешние» попадает более широкий круг ресурсов. Во-первых, это институциональные ресурсы, предоставляемые государственным, коммерческим и некоммерческим сектором. Важно обратить внимание, что ресурсы государственного сектора представлены не только учреждениями, в нашем случае, психиатрического профиля, но и самой политикой государства в сферах охраны психического здоровья граждан и оказания психиатрической помощи населению, определяющей качественно-количественный состав учреждений психиатрической сферы, цели, задачи, приоритеты и направления их деятельности, а также законодательным полем федерального и регионального уровня, определяющим правовой статус семьи с психически больным и проблематизирующим ее положение.

Однако система государственных учреждений психиатрической сферы не способна в одиночку охватить своими услугами довольно обширное число семей, нуждающихся в помощи, и стать ресурсом для удовлетворения их многообразных потребностей, возникших как реакция на болезнь близкого. В такой ситуации очень мощным и востребованным становится ресурс коммерческих и некоммерческих организаций, ориентированных на оказание помощи психически больным и их семьям не только в части заполнения «белых пятен» государственной системы учреждений, но и в отношении развития собственных уникальных практик и услуг, имеющих спрос у семей. При высоком уровне развития такой многосубъектной системы поддержки семей, налаженном межведомственном взаимодействии учреждений и наличии развернутых интегрированных программ поддержки семей, по результатам исследований, родственники психически больных отмечают повышение чувств защищенности, безопасности, уверенности, удовлетворенности жизнью, снижение ощущения бремени ухода [17, с. 7].

Внешние ресурсы также включают в себя и кровно-родственные связи, которые чаще всего выступают как источник экономической, материально-

бытовой поддержки, и поддержку ближайшего окружения, чаще всего становящуюся источником организации досуга, коммуникации, достижения совместных бытовых, педагогических, психологических, социокультурных и рекреационных целей. Однако данные ресурсы могут быть ограничены в виду изолированности семей психически больных. Кроме того, сюда могут быть отнесены различные неформальные клубные сообщества, формируемые инициативной группой родственников из членов ближайшего окружения, имеющих общие интересы и схожие проблемы, которые могут выступать как клубы взаимопомощи и поддержки, и как объединения по интересам [16, с. 37-38], а также Интернет-сообщества.

Еще одна классификация ресурсов делит их следующим образом [15, с. 196]: ресурс родственных связей и поддержки (родители, родственники); ресурсы чувств (любовь, доверие, уважение, взаимопонимание, эмпатия); ресурс психологического равновесия (принятие и амортизация перемен и утрат в семье, освоение новых семейных ролей, толерантность); физические ресурсы, здоровье; статусный ресурс (сохранение, вертикальная мобильность); человеческие ресурсы (количество членов семьи, личностный потенциал членов семьи); адаптационный ресурс (освоение новых внесемейных ролей, перемен во внесемейном пространстве); коммуникативно-информационные ресурсы (образование, профессия, коммуникабельность, источники информации, среда общения); финансовые, материальные ресурсы (жилье, доход, собственность, сбережения); интеллектуальный ресурс членов семьи; креативный ресурс семьи в целом и ее членов; ресурс социальных связей (коллеги, друзья, группы самопомощи, соседи, социальные институты).

Следует подчеркнуть, что ресурсы семейной системы взаимозависимы, перекося в сторону одного какого-нибудь ресурса или дефицит одного и более ресурсов подрывает весь ресурсный потенциал семьи в целом [15, с. 195].

Тем не менее, современный уровень развития ресурсного подхода не дает устойчивой базы для описания особенностей ресурсного потенциала семей с психически больным, факторов его формирования и влияния на функционирование семейной системы. Однако анализ условий жизнедеятельности семьи, характера проблем, с которыми она сталкивается в повседневной жизни, особенностей восприятия этих проблем и совладания с ними, выявление насущных потребностей семьи с психически больным позволяет говорить о том, что востребованными и даже необходимыми для семей становятся внешние ресурсы в виду того, что собственных ресурсов для преодоления кризиса становится недостаточно.

Семьи, имеющие в своем составе психически больного родственника, являются мультипроблемными клиентами, так как они сталкиваются с возникновением целого комплекса проблем, затрагивающих различные сферы их жизнедеятельности и требующих от них более высокого уровня развития ресурсного потенциала, чтобы совладать с этими проблемами. При этом выбор неадекватных копингов родственниками психически больных способен увеличить интенсивность субъективного восприятия бремени ухода, что вызывает еще больший дистресс. Кроме того, факторами риска, увеличивающими субъективное восприятие бремени, являются: возраст «опекающих», пол, уровень дохода, отсутствие возможности разделить обязательства по уходу за больным, количество времени, уделяемое заботе о больном, особенности течения заболевания близкого.

Стремясь взять контроль над ситуацией, родственники прибегают к различным стратегиям совладания, основными из которых являются стратегии поиска поддержки близкого окружения, духовной поддержки, обращения за помощью в сообщество, переоценки ситуации, пассивного принятия, при этом наиболее востребованными становятся именно стратегии поиска поддержки извне. Необходимость в такой поддержке определяется потребностями в ресурсах, которыми сама семейная система не обладает в достаточном количестве, в основном, это информация о болезни и особенностях ухода за больным, эмоциональная поддержка, возможность получить передышку, а также потребность в дополнительных финансовых ресурсах. Следовательно, возрастает значение внешних ресурсов, привлекаемых семейной системой для поиска новой точки равновесия. Во многом такое положение определяется тем, что стигматизация и самостигматизация больных и их семей провоцирует их изоляцию от остального окружающего мира, но болезнь активно их вовлекает в мир психиатрии, формируя новое окружение, интересы, цели, потребности, при том, что сама семья не обладает достаточными внутренними ресурсами, чтобы успешно самостоятельно справиться с незнакомой для нее ситуацией.

Литература

1. Варга А.Я. Введение в системную семейную психотерапию. М.: Когито-центр, 2009. 184 с.
2. Уайнхолд Б., Уайнхолд Дж. Освобождение от созависимости. М.: Класс, 2006. 224 с.

3. Страница онлайн-исследования EUFAMI. The European Federation of Families of People with Mental Illness: Experiences of family caregivers for persons with severe mental illness: an international exploration [online]. Доступ через <<http://nvm.org.ru/wp-content/uploads/0/C4C.htm>> (дата обращения 25.03.2018).
4. Tan, Sharon C.H. Burden and coping strategies experienced by caregivers of persons with schizophrenia in the community / C.H. Sharon. и др. // Journal of clinical nursing. 2012. Т. 21. № 17-18. С. 2410-2418.
5. Ривкина Н.М. Групповая психосоциальная работа с семьями в системе комплексной помощи пациентам с первым психотическим эпизодом // Социальная и клиническая психиатрия. 2010. Т. 20. № 3. С. 42-49.
6. Судьин С.А. Психическая болезнь и семья: субъективные и объективные проблемы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. Вып. 2(1). Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2012. С. 390-395.
7. Koutra K. Family Functioning in First-Episode and Chronic Psychosis: The Role of Patient's Symptom Severity and Psychosocial Functioning / Katerina Koutra и др. // Community Mental Health Journal. 2016. Т. 52. № 6. С. 710-723.
8. Крюкова Т.Л. Обучение студентов психологической помощи людям в выборе стратегий совладающего поведения // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. Т.13. Кострома: Изд-во КГУ, 2007. С. 40-43.
9. Куфтяк Е.В. Развитие психологии семейного совладания // Вестник КГУ им. Н.А.Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. Т. 19. Кострома: Изд-во КГУ, 2013. С. 139-144.
10. Хазова С.А. Динамика совладающего поведения родителей, воспитывающих ребенка с ограниченными возможностями здоровья / С.А. Хазова, М.В. Ряжева // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2012. Т.18. № 3. С. 203-209.
11. Александрова О.В. Совладающее поведение в связи с оценкой ситуации и эмоциональным состоянием родственников тяжело болеющих детей // Проблемы современного педагогического образования. 2016. № 52(7). С. 521-532.
12. Малгина А.А. Совладающее поведение родителей детей с интеллектуальной недостаточностью / А.А. Малгина, Е.А. Шмелева // Психология стресса и совладающего поведения: ресурсы, здоровье, развитие: материалы IV Междунар. науч. конф. в 2-х т. Том 2 / Отв. ред. Т.Л. Крюкова. Кострома: Изд-во КГУ им. Н.А. Некрасова, 2016. С. 71-73.
13. Нестерова А.А. Жизнеспособность и стратегии совладания матерей, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра /

- А.А. Нестерова, Н.А. Ковалевская // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. №3. М.: Изд-во МГОУ, 2015. С. 38-46.
14. Гостунская Я.И. Особенности копинг-стратегий в семьях, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья // Развитие системы педагогического образования в современной России: антропологический аспект: материалы XI Международной научно-практической конференции / Под ред. Л.Л. Редько. Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2015. С. 295-299.
 15. Саралиева З.Х. Социально-психологическая субъектность и компетентность семьи // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. Вып. 1(2). Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2002. С. 195-200.
 16. Воронина Т.Д. Неформальные и институциональные ресурсы современной семьи в условиях формирования фамилистической среды в регионе: возможности использования качественных методов исследования / Т.Д. Воронина, Ю.А. Пучкина, Е.А. Аверина // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 1(13). Томск: Изд-во ТГУ, 2011. С. 32-43.
 17. Valentini J. Integrated care in German mental health services as benefit for relatives – a qualitative study / J. Valentini и др. // BMC Psychiatry. 2016. T. 16. P. 7.

S.A. Sudjin

**FAMILY WITH MENTALLY ILL
IN THE SYSTEM APPROACH CONTEXT**

From the system approach's point of view is analyzed the family transformation caused by mentally sick relative existence in its structure. On the basis of the research results conducted by the European Federation of Families of People with Mental Illness (EUFAMI) and author's researches data obtained in 2012-2018 the dynamics of such system's aspects as: elements number, its structure, functional transformation of parts, borders and its environment is shown. Reaction of family system as actor of social action is designated as the "burden" which forces to shape special type of the behavior capable to compensate its compelled disfunctionality (coping-strategy).

Keywords: family with mentally ill, family system, system approach in family surveys, socio-psychological family burden, coping-strategy.

3.3. ФИЗИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ РЕБЕНКА-ИНВАЛИДА КАК РЕСУРС УЛУЧШЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ ЕГО СЕМЬИ

Дается теоретическое обоснование необходимости создания интегративной модели физической активности ребенка-инвалида как ресурса улучшения социального самочувствия его семьи на основе инструментов доступности, безопасности, массовости с позиции социально-экологической модели У. Бронфенбреннера. Рассматриваются формы и средства вовлечения детей с инвалидностью в регулярную физическую активность на основе взаимодействия микросистемы семьи с экосистемой физкультурно-оздоровительных, образовательных и рекреационных учреждений. Дается характеристика современных проблем, с которыми сталкивается российская семья при решении задачи расширения диапазона физической активности своего ребенка. Определены ресурсы семьи для стимуляции физического развития ребенка-инвалида, освоения им новых двигательных умений и навыков. Отмечено положительное отношение родителей к регулярным совместным тренировкам и готовность семьи планировать самостоятельные долгосрочные стратегии поддержания физической активности ребенка и нести ответственность за их реализацию.

Ключевые слова: социальное самочувствие семьи с ребенком-инвалидом, физическая активность, интегративная модель, социально-экологическая модель семьи.

С 2000-х гг. усиливается интерес социологов к двум важным составляющим качества детства – здоровью и образованию детей, и двум наиболее уязвимым группам детей: сиротам и инвалидам. Внимание общественности к проблемам и тех, и других способствует внедрению новых технологий социальной адаптации и реабилитации – появляются инклюзивные и интегрированные школы, приемные семьи, детские деревни, обсуждаются вопросы безбарьерной среды, преодоления дефектов воспитания «государственных» детей. Большое значение приобретают понятия «качество жизни», «социальное самочувствие», «субъективное социальное благополучие» и пути их улучшения в современном российском обществе для семей, воспитывающих ребенка-инвалида.

Исследуя понятие «социальное самочувствие», социологи дают различные характеристики данного состояния, основанные на объективных и субъективных критериях. Социальное самочувствие выступает одним из ведущих показателей состояния общества, его различных социальных групп и отдельных людей. В целом существует несколько основных направлений, в

рамках которых определяется и оценивается социальное самочувствие и благополучие детей: удовлетворение развивающихся потребностей; реализация прав; качество жизни; доступ к ресурсам, необходимым для развития. Идет поиск объективных и измеряемых критериев, а также исчерпывающего перечня доменов социального самочувствия, внутри которых должны быть сформулированы перечни индикаторов. «Семья» и «здоровье» являются наиболее значимыми критериями и выступают определенной базой стабильности и успешности при оценке благополучия детей, в том числе имеющих инвалидность. Дети и подростки, несмотря на инвалидность и стойкие, подчас необратимые нарушения, могут обладать выраженными компенсаторными возможностями, что способствует их лучшей адаптации. Важной характеристикой качества жизни ребенка-инвалида является его проживание в семье, доступ к услугам воспитания и образования.

Ряд исследований в разных субъектах РФ показывают, что врожденная или приобретенная инвалидность ребенка является сильным стрессом для родителей, повышает вероятность распада брака, снижает уровень социального самочувствия всех членов семьи.

В российском научном пространстве практически отсутствуют социологические исследования, посвященные изучению динамики социального самочувствия семьи, воспитывающей ребенка-инвалида, под влиянием расширения диапазона его физической активности. Проблемой остается отсутствие интегративной модели физической активности ребенка-инвалида, основанной на синтезе субъективных, нематериальных ресурсов семьи и ресурсов социума, которая будет содержать методы вовлечения ребенка и родителей в физическую активность, алгоритм действий при расширении ее форм, выбор наиболее безопасных и эффективных средств, максимально возможных в условиях социально-экологической системы, окружающей семью. Данная модель должна быть доступной, предлагать возможности выбора пути, прогнозировать результат и гарантировать его достижение.

Физическая активность человека, ее воздействие на здоровье, физическое развитие, функциональное состояние органов и систем, эмоциональную и когнитивную сферу достаточно подробно изучена и выделена в отдельные научные дисциплины в медицине, педагогике и психологии. Положительная роль физической активности в формировании качества жизни современного человека во всех возрастных периодах неоспоримо доказана. Технологии физической культуры для лиц с отклонениями в состоянии здоровья являются эффективным и современным средством социальной реабилитации лиц с ограниченными возможностями здоровья. Тренировка двигательных умений и

навыков – это мощный стимул восстановления физических возможностей, установления контакта с окружающим миром [1, с. 3], а, следовательно, повышения социального самочувствия.

Внедрение физической культуры и регулярной физической активности в быт детей и подростков с инвалидностью, превращение их в привычку и жизненную необходимость, часть активного отдыха и культурного досуга являются одной из основных задач реализации принципов доступности и массовости социальной политики государства в сфере поддержки семей, воспитывающих ребенка-инвалида.

Паттерн физической активности формируется в раннем возрасте и закладывает фундамент на всю жизнь. Ребенок с нарушениями развития не может сформировать физически активный стиль жизни, так как ему намного труднее, чем здоровым сверстникам, выполнять упражнения и у него меньше возможности получать радость и удовольствие от движения [2, с. 108]. Регулярная физическая активность для ребенка с особенностями развития является необходимым и обязательным средством абилитации, профилактикой осложнений основного заболевания. Задача социума – стимулировать ребенка поддерживать общую физическую активность на максимально возможном для него уровне, а также создавать условия, в которых он мог бы самостоятельно накапливать двигательный опыт, задействуя силу, выносливость, другие физические качества и заниматься различными видами спорта.

В Российской Федерации разработана правовая база для организации адаптивной физкультурно-спортивной деятельности, нормативные показатели приема (зачисления) в спортивные секции, нормативы по наполняемости учебных групп и распределения, утверждены типовые программы для секций адаптивного спорта. Образовательные учреждения вправе создавать филиалы, отделения, структурные подразделения по адаптивному спорту. Приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 31 июля 2015 г. № 528н «Об утверждении порядка разработки и реализации индивидуальной программы реабилитации или абилитации инвалида, индивидуальной программы реабилитации ребенка-инвалида, выдаваемых федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы, и их форм» с 01 января 2016 г. введен новый вид реабилитационных (абилитационных) мероприятий: «Физкультурно-оздоровительные мероприятия, занятия спортом». Ответственность за их исполнение возлагается на органы исполнительной власти субъекта Российской Федерации в области физкультуры и спорта. Этот приказ является важным и позитивным шагом в процессе вовлечения инвалидов всех возрастов в

физическую активность, но сегодня отсутствуют механизмы его реализации, нет утвержденного перечня физкультурно-оздоровительных мероприятий для инвалидов по нозологиям и возрастным критериям и соответствующих исполнителей.

Новые образовательные стандарты начального общего образования предусматривают занятия физической культурой, адаптивной физической культурой до 3-4 учебных часов в неделю. В дополнение к ним образовательная организация может реализовывать внеурочные часы двигательной активности (ритмика, танцы) в объеме 1-2 часа в неделю в зависимости от нозологической принадлежности ребенка. В сумме получается, что ребенок-инвалид, посещающий общеобразовательную школу, получает структурированную физическую нагрузку от 3 до 6 часов в неделю при необходимом объеме регулярной общей физической активности 4-5 часов в день.

Для обеспечения круглогодичной физической активности детей-инвалидов в дополнение к урокам физической культуры нужны различные формы занятий и тренировок: в бассейне, в спортивном зале, на улице, массовые физкультурно-спортивные праздники, выездные физкультурно-рекреационные мероприятия [3, с. 712]. При этом инициатором и активным организатором вовлечения в регулярную двигательную активность ребенка с нарушениями развития в необходимом объеме может быть только семья.

Семья является одним из основных агентов социализации детей. В семье ребенок с первых лет своей жизни усваивает нормы человеческих отношений. В семье закладываются отношения ребенка к окружающему, он получает опыт нравственности, моральных основ поведения. К сожалению, лишь незначительная часть семей имеет направленность на проведение семейных физкультурно-оздоровительных мероприятий [4, с. 108].

Согласно социально-экологической модели семьи У. Бронфенбреннера, окружение человека представляет собой систему встроженных друг в друга структур подобно матрешкам – микросистемы, мезосистемы, экзосистемы и макросистемы. В качестве исходной матрешки (микросистемы) рассматривается семья или диада матери и ребенка. «Микросистема – это паттерн деятельности, ролей и межличностных взаимодействий, переживаемых развивающимся человеком в данном окружении с конкретным набором физических характеристик и присутствием людей, которые обладают собственным темпераментом, личностью и убеждениями». Мезосистема состоит из связей между несколькими окружениями, в которых находится человек (например, дом и школа или дом и работа). Другими словами, мезосистема является комбинацией микросистем. Экзосистема содержит связи между несколькими

окружениями, причем хотя бы в одном из них субъект не находится, но события, происходящие в нем, оказывают влияние на окружение, в котором развивается человек. Для семьи с ребенком-инвалидом – это социальные институты и организации образования, здравоохранения, социального обслуживания и т.д. Макросистема состоит из переплетения микро-, мезо- и экзосистем в рамках данной культуры, субкультуры или иного более широкого контекста с особым акцентированием при этом убеждений относительно возможностей развития, жизненных стилей, источников развития, возможности выбора. В качестве макросистем могут выступить социальный класс, этнические или религиозные группы, сообщества, то есть те социальные структуры, которые обладают общими свойствами: жизненные стили, экономические источники, система взглядов и убеждений и т.д. Подход У. Бронфенбреннера предполагает учет не столько объективного окружения семьи, сколько того, как оно воспринимается самим субъектом (родителями и детьми). Поэтому коррекция субъективного социального благополучия подразумевает: 1) изменение травмирующих компонентов окружения (микросистемы), 2) изменение самого окружения, 3) изменение мезосистемы [5, с. 56].

При рассмотрении специфических факторов, влияющих на физкультурное движение инвалидов, с позиции социально-экологической модели семьи, мы увидим, что общесоциальные факторы находятся в структуре экзосистемы, а частные – на уровне микро- и мезосистем. При возникновении проблем и вопросов, с которыми родители (микросистема) не могут справиться самостоятельно, они обращаются за помощью к родственникам, друзьям, соседям, т.е. в ближайшее окружение, в мезосистему. Специалистов по физической активности и физкультурно-оздоровительных, рекреационных организаций в мезосистеме нет, так как это следующий, более отдаленный «слой» социума (экзосистема), поэтому родители изолированы от прямого влияния информации о положительном действии физической активности на уровень и качество жизни детей с инвалидностью.

Сегодня все чаще семьи, особенно материально благополучные, перекладывают некоторые функции частично, а порой и полностью, на плечи наемных помощников или учреждений (детский сад, няни, гувернантки, развивающие группы, школа). Так родители выпускают из-под своего контроля воздействие на своих детей, обесценивая функцию трансляции родительского культурного и личностного ресурса [6, с. 120]. В этом случае с родителей как бы снимается ответственность за выстраивание внутрисемейных отношений и адаптации ребенка к ближайшему социуму – мезосистеме и экзосистеме. При контакте с учреждениями образования, здравоохранения и реабилитации

родители «сдают» ребенка на медицинские процедуры и коррекционные занятия, при этом не происходит выстраивания связи «родитель-специалист», ребенка с социальными институтами, так как родитель не выступает в роли проводника, носителя знаний, умений и образцов поведения.

Без адекватного семейного окружения изолированное решение проблем ребенка не может быть эффективным и необходим семейно-центрированный подход, который включает родителей в систему помощи ребенку-инвалиду. В этом случае специалист уделяет особое внимание поддержке семьи, укреплению сильных ее сторон и обучению родителей. Многие исследователи говорят о необходимости ввести в качестве индикатора успешности вмешательства специалиста удовлетворенность родителей [7, с. 159; 8, с. 79]. Маргарет О'Нил (Margaret E. O'Neil) с соавторами пришли к выводу, что уровень стресса родителей напрямую зависит от двигательных возможностей ребенка (чем выше возможности, тем меньше уровень стресса у родителей) [9, с. 1418].

Рассмотрим восприимчивость родителей к физической активности с точки зрения экологической модели У. Бронфенбреннера как влияние мезосистемы и макросистемы на нуклеарную семью. Принципы ухода и воспитания, которых придерживаются родители, чаще всего схожи с таковыми в «большой» семье, то есть в мезосистеме. Однако данные принципы ухода и воспитания касаются ситуации рождения обычного ребенка, так как опыт воспитания «особых» детей у семей отсутствует или крайне ограничен. Множество исследователей анализируют стресс членов семьи, вызванный фактом рождения ребенка-инвалида, и описывают иерархию наиболее важных стрессогенных областей, в их числе:

- медицинская и правовая: само состояние ребенка, результаты тестов и обследований, опыт общения с докторами, получения статуса ребенка-инвалида;
- коммуникативно-социальная и поведенческая: трудности общения, опыт школы, проблемы социального взаимодействия, изменение собственного поведения и отношения к ребенку.
- семейная: отношения с партнером, братьями и сестрами, изменение образа жизни, изменение финансового статуса;
- личностная: собственные чувства и страхи, персональные ответственности, взаимоотношения с посторонними, друзьями, знакомыми [10, с. 496].

В случае российских родителей все системы, начиная с мезосистемы, диктуют жесткую медицинскую модель реабилитации. В принципе, она близка

и самим членам нуклеарной семьи – особый ребенок болеет, и его надо вылечить. Сегодня российские врачи, медсестры, учителя, социальные работники и вообще все специалисты, которые работают с особыми детьми и их семьями, тоже являются «носителями» медицинской модели инвалидности. Поэтому они не воспринимают стимулирование физической активности в повседневной жизни и поддержку участия в жизни общества как важную часть реабилитации [2, с. 210].

В нашем исследовании обоснована актуальность создания интегративной модели физической активности ребенка-инвалида как ресурса социального самочувствия его семьи на основе инструментов доступности, безопасности и массовости.

Необходимо разработать технологии вовлечения детей с инвалидностью в регулярную физическую активность на основе взаимодействия микросистемы семьи с экосистемой физкультурно-оздоровительных, образовательных и рекреационных учреждений при условии решения следующих задач:

- достижимость целей физической активности в соответствии с личным потенциалом родителей и детей;
- восхождение от простого к сложному с постоянными замерами двигательных умений и приобретения навыков новых движений на входе-выходе;
- адекватная оценка ресурсности своих детей в соотношении с социальными нормами и возможностями реализации потребностей в физической активности людей с инвалидностью в современном социуме [6, с. 122].

Интегративная модель должна представлять собой систему технологий вовлечения в регулярную физическую активность на основе методов, форм и ресурсов, которые реализуются с учетом социально-экологической модели конкретной семьи. Разработка данной модели требует эмпирического исследования отношения родителей к предлагаемым технологиям вовлечения в физическую активность детей через практические мероприятия на разных этапах ее реализации.

Для семьи с ребенком-инвалидом при решении задачи расширения диапазона физической активности своего ребенка проблемой является отсутствие подходящих физкультурно-оздоровительных или адаптивных спортивных секций в «шаговой доступности» от дома, неудобное расписание занятий, финансовая недоступность занятий. Ребенку с инвалидностью зачастую предлагаются или «одноразовые» физкультурно-оздоровительные

массовые мероприятия, как правило, приуроченные к праздничным датам, благотворительным акциям, или индивидуальные занятия только на платной основе. При этом практически все педагоги указывают, что дети с двигательными нарушениями должны участвовать в физкультурной деятельности *только вместе с родителями* для обеспечения дополнительного контроля за самочувствием ребенка и его безопасности.

Регламент работы муниципальных физкультурно-спортивных учреждений не предусматривает присутствия родителей на тренировках и их участия в тренировочном процессе, что сразу делает недоступным посещение секций детьми и подростками, имеющими двигательные расстройства и не способными к самостоятельному обслуживанию. Организация систематического посещения такого учреждения детьми и подростками с инвалидностью, обеспечение безопасности занятий требуют повышенной ответственности администрации и координации усилий всех служб и отделов, так как муниципальные физкультурно-спортивные учреждения имеют свой регламент работы, внутренний распорядок, требования к правилам посещения, рассчитанные, в основном, на здоровый контингент.

Среда, в которой развивается ребенок (микросистема, семья), должна выстраивать ближайшее внешнее окружение для стимуляции физического развития ребенка-инвалида, освоения им новых двигательных умений и навыков. Для этого у семьи есть внутренние ресурсы (желание совместной деятельности родителя и ребенка, член семьи, который взял бы на себя эту функцию) и внешние ресурсы (учреждения дополнительного образования физкультурно-спортивной направленности и работающие в них специалисты).

Расширение физической активности ребенка ведет к улучшению функций движения и положительным изменениям во всех сферах жизни ребенка – повседневной коммуникативной, досуговой, образовательной, что в свою очередь положительно влияет на внутрисемейные отношения и опосредованно повышает уровень социального самочувствия семьи.

Создание интегративной модели физической активности детей-инвалидов с непосредственным участием родителей в совместных регулярных тренировках, основанной на синтезе субъективных, нематериальных ресурсов семьи и ее ближайшего окружения, поможет решить многие задачи социальной политики государства по отношению к семьям, воспитывающим ребенка-инвалида, а именно: снизить уровень стресса и нормализовать внутрисемейные отношения, снять социальную изоляцию и информационную депривацию, сформировать новый тип отношений между родителями и ребенком, при которых семья видит успехи своего ребенка и готова планировать

самостоятельные долгосрочные стратегии поддержания его физической активности и нести ответственность за их реализацию.

Литература

1. Колобков П.А. О создании условий для занятий физической культурой и спортом для лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов / П.А. Колобков, С.П. Евсеев [и др.] // Адаптивная физическая культура. 2014. № 4 (60). С. 2-8.
2. Ключкова Е.В. Введение в физическую терапию: реабилитация детей с церебральным параличом и другими двигательными нарушениями неврологической природы. М.: Теревинф, 2014. 288 с.
3. Курникова М.В. Взаимодействие социальных партнеров для формирования навыка круглогодичной двигательной активности детей и подростков с инвалидностью // Помогающие профессии: научное обоснование и инновационные технологии: Материалы Международной научно-практической конференции (Н. Новгород, 15-16 сентября 2016 г.). Изд-во НИСОЦ, Н. Новгород, 2016. С. 707-713.
4. Бельц В.Э. Взаимодействие спортивного клуба с семьей как активным субъектом социализации личности ребенка / В.Э. Бельц, О.В. Малофеева // Вестник ТГПУ. 2016. №8(173). С. 106-110.
5. Веракса Н.Е. Понимание детского развития с позиции экологической теории У. Бронфенбреннера / Н.Е. Веракса, А.Н. Веракса // Современное дошкольное образование. Теория и практика. № 10. 2014. С. 55-56.
6. Саралиева З.Х. Субинститут родительства в современных семейных системах // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. № 2(34). 2014. С. 118-123.
7. King G.A., King S.M., Rosenbaum P.L. Interpersonal aspects of care-giving and client outcomes: a review of the literature // Ambulatory Child Health. 1996. № 2. P. 151-160.
8. King S., Teplicky R., King R., Rosenbaum P. Family-centered service for Children with cerebral palsy and their families: A review of the literature // Seminars in Pediatric Neurology. 2004. Vol.11. № 1(March). P. 78-86.
9. O'Neil M.E., Palsano R.J., Westcott S.L. Relationship of therapists' attitudes, children's motor ability, and parenting stress to mothers' perceptions of therapists' behaviors during early intervention // Physical Therapy. 2001. Vol. 81. № 8. P. 1412-1424.
10. Noojin A., Wallander J. Development and Evaluation of a Measure of Concerns Related to Raising a Child with Physical Disability // Journal of Pediatric Psychology. 1996. Vol. 21. №4. P. 483-498.

M.V. Kurnikova

**PHYSICAL ACTIVITY OF THE DISABLED CHILD AS A RESOURCE
OF IMPROVING ITS FAMILY SOCIAL HEALTH STATE**

The theoretical foundation of handicapped child physical activity as a social well-being improvement resource integrative model based on availability, safety, mass character from Urie Bronfenbrenner's social-ecological model position necessity creation. Forms and instruments of handicapped children involvement to regular physical activity based on family micro system interaction with PE, educational and recreational entities' ecosystem are considered. The characteristic of modern problems which are confronted with Russian family during solving issue of child's physical activity range expansion are given. The family recourses for handicapped child physical activity stimulation, new motion skills and abilities development are defined. A parents' positive attitude to regular collaborative trainings and family willing to plan independent long-term child's physical activity maintenance strategies and being responsible for its realization is revealed.

Keywords: social well-being of families with handicapped child, physical activity, integrative model, social-ecological family model.

ГЛАВА 4

ВНУТРИСЕМЕЙНЫЙ КЛИМАТ

4.1. БИФУРКАЦИИ ВНУТРИСЕМЕЙНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Анализируются причины депрессивного состояния воспитательной функции семьи в условиях трансформирующегося российского общества, а именно выявляются бифуркации внутрисемейного взаимодействия, способствующие качественной перестройке семьи при изменении ее параметров. Описываются типы бифуркаций, характерные для данного социального института, которыми являются, во-первых, возросшая социальная активность третьего поколения, современных женщин-матерей, подрастающего поколения; во-вторых, использование электронной коммуникативной сети как средства воспитания и социализации детей-подростков; в-третьих, чрезмерная загруженность трудовой деятельностью родителей, особенно матерей (потребительское настроение). Выявляются последствия бифуркаций внутрисемейного взаимодействия, изменяющих воспитательный процесс в семье, что ведет к элиминации постфигуративного и кофигуративного типа культурного обмена информацией между поколениями. В результате внутрисемейное взаимодействие приобретает черты префигуративного типа культурного обмена.

Ключевые слова: семья, родители, воспитание, бифуркации.

В настоящее время в российском обществе экономические, политические и социальные преобразования оказывают сильное влияние на институт семьи и брака, который играет важнейшую роль в становлении каждой личности. В связи с тем, что дети являются тем социальным барометром, который реагирует на социальные изменения, происходящие в обществе, актуализируется проблема воспитания в современной российской семье. Однако сам институт семьи в условиях трансформирующегося общества находится в кризисном состоянии, о чем свидетельствуют показатели семейного неблагополучия (число родителей, лишенных родительских прав; число детей, рожденных вне брака; появление большого числа бездетных семей; рост количества разводов; стагнация рождаемости, несмотря на продление такой социальной меры, как «Материнский капитал»; отказ от рождения даже единственного ребенка; рост жестокого обращения с детьми и др.). По мнению исследователя Т.А. Смирновой, кризис выражается еще и в том, что семья все хуже реализует

свою главную функцию – воспитание детей, в результате чего будущее семьи очень сложно предсказать [1, с. 37].

Воспитание, в трактовке профессора Вл.А. Лукова, представляет целенаправленную, систематическую, институционализированную подготовку молодого поколения к взрослой жизни. Структура воспитания включает в себя мировоззрение в виде усваиваемых сознательно и автоматически ментальных кодов (ценностных ориентаций, потребностей, ситуативных решений); деятельность и поведение как индивидуально-типологические стили, воспитываемые через социальные практики; идентификацию себя с определенным социокультурным окружением, референтной группой [2, с. 71].

Мнений относительно причин депрессивного состояния воспитательной функции семьи достаточно много, одной из которых могут быть бифуркации внутрисемейного взаимодействия. Процесс бифуркации в институте семьи следует рассматривать как всевозможную качественную перестройку объекта – семьи при изменении ее параметров, а именно, особенностей взаимодействия акторов, ролевых обязанностей как самих родителей, так родителей и детей, от которых, по сути, зависит существование самой семьи.

Научные работы американского антрополога М. Мид, в частности, анализ трех типов культурного обмена знаниями между старшим и младшим поколениями (постфигуративная, кофигуративная, префигуративная культуры), позволил сделать следующие теоретические обобщения:

- В настоящее время мы можем наблюдать элиминацию постфигуративного типа культурного обмена информацией между разными поколениями, в основе которого лежит следующий принцип – старшее поколение служит моделью поведения для молодых, где традиции предков сохраняются в их целостности. На наш взгляд, причинами разрушения постфигуративной культуры являются: во-первых, уменьшение взаимодействия поколений (в большей степени бабушек/дедушек с внуками), в частности, неуклонное снижение совместного проживания третьего поколения с детьми/внуками в связи с возможностью разрешения жилищной проблемы за счет получения ссуд, ипотечного кредитования; во-вторых, смена социальных установок пенсионеров: пожилые люди все чаще предстают перед нами как активный субъект, обладающий внутренней готовностью к целенаправленному взаимодействию с внешней средой. С каждым годом увеличивается количество пенсионеров, занятых трудовой деятельностью, что может быть связано, с одной стороны, с низким уровнем их социально-экономического положения, корни которого кроются в невысоких доходах данной категории населения; с другой – с их активной жизненной позицией, желанием как можно дольше

оставаться востребованной личностью в трудовой сфере, страхом впасть в депрессию из-за ощущения собственной ненужности [3, с. 93]. Стоит подчеркнуть, что субъектность пожилых людей в последнее время распространяется и на сферу общественно-политических отношений, на сферу культуры, досуга и образования. Усиление активизации пожилых людей, очевидно, сопряжено с желанием наверстать свои упущенные возможности в советский период развития страны, т.к. сфера семейного досуга того времени практически не была развита в той мере, в которой она предстает перед нами сейчас (аквапарки, развлекательные центры, ФОКи). Так или иначе, воспитание подрастающего поколения все чаще происходит не в общении с третьим поколением, что может привести к размыванию нравственных приоритетов, социальных интересов подрастающего и старшего поколений.

- Для современного российского общества характерна высокая степень вертикальной мобильности (молодой человек может спокойно завоевать более статусное социальное положение по сравнению со своими старшими родственниками), которая провоцирует молодое поколение к осознанному разрыву с постфигуративной моделью взаимодействия. В результате на смену постфигуративному взаимодействию приходит моделирование своего поведения по поведению современников (кофигурация), дети перенимают более удачный опыт современников-сверстников (подростков) или опыт отцов/матерей. Однако формы поведения разных поколений могут быть неидентичными, что порождает конфликты между ними. М. Мид указывает на возможность конфликта между поколениями, уточняя, что самый первый разрыв со стилем поведения родителей возникает в результате полученного образования, в тех случаях, когда родители выбирают для своих детей образование нового типа [4, с. 107]. В связи с тем, что в настоящее время дети имеют возможность получить совершенно иное образование, чем их родители, порой делая самостоятельный выбор уровня и направленности образования, для молодого поколения образцом поведения все чаще становятся группы современников-сверстников, транслирующие новый опыт собственного поколения. Однако, как отмечает А.Н. Шевелев, нынче развлекательное шоу, сериал, виртуальная компьютерная игра, образ гламурной рекламы, ПАВ становятся суррогатами, подменяющими и вытесняющими для молодежи реальную жизнь, которая не столько трудна, сколько не интересна для детей [2, с. 69]. Ситуация усугубляется девальвацией социального авторитета третьего поколения, потребительской гонкой их собственных родителей, что может являться бифуркациями в современной семье, оказывающими воздействие на процесс воспитания. Эти бифуркации подталкивают молодое

164

поколение к выбору более эффективного института воспитания – воспитание коллективом (общностью, тусовкой). С каждым годом данная проблема все в большей мере обостряется в связи с тем, что в процессе воспитания начинает доминировать виртуальный агент – Интернет, который даже смог внести изменения в теорию воспитания. В результате в отсутствии опыта прошлого у современных детей (постфигуративного взаимодействия) «виртуальная паутина» становится «мамами/папами», определяя жизненные приоритеты подрастающего поколения. Исследователь А.В. Беляева фиксирует тенденцию – Интернет для нового поколения – это источник духовно-практической деятельности и ресурс ключевых жизненных компетенций [5, с. 59]. Но нельзя забывать и о рисках сетевой социализации, примерами которой являются «группы смерти» и сетевой экстремизм. Итак, в реальных условиях жизнедеятельности современной семьи распространение получает внесемейное воспитание, для которого характерен не авторитет собственных родителей, а наставниками являются референтные группы сверстников, которые порой существуют в виртуальном пространстве.

- Как было указано выше, возможность участия в воспитательном процессе третьего поколения снижается либо вообще отсутствует. Ролевые функции родителей в семье тоже претерпевают изменения. Встает вопрос, связанный с проблемой идентификации детей в современной российской семье. М. Мид в своих научных работах описывает следующий социально-психологический портрет отца, характерный для американского общества: «Низведение роли отца до роли усталого, часто смущенного ночного гостя сделало очень многое для того, чтобы исключить саму возможность плодотворной идентификации ... Отец – это мужчина, который может поднять ребенка на руку, который приходит домой вечером, отдыхает с семьей по воскресеньям, водит автомобиль, зарабатывает деньги ...» [4, с. 68].

Однако в российском обществе рассмотренный социально-психологический портрет американского отца все чаще совпадает с портретом российских женщин-матерей, особенно матерей-одиночек (в РФ насчитывается 5,6 млн. матерей-одиночек [6]). С каждым годом усиливается тенденция восприятия матери современным ребенком как главного добытчика в семье, ответственного за жизнедеятельность данного института, что указывает на изменение традиционного распределения ролей в семье. Следует напомнить, что именно мать призвана создавать гармоничную психоэмоциональную обстановку в семье. Однако в результате ее чрезмерной загруженности на работе происходит размывание эмоциональных связей в семье, обостряется проблема отдаления двух поколений, что, в свою очередь, может являться причиной разрушения

кофигуративной направленности культуры взаимодействия поколений с ориентацией на взрослых современников. В результате изменений ролевого распределения в семье мать все чаще реализует функции, присущие главе семьи, что отражается на идентификационном процессе в данном социальном институте. На наш взгляд, такая ситуация несет в себе опасность для подрастающих детей, т.к. матери все чаще являются олицетворением в большей степени не женского идеала, а мужского, что отрицательно сказывается на социализации их дочерей, а также на идентификации сыновей. Такая ситуация все больше подталкивает ребят к взаимодействию с другими представителями молодого поколения через Интернет, что способствует повышению у детей авторитета виртуальных общностей.

Теоретические рассуждения о перестройке такого социального института как семья побудили нас к осуществлению социологических исследований, которые помогут нам «услышать голос» самих детей о специфике процесса воспитания, происходящего сегодня в их семьях. В ходе первого анкетного исследования было опрошено 120 подростков, проживающих в Ивановском регионе. Цель исследования – выявить наиболее распространенный тип деструктивных детско-родительских отношений в современной семье. Второе исследование позволило выявить бифуркации в современной семье, осложняющие процесс воспитания в данном социальном институте, характерные для данного региона. С помощью метода анкетирования были опрошены дети подросткового возраста ($n=163$), проживающие в полных семьях. Обобщенный анализ первичной информации двух исследований позволил зафиксировать особенности идентификации собственной семьи в зависимости от социально-демографической характеристики детей.

Большинство подростков свою семью идентифицируют как источник приобретения жизненного опыта, а именно, ожидания детей связаны с приобретением навыков взаимодействия в социальном пространстве от своих родителей, умением адаптироваться к изменяющимся условиям в современном обществе (муж. – 48,9%; жен. – 59,2%), при этом с увеличением возраста данный показатель возрастает. Семью как основу безопасности (гарант безопасности при взаимодействии с внешним миром), которая способствует снижению чувства тревоги, одновременно являясь для ребенка источником утешения в ситуации отчаяния и волнений, воспринимают в большей степени участники опроса до 14 лет обоих полов (муж. – 17%; жен. – 15%). Для 20% молодых людей мужского пола и всего лишь для 7% девочек семья является моделью, позволяющей усвоить мужские и женские роли. Стоит подчеркнуть, что с увеличением возраста детей ролевая модель семьи вообще утрачивает

свое значение (12-13 лет – 27%; 14-15 лет – 9%; 16-17 лет – 0%). Необходимо обратить внимание на низкий показатель идентификации с ролевой моделью семьи особенно у девушек. Это может говорить о том, что для значительной части подростков поведение, а именно осуществление ролевых функций их собственными родителями, особенно матерями, не является примером, который им позволит успешно реализовать себя в статусе отца/матери в будущем.

Дети в подростковом возрасте могут испытывать проблемы в общении со своими родителями и, как принято считать, эти проблемы обусловлены физиологическими и психологическими изменениями у подростков. Однако, по нашему мнению, сами родители могут быть источником препятствий в общении со своими детьми (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Оценка негативных аспектов взаимодействия родителей и детей, %
(n=120)

пол	негативные аспекты взаимодействия					
	отсутствие сотруднич.	отсутствие эмоционал. контакта	несходство ценностей	отсутствие заботы друг о друге	всего хватает	затр. отв.
муж	5,0	35,2	8,0	20,0	45,0	25,0
жен	10,0	15,0	20,0	15,0	37,0	20,0

Мы можем наблюдать проблемы в общении двух поколений. 35,2% респондентов мужского пола указали на отсутствие эмоционального контакта со своими родителями. Актуальность этой проблемы признают в большей степени молодые люди старшей возрастной категории (12-13 лет – 9%; 14-15 лет – 10,2%; 16-17 лет – 45,8%), которые, несмотря на свой возраст, не являются еще полностью сформированной личностью и могут нуждаться в родительской поддержке, тогда как родители воспринимают их уже взрослыми, переставая с ними контактировать как с детьми младших возрастных групп. Однако дефицит внимания дети начинают испытывать в самом младшем подростковом возрасте (муж. – 27,3%; жен. – 37,1%). Как отмечают подростки, у них порой нет возможности выбрать в качестве образца для подражания отца или мать, т.к. с увеличением возраста детей резко сокращается количество совместно проведенного времени с родителями. Именно по достижении детьми подросткового возраста родители, а особенно матери, активизируются в трудовой деятельности, сводя на нет эмоциональный контакт со своими детьми. 43,2% сыновей и 39,5% дочерей указали на недостаток ласки, тепла, понимания

в их семьях, несмотря на то, что ребенок в любом возрасте нуждается в физическом, эмоциональном контакте. В результате складывается ситуация не востребоваемости в материнской/отцовской заботе у детей в возрасте 15 лет и старше, т.к. в последние годы их жизни она была сокращена до минимума, а в более младшем возрасте дети просто перестают помнить эмоциональные аспекты взаимодействия со своими родителями. Возникшая ситуация, по мнению детей, провоцируется чрезмерной загруженностью трудовой деятельностью родителей, особенно матерей, в результате чего страдают все стороны общения разных поколений: коммуникативная, перцептивная, интерактивная. Иначе говоря, мы можем наблюдать в современной семье тенденцию нисходящей ответственности матерей за реализацию всех видов функций в семье, что оказывает влияние как на физическое и психическое здоровье самих современных женщин, так и на атмосферу воспитания детей в семье. Родителям следует обратить внимание на проблему снижения эмоционального контакта со своими повзрослевшими детьми, т.к. его отсутствие девальвирует авторитет взрослых и подталкивает молодое поколение к альтернативным источникам взаимодействия. По признанию самих детей, именно виртуальное сообщество является той самой альтернативой, тем эмоциональным агентом, который дает им чувство поддержки, нужности, может отвлечь от реальных проблем (73,6% ребят указали на Интернет как на доминирующий источник межличностного общения). Однако виртуальное пространство уменьшает реальное жизненное пространство подростков, сокращая межличностное взаимодействие с ровесниками и взрослыми людьми, замещая их информационно-коммуникативным взаимодействием. Такая ситуация способствует отмиранию уже не только постфигуративной культуры взаимодействия поколений, но и способствует разрушению кофигуративной модели.

Если же обратиться к особенностям взаимодействия детей и представителей третьего поколения, можно сказать, что для большей части подростков (68,5%) характерен низкий уровень связи с бабушками/дедушками. Значительная доля ребят идентифицируют прародительское поколение с активным субъектом, занятым трудовой деятельностью до 70 лет, преимущественно женского пола. Данные обстоятельства подчеркивают значимость проблемы исчезновения постфигуративного типа культурного обмена информацией между разными поколениями, а именно смещение воспитательного процесса из области семейного многопоколенного воспитания в иные общности. Возникает вопрос: «Высокая степень активизации, субъектности пожилых людей является ли благом для современного

подростающего поколения?» Скорее всего, возросшей субъектности третьего поколения могут быть благодарны, во-первых, их дети (родители современных детей), т.к. занятые трудовой деятельностью пожилые люди не являются для них материальной обузой, порой сами оказывая материальную помощь своим детям и внукам. Во-вторых, само государство, которое, используя комплекс мер федерального и регионального значения, направленных на повышение трудовой активизации пенсионеров, снижает уровень малообеспеченной категории населения среди пожилых людей, тем самым поддерживая свой «патерналистский статус». Естественно, время покажет, кто выиграет в этой потребительской гонке, явно не процесс воспитания в российской семье.

Стоит также напомнить, что современные родители, имеющие в настоящее время детей-подростков, – это перестроенное поколение (их социализация происходила в 90-е гг.), использующее кофигуративную модель культуры взаимодействия, моделирующее свое поведение по поведению своих современников. Соответственно, их поведение в корне может отличаться от поведения их пожилых родителей, что, естественно, снижает уровень доверия к ним со стороны их собственных детей-подростков, т.к. они сами, в свою очередь, отказались в той или иной степени усвоить советский опыт старшего поколения. В связи с этим стоит осветить вопрос, связанный с наличием у родителей культурно-нравственного ресурса.

Независимо от пола 1/3 участников опроса утверждают, что для их родителей первоочередным является материальное благополучие семьи (муж. – 35,7%; жен. – 31,1%) в ущерб духовному развитию детей (23,8% мальчиков указали на отсутствие в их семьях духовного, нравственного развития). Среди наиболее актуальных проблем полных семей, наряду с проблемами экономического характера, дети выделили низкий культурный уровень своих родителей, что подчеркивает важность культурно-нравственного фактора в воспитательном процессе. Негативное воздействие материального фактора может вести также, во-первых, к попустительству, безнаказанности в воспитательном процессе (на этот фактор указали 24% мальчиков и 40% девочек), во-вторых, безграмотности в психолого-педагогическом отношении (отсутствие целенаправленного воспитания и противоречивость методов воспитания отметили 16,6% мальчиков и 9,0% девочек); в-третьих, к девиантному поведению как взрослых, так и детей (9,5% мальчиков указали на злоупотребление алкоголем их отцов). В конечном итоге, для значительной части подростков родители не являются примером для подражания (56%), что способствует повышению авторитета иных социальных общностей. Еще раз обратимся к М. Мид: «С физическим удалением поколения дедов и бабок из

мира, в котором воспитывается ребенок, его жизненный опыт сокращается на поколения, а связи с прошлым ослабевают» [4, с. 162]. Естественно, начинают ослабевать социальные связи не только с третьим поколением у внуков, но и с собственными родителями, которые в это время интенсивно строят трудовую карьеру, особенно матери. Опрос студенток, обучающихся на 3-4 курсах факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского (стандартизированное интервью, опрошено 60 человек), показал, что 78% участниц опроса нацелены, в первую очередь, на реализацию своего трудового потенциала, на построение карьеры, а реализация материнства откладывается на более поздний срок после закрепления себя в профессионально-должностном статусе. Такая социальная позиция современных девушек, по их мнению, связана с возросшими карьерными устремлениями их собственных матерей.

В результате возросшей социальной активности третьего поколения, современных женщин-матерей, да и самого подрастающего поколения воспитательный процесс в семье претерпевает изменения, основной характеристикой которого является воспитание детей в социальных группах-общностях, например, сетевым сообществом. Это обстоятельство, использование электронной коммуникативной сети как средства воспитания и социализации подрастающего поколения, а также потребительское настроение поколений являются бифуркациями в современной семье, которые видоизменяют сам социальный институт. Будущее новых поколений М. Мид связывала, прежде всего, с префигуративной культурой, в которой не исключается возможность усвоения родителями опыта собственных детей, характеризуя ее следующим образом: «... Этот разрыв между поколениями совершенно нов, он глобален и всеобщ. Сегодняшние дети вырастают в мире, которого не знали старшие, но некоторые из взрослых предвидели, что так будет. Те, кто предвидел, оказались предвестниками префигуративной культуры будущего, в которой предстоящее неизвестно» [4, с. 111].

Литература

1. Смирнова Т.А. Концепция будущего семьи как института социализации личности // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 9. № 12. С. 37-40.
2. Шевелев А.Н. Современная молодежь: социальная надежда, опасность, непознанный феномен? // Социализация молодежи и проблемы современного воспитания: сборник материалов Второй городской научно-

практической конференции 23 декабря 2013 года – СПб.: ПОНИ, 2014. С. 60-74.

3. Ермилова А.В. Трудовая деятельность пожилых людей как вид социальной активности: региональные практики «помоги себе сам»/ «помогите выжить»// Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Практики заботы в современном обществе». Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2017. С. 93-99.
4. Мид М. Культура и мир детства [электронный ресурс] <http://base.dnsgb.com.ua/files/book/kultura-i-mir-detstva.pdf>
5. Беляева А.В. Здоровье подростков как медико-психологическая и педагогическая проблема // Педагогика и психология: тренды, проблемы и актуальные задачи. Материалы V Международной научно-практической конференции, 26.02.2014: Сб. научных статей. В 2-х т. Т.1. Краснодар, 2014. С. 58-64.
6. Статистика неполных семей в России 2017 [Электронный ресурс] // <http://isangulov.ru/statistika-nepolnyh-semej-v-rossii-2017-26444/>.

A.V. Ermilova

BIFURCATION OF INTRAFAMILY INTERACTION

The paper discusses causes of depressed educational function of the family in transforming Russian society, namely, bifurcations of intrafamily interaction that contribute to qualitative restructuring of the family when its parameters alter.

The paper also names and describes types of bifurcations that are characteristic of this social institution, firstly, the increased social activity of the third generation, modern mothers, younger generation; secondly, the use of electronic communication network as a tool to educate and socialize adolescent children; thirdly, excessive workload among parents, especially mothers (consumer mood).

The author discovers consequences of bifurcations in intrafamily interaction that influence the educational process in the family, which in turn leads to the elimination of post-figurative and co-configurative type of cultural information exchange between generations.

As a result, intrafamily interaction acquires the features of a prefigurative type of cultural exchange.

Keywords: family, parents, education, bifurcations.

4.2. ОТЦЫ В СЕМЕЙНОЙ ЭКОСИСТЕМЕ

Рассматривается роль современных отцов в семейной экосистеме в контексте трансформации и вариативности семейно-брачных отношений. Приводятся показатели распространения альтернативных моделей и структур семьи (например, монородительство, повторнобрачные семьи, фактические супружеские союзы), подчеркиваются изменения субинститута родительства (в частности, отцовства), неоднозначность интерпретации этих изменений, фокусируется внимание на развитии социальных практик ответственного отцовства. Выявлены и перечислены возможные факторы включенности отцов в семейные процессы, воспитание детей, одним из них является гражданская инициативность мужчин, их участие в деятельности общественных отцовских объединений. По материалам интервью с председателем городского Совета отцов г. Нижнего Новгорода описываются родительская мотивация и ответственность мужчин, направления и особенности отцовского взаимодействия, перспективы, основные проблемы развития отцовского движения на региональном и федеральном уровнях.

Ключевые слова: семейная экосистема, трансформация института семьи, отцовство, ответственное родительство, отцовская вовлеченность, отцовские сообщества.

В качестве основных компонентов, атрибутов семейной экосистемы человека могут подразумеваться: специфика практикуемых добрачных отношений (ухаживания, свидания, сватовство, сожительство); структурная стабильность и целостность семьи; функциональная наполненность семейных ролей; эмоционально-психологический климат в семье; качество и состояние развития семейных подсистем (супружеских, детско-родительских, сиблинговых, межпоколенных отношений); физическое и психологическое здоровье членов семьи, уровень благополучия семьи в целом; уровень развития семейной инфраструктуры (родственники, окружение, наличие и доступность органов регистрации актов гражданского состояния, учреждений внешних институтов заботы, например, образовательные организации, агентства по подбору нянь и другого домашнего персонала, управление социальной защиты населения, центры социальной помощи семье и детям, медицинские организации); уровень благосостояния семьи и качество жилищных условий (социальное и материальное положение, место проживания, тип занимаемого жилья, экологическая, социальная и политическая обстановка в населенном пункте); структура мотивов внутрисемейного взаимодействия; структура потребностей семьи и ее отдельных членов; негативные факторы, ведущие к дисбалансу, дисфункции или дезорганизации экосистемы, семейные и

индивидуальные проблемы; факторы созависимости членов семьи; ресурсность семьи.

Согласно концепции кризисного состояния развития современной семьи (А.И. Антонов), признаками системности, целостности и неделимости может обладать только традиционная (первобрачная и с двумя родителями) моногамная семья, желательна многодетная и многопоколенная. С формальной точки зрения, семейные структуры, исключаящие отца или мать (монородительские семьи; внебрачные семьи; дистантные семьи), нуклеарные семьи, повторнобрачные семьи и т.п. считаются семейными группами («недосемьей») [1].

Монородительство сегодня является одной из наиболее распространенных форм организации семейной жизни. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в монородительских семьях проживали 13,2 млн. человек, это 24,1% от общего числа семейных ячеек. Итоги Микрпереписи населения 2015 г. подтверждают сохранение показателя на уровне 25,4% от общего числа семейных ячеек [2].

Сожительство становится все более приемлемым вариантом семейно-брачных отношений. Если по результатам Микрпереписи населения 1994 г. их доля от общего числа супружеских союзов составляла 7%, то в 2010 г. показатель достиг отметки 13% [3]. Данные Микрпереписи-2015 фиксируют долю мужчин и женщин, состоящих в незарегистрированном браке, на уровне 12,5% от общего числа состоящих в супружеских отношениях.

Уровень «популярности» повторных браков в России на протяжении последних трех десятилетий сохраняется примерно на уровне 25-29% от общего числа супружеских союзов [4].

Можно говорить и о других весьма распространенных альтернативных типах семейно-брачных отношений (например, всем известно о конкубинатных практиках, однако проблематика весьма щекотливая и остается малоизученной в современных условиях). Так или иначе, неважно, что берется в качестве единицы анализа семейной экосистемы – конкретный тип семьи или семейная группа, или подсистема семейных отношений, и в рамках какой концепции они рассматриваются, необходимо определить внешние и внутренние показатели и факторы их стабилизации или, напротив, дезорганизации. Одним из таких элементов является отцовство.

Почему отцы? Альтернативные формы семейных отношений расширяют (в контексте трансформации образцов и компонентов маскулинности и форм заботы о семье и детях) и одновременно сужают (в контексте функциональной полноты и морально-этических норм) родительские сценарии современных

мужчин. Одни мужчины позволяют себе считать отцовство «невыгодным» или вовсе «рудиментарным» статусом и факультативной ролью, другие, наоборот, желают самореализоваться в роли отца, но воспитывать детей самостоятельно, не обременяя себя брачными узами (известны случаи применения фактически или номинально одинокими мужчинами технологии суррогатного материнства). Заметные изменения данного родительского субинститута отцовства зачастую интерпретируются исследователями тоже как кризисные, с точки зрения функциональных лакун или перестроек в реализации социальных практик отцовства [5; 6; 7].

Помимо снижения репродуктивности, критическому анализу подвергается «слабое» выполнение отцами воспитательной и экономической функций. Объективный показатель – высокий уровень распространения материнских семей. По итогам Всероссийской переписи населения-2010, доля материнских семей с детьми моложе 18 лет составила 28,9% от числа семейных ячеек с несовершеннолетними детьми до 18 лет. Микроперепись-2015 фиксирует 27,4% семей, в которых детей воспитывает только мать [2]. Важным является вопрос о продолжении реализации отцами родительской роли, участия в жизни детей: выполнение алиментных обязательств, участие в преодолении трудностей ребенка, проведение совместного досуга и общение с ребенком, обсуждение и согласование важных для ребенка решений. Актуализируется выявление и изучение характеристик, масштабов распространения социальных практик ответственного (вовлеченного), «нового» отцовства.

Объективно трансформировались и семейные роли матерей: сократилась доля их присутствия в приватной сфере в связи с профессиональной занятостью и стремлением сочетать карьеру с супружеством и материнством, увеличился их вклад в формирование семейного бюджета и, соответственно, уменьшилась экономическая зависимость от мужчины. Наблюдается следующая социальная реакция: эгалитаризация семьи (гендерно-ролевое равноправие отцов и матерей) и сородительство; изменение воспитательных траекторий отцов, которые разделяют домашнюю нагрузку с матерями и, помимо выполнения «привычных», традиционных ролей кормильца, наставника, регулятора и защитника, нередко принимают участие в подготовке к родам (посещают курсы молодых родителей, читают специальную литературу, регистрируются на специализированных форумах и в группах в социальных сетях), в уходе за ребенком; психологизируются отцовско-детские отношения; использование отцами отпуска по уходу за ребенком.

Основными критериями ответственного/вовлеченного отцовства служат самоидентификация мужчины в роли отца и саморефлексия, доступность отца

для семьи и, прежде всего, для ребенка, активизация родительского потенциала отцов, равномерное распределение и выполнение отцами и матерями родительских функций. Источники вовлечения отцов в семейные процессы могут быть внутренними (тип и структура семьи; готовность мужчины к отцовству; родительские установки и ценности отцов; планирование рождения детей; тип и структура родительской семьи отцов, качество межпоколенных связей; материнско-отцовское сотрудничество; социально-демографические и социально-экономические характеристики семьи; уровень образования отцов и матерей); и внешними (сфера деятельности, уровень трудовой занятости отцов; окружение семьи; уровень социокультурной и инфраструктурной модернизации места проживания семьи; социальные сервисы, ориентированные на активизацию и поддержку ответственного отцовства (папа-группы и папа-школы [8; 9]), распространение общественных организаций/сообществ родителей и гражданская активность отцов).

С начала 1990-х гг. наблюдается образование и рост числа родительских сообществ, разных по типу, направлениям деятельности и размеру: реальные и сетевые (виртуальные) объединения; объединения родителей детей с ограниченными возможностями здоровья, одиноких родителей, многодетных родителей и т.п.; группы самопомощи, клубы, комитеты, советы, союзы и ассоциации. Гражданская активизация родителей имеет прямое отношение к трансформации, повышению рефлексивности и политизации родительства [10]. Как правило, инициатива по созданию подобных организаций вызвана стремлением удовлетворить специфические семейные и индивидуальные запросы, обсудить и найти способы преодоления кризисных ситуаций и проблем, отстаивать свои интересы и гражданские позиции; потребностью во взаимной поддержке, приобретении необходимых родительских навыков и компетенций. Дополнительным мотивом может служить желание самореализации. При этом активисты родительских движений все чаще оперируют риторикой ответственного родительства в своих программах и проектах [10]. Особенно это заметно именно в отцовских сообществах и социальных сервисах таких, как папа-школы.

Мужское (отцовское) сообщество может рассматриваться как коммуникативная сеть, представляющая собой сочетание коммуникативной и гражданской активности индивидов, способов и инструментов их взаимодействия, общих целей, ценностей и интересов, ресурсов, обмена опытом [8]. Привлечение мужчин к участию в папа-школе в некоторых случаях выступает методом социальной работы, направленным на сохранение

целостности или психологическую поддержку семьи, находящейся в трудной жизненной ситуации или переживающей кризис [9].

В 2009 г. на базе городской научно-практической лаборатории по проблемам воспитания и семьи г. Нижнего Новгорода был создан координирующий, совещательно-консультативный орган «Совет отцов г. Нижнего Новгорода». Затем были разработаны Положения о школьных и районных советах отцов [11]. Результаты интервью с председателем городского Совета А.А. Зарембой, проведенного автором в ноябре 2017 г., показали, что отцовское движение актуализировалось после определенного инцидента: *«... у меня произошла неприятность с одним из сыновей, когда на уроке физкультуры какие-то посторонние взрослые дядечки отобрали у 3-классников мобильные телефоны чуть ли не под угрозой ножа...»*. Тогда был реализован проект по обеспечению безопасного пребывания детей в школе: *«... образование много говорит об этом, но, к сожалению, в бюджете на охрану: оплату работы ЧОПов, камер видеонаблюдения, тревожной кнопки – «0»... Я собрал несколько мужиков из родителей, кто небезразличен... и мы предложили директору школы организовать общешкольное родительское собрание. Я понимал, что вопрос будет упираться в деньги, мы обсудили, сколько это будет стоить, рассмотрели разные альтернативные варианты... поняли, что нам всем нужно скинуться условно по 400 рублей. Так и началась общественная работа... Сейчас эту концепцию мы продвигаем в других школах, организуем отцовские патрули на улицах, входим в профилактические комитеты»*.

Сегодня нижегородский Совет отцов активно развивается, не ограничиваясь деятельностью по защите детей. Систематизируются и реализуются следующие направления:

- духовно-нравственное и гражданско-патриотическое воспитание (участие в работе соответствующих ресурсных центров на базе школ г. Нижнего Новгорода, мероприятиях (реконструкции боев Великой Отечественной войны и т.п.) Нижегородского объединения военно-исторических клубов («НОВИК»), проведение «Уроков мужества» для школьников в форме рассказов о подвигах отечественных героев, акций, приуроченных ко Дню Победы, например, организация движения «Бессмертный полк» [11, с. 15-31];

- спорт и здоровьесбережение (организация и проведение «Дней здоровья»; вовлечение детей в спортивные секции и кружки; выезды в загородные клубы и туристские базы; совместное игровое

времяпровождение, в том числе участие в городском конкурсе «Папа, мама и я – спортивная семья», зимних спортивных играх «Вместе с папой»);

- профилактическое направление (участие в работе комиссий и экспертных советов по вопросам семьи и родительских общественных организаций; ведение агитационной работы в школах против формирования у подростков вредных привычек, в том числе обновление информационного диска «Жизнь без наркотиков»; популяризация семейных ценностей, ответственного родительства через местные и региональные СМИ, медиапроекты, например, участие в теле- и радиопередачах, публикация статей в газетах и сборниках). *«... Прошла встреча с Уполномоченным по правам ребенка в Нижегородской области... Мы говорили о том, что в отцовской организации будет разрабатываться отдельный проект по защите прав детей, юридическому ликбезу родителей. То есть... будет создана рабочая группа для решения вопросов не на этапе разбора, когда все уже случилось, а на этапе профилактики... Мы должны предотвращать конфликтные ситуации между родителями и учителями, детьми и родителями. Если реализовать эти задачи, ... будет меньше жалоб, критических ситуаций, меньше неадекватных родителей»,* – поделился Александр Заремба;

- добровольческое направление (участие в работе и/или организация родительских сессий, конференций и форумов отцов; проведение ежегодного конкурса «Папа года Нижнего Новгорода», награждение победителей, осуществление общественной экспертизы других семейных и родительских конкурсов через участие в экспертных комиссиях и жюри; разработка положения о медали «Отцовская слава», изготовление медалей для мам из многодетных семей ко Дню матери; участие в организации и проведении новогоднего городского школьного бала). Важнейшим добровольческим проектом Совета является создание базы взаимопомощи для осуществления патронажа и поддержки семей, находящихся в трудной жизненной ситуации, *«... содействия в поиске работы, юридического консультирования».*

- информационно-просветительское направление (организация работы сайта Совета отцов г. Нижнего Новгорода; организация передачи «Отцовский час» на радио и региональном телевидении; публикация научно-методических сборников, например, «Нижегородские отцы. Взгляд в будущее» (2017 г.); взаимодействие с Межрегиональной общественной организацией поддержки института семьи и традиционных семейных ценностей «Союз отцов»). А.А. Заремба является членом президиума центрального комитета «Союза отцов» и экспертом по вопросам создания общественных организаций, а

А.Н. Никифоров – председатель родительского комитета и Совета отцов одной из нижегородских школ, курирует развитие и работу наставнического движения. *«... Это говорит о том, что есть два человека, которые систематизируют работу отцовской организации уже на территории Российской Федерации, а не только Нижнего Новгорода. С нами советуются, нам присылают информацию, мы помогаем людям. Даже было такое: я в октябре от нижегородских отцов ездил в Новосибирск помогать проводить областную конференцию отцовского актива (круглый стол по вопросам ответственного отцовства «Создание и развитие советов отцов в образовательных учреждениях Новосибирской области. Реализация проектов в области ответственного отцовства» – примеч. автора), т.е. делимся опытом»,* – отмечает А.А. Заремба.

- наставничество и профориентационная деятельность (участие в совещаниях департамента образования администрации г. Нижнего Новгорода; проведение Дня отца; участие в Межрегиональном форуме по наставничеству «Наставничество как социальный инструмент» (октябрь 2017 г.), участие в работе первой международной конференции по наставничеству в России «Global Mentori» (ноябрь 2017 г.), команда Совета отцов г. Нижнего Новгорода награждена за лучший региональный план по запуску и развитию программы наставничества). Надо сказать, что, действительно, участники Совета отцов совместно с психологами активно разрабатывают и внедряют проект по профориентации школьников на территории г. Нижнего Новгорода. *«... проблема... состоит в том, что дети в 9-11 классах не понимают, не представляют, чем они хотят заниматься, как они будут жить и зарабатывать... 91% школьников мечтают пойти в высшее учебное заведение, и лишь 15% понимают, для чего они это делают. Все остальные идут, потому что «сказал папа»... Когда задают детям вопрос «Нравится ли тебе профессия твоего папы?», большинство говорят «Нет». В профессионально-образовательной среде есть такое понятие как «профессиональное выгорание», когда педагоги устают от своей работы, маленьких зарплат, и им опостылело все... От этого страдают дети. Мы принимаем во внимание недополучение образовательного уровня, конфликтные ситуации. ... У некоторых детей эмоциональное выгорание наступает уже в 4-ом классе, потому что заботливые родители пытаются их загрузить кружками, секциями, «английскими», «немецкими»... нужно/не нужно ... Наша наставническая программа позволяет сфокусировать внимание и родителя, и ребенка на конкретном курсе, кружке, которые ему реально пригодятся в*

будущем, в профессии... Вот почему, наряду с безопасностью школы, вторым значимым проектом стало профориентационное наставничество».

Программа профориентационного наставничества направлена на учеников 7-11 классов. Структура реализации проекта включает 4 этапа:

- 1) первичное психологическое консультирование и анкетирование школьников для определения профессиональных «коридоров» и учета их индивидуальных предпочтений, формирование групп по направленности;
- 2) посещение учебных заведений (в том числе реализующих программы среднего специального образования) для получения подробных сведений о различных специальностях, вступительных испытаниях и специфике обучения от преподавателей и студентов (Дни открытых дверей, конференции и открытые лекции для школьников и т.д.);
- 3) посещение предприятий и консультации с потенциальными работодателями по вопросам содержания и условий труда, особенностей занятости, размера заработной платы. *«Таким образом, ребенок получает двух наставников в лице родителя, который не перегружает его, и в лице работодателя»;*
- 4) повторное/финальное тестирование – психодиагностика профессиональных ориентаций ребенка с учетом его личностных особенностей, способностей, представлений и ожиданий, скорректированных в результате разностороннего знакомства с будущими профессиями. В результате родителям предлагается отчет-заключение по проведенному психологом исследованию/тестированию состояния здоровья, компетенций, профессиональных предпочтений и направленности, профпригодности. Первые три этапа проводятся бесплатно, четвертый – платно (стоимость услуги зависит от наполнения и глубины анализа). *«... Мы уже достигли каких-то договоренностей с администрацией... Нам нужно только согласовать цены на дополнительные услуги. Я хочу сказать, это же все нужно реализовывать, это масса людей, времени... Это должно работать, как часы...».*

Надо сказать, *«популярность городского Совета отцов достаточно высока»*. Однако, стремительное и многостороннее развитие нижегородского отцовского сообщества, выявило ряд проблем.

Во-первых, актуальна проблема финансирования: «... Мы действуем на добровольных началах, все за свои средства... Нам бы сейчас кто-то помог нашу инициативу развернуть на Интернет-пространстве, сайт наполнить информацией, чтобы люди не звонили круглые сутки, а просто могли заходить на сайт и черпать сведения... К сожалению, все не бесплатно, а закладывать деньги... В меценатство и самопожертвование я инвестирую и так достаточно много... Но мы не унываем, что-то делаем в этом направлении, ... ведем переговоры с парой партнерских организаций, есть интересные предложения, но любые коммерсанты... мы им должны что-то предложить. Это должна быть какая-то реклама... Если бы, например, 14 минут, которые телевидение должно продвигать социальную рекламу, минут 5 отдали бы общественным организациям, а мы бы эти минуты могли обменять на спонсорскую помощь! ... Мы бы получали некие средства, за каждую копейку бы отчитались, но они были бы на благие дела».

Во-вторых, существуют трудности в налаживании межведомственного взаимодействия и государственно-частного партнерства: «Сложность сегодня состоит в том, что масштаб организации вырос, и для реализации тех или иных проектов нам нужна помощь законодательной и исполнительной власти. Почему нельзя наладить взаимодействие межведомственное, чтобы делать красиво, значимо? Если будет создана ... государственная структура, которая объединит все организации, это было бы здорово! Я уверен, что государство сэкономило бы кучу денег в бюджете. ... Мы пытаемся сделать шаг вперед... Прошла у нас встреча с замом главы администрации города... Мы пришли к Уполномоченному по правам ребенка, ... я не просил о помощи, я предложил стать партнером нашего отцовского движения. Мы возлагаем надежды на то, что это будет продолжаться... взаимосвязь ... мы планируем в ближайшее время все-таки наладить ее».

В-третьих, проблематизируется создание и развитие регионального отцовского объединения в контексте роста запросов и мероприятий на фоне ограниченности человеческих, временных и финансовых ресурсов: «... Я выступил с инициативой, чтобы наша общественная работа велась на территории области. ... Бывает, из образовательных учреждений находят и спрашивают: «А поможете ли Вы нам?». Конечно, поможем! Но я не могу каждый раз срываться в другой город ради решения проблем одной школы, я ведь работаю... Я предложил в департаменте образования провести первый областной форум отцов. Областной. Не городской... На котором мы в составе городского Совета можем поделиться опытом, войти в рабочие

группы, которые будут зарождаться в области и начать работу шаг за шагом... Но Нижегородская область огромная... Если это будет как-то собрано, раз в полгода, какие-то большие областные конференции... но... основные мероприятия должны быть в областном центре. Здесь уже вопрос обеспечения: как область обеспечит явку отцов...».

При этом деятельность общественной организации сегодня хорошо структурирована не только по направлениям, за координацию и реализацию которых назначены ответственные, но и каналам, порядку обсуждения проектов и мероприятий: «До моего прихода отцы выполняли отдельные проекты, но все это носило достаточно несистемный, разрозненный характер... Мы что-то обсуждали как сверхнеобходимость... Но я постарался систематизировать наши проекты, отдельные направления. Плюс, для того, чтобы избавить отцов от лишних собраний, мы стараемся максимум вопросов решать дистанционно по телефону через мессенджеры, оповещения... И, конечно, когда мы собираемся, решаем какие-то конкретные задачи... То есть, если в повестке дня мы рассматриваем вопросы творчества, спорта ... время лимитировано... я выдерживаю только тех, кто влияет на реализацию конкретных направлений. Это позволило отцам абсолютно спокойно и правильно воспринимать собрания. Мужики иногда даже скучают, что не состоялись какие-то собрания, где-то не поучаствовали...».

В-четвертых, отмечается снижение уровня родительской культуры и изменение ценностей родительства и воспитания: «... К сожалению, в век Google-пространства многие родители стали не то чтобы «грамотными», а скорее растерянными от того, что много прав, и никто не объясняет им, где есть определенная граница... Сейчас пошло поколение родителей 1990-х, которые вообще не знают, что такое дисциплина, порядок, нравственность, гражданская позиция. Поэтому рассказывать детям этого поколения «Pepsi», назовем его так, о том, что есть такие слова, как «Родина», «любовь», «героизм», «подвиг»... сложно...».

Тем не менее, «сейчас очень актуальным становится отцовское движение на федеральном уровне – Союз отцов. ... Важно надежно закрепиться, для того чтобы в какой-то момент не быть просто инструментом непонятно в чьих руках... Это же все для детей! Даже благодарность Государственной Думы Российской Федерации не весит столько, сколько тепло ребенка».

В контексте трансформации современной семьи, механизмов внутрисемейного (родительско-детского, супружеского, межпоколенного, межсиблингового) взаимодействия отцовство часто оказывается индикатором или фактором дифференциации и дисфункций семей или, напротив, целостности и стабильности семейной экосистемы, обеспечением безопасности ее содержания и границ. Одним из каналов такой заботы сегодня являются общественные объединения отцов, которые становятся не просто источником накопления социального капитала, но и активным субъектом социальной политики, тем самым формируя и демонстрируя социальные практики ответственного родительства (отцовства). Поддержка таких практик является значимой и желательной как на местном и региональном, так и федеральном уровнях.

Несколько слов в заключение: *«... Зачастую родителей, особенно отцов, воспринимают как тяжелую рабочую силу для ремонта, перетаскивания чего-то ..., где не нужно включать интеллект... Мы ломаем стереотип, мы говорим, что мужчина – двигатель прогресса, он тот компас, который задает направление семье. Мы являемся тем самым активным примером, который позволяет детям ориентироваться и быть активными в обществе. То есть, они не то, чтобы социализируются в наших проектах, они, глядя на пап, на свои примеры, становятся нормальными мужиками, которые в дальнейшем создают семьи и помогают государству. ... К своему сожалению, зачастую, воспитывая детей, мы забываем о том, что начинать нужно с воспитания родителей».*

Литература

1. Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. М.: Изд-во Международного университета бизнеса и управления («Братья Карич»), 1996. 304 с.
2. Всероссийские переписи населения 2002, 2010, 2015 гг. // Росстат [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/inspection/vpn/vpn_popul.htm (дата обращения 27.11.17).
3. Воронин Г.Л., Егорова Н.Ю., Янак А.Л. Трансформация супружеских и родительских траекторий и новые вызовы социальной работы // Отечественный журнал социальной работы. 2017. № 1. С. 93-98.
4. Захаров С.В. Число зарегистрированных браков начало снижаться? // Демоскоп Weekly. 2015. № 625-626. 1-25 января 2015. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0625/tema01.php> (дата обращения 05.12.2017).

5. Кон И.С. Маскулинность в меняющемся мире // Вопросы философии. 2010. № 5. С. 25-35.
6. Липасова А.Н. Отцовство в гендерных режимах развитых стран // Женщина в российском обществе. 2016. № 2(79). С. 34-47.
7. Чернова Ж.В. Семейная политика в западноевропейских странах: модели отцовства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. XV. № 1(61). С. 103-122.
8. Безрукова О.Н. Практики ответственного отцовства: «папа-школа» и социальный капитал // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2012. № 3. С. 266-275.
9. Малышев А.Г. Влияние гендерно-чувствительных социальных сервисов (папа-школ) на вовлечение отцов в заботу о детях // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2017. № 1(45). С. 80-90.
10. Шпаковская Л.Л. Критика социальной политики государства в актуальной повестке дня сообществ родителей // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 2(67). С. 116-130.
11. Нижегородские отцы. Взгляд в будущее: научно-методический сборник. Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2017. 158 с.

A.L. Ianak

FATHERS IN THE FAMILY ECOSYSTEM

The article describes the role of modern fathers in the family ecosystem in the context of the transformation and variability of family and marriage relations. Presented the spread indicators of alternative models and family structures (for example, single parenthood, repeated and blended families, cohabitation), the changes in the parenthood institution (in particular fatherhood), difficulties of interpretation of these changes, the development of social practices of responsible paternity. Identified possible factors of fathers involvement in family processes, upbringing of children, including the civic initiative of men, their participation in the activities of public fathers' associations. Based on the interview with the chairman of the City Fathers Council of Nizhny Novgorod, the parents' motivation and responsibility of men, the directions and specificity of fathers interaction, prospects and problems of the development of the father's movement at the regional and federal levels.

Keywords: family ecosystem, family transformation, fatherhood, responsible fatherhood, fathers involvement, fathers communities.

4.3. СЕМЬЯ В СОЦИАЛЬНОЙ ИНКЛЮЗИИ ЛГБТ-ПОДРОСТКОВ

Темы гомосексуальности и положения ЛГБТ-людей в российском обществе занимают высокие позиции повесток общественных дискуссий. Возрастает интерес к проблематике и в рамках академического сообщества – с каждым годом увеличивается число статей по теме, проводятся узконаправленные конференции с участием ведущих специалистов в области социологии семьи и гендера. Однако, несмотря на декриминализацию гомосексуальности в России в 1993 г. и депатологизацию в 1999 г., стереотипное и предвзятое отношение к проблеме сохраняется как при обсуждении темы на публичных сценах, так и в научном сообществе. Параграф посвящен проблемам детско-родительских отношений в контексте сексуальной ориентации и гендерной идентичности подростков. На основе анализа зарубежных и отечественных исследований демонстрируется первостепенная роль экологии семьи в процессе социальной инклюзии ЛГБТ-подростков. Результаты исследования показали, что процесс каминг-аута перед родителями является кульминацией становления ЛГБТ-идентичности, а реакция родителей на раскрытие ребенка напрямую связана с характеристиками социальной инклюзии/эксклюзии.

Ключевые слова: сексуальная ориентация, гендерная идентичность, каминг-аут, ЛГБТ, гомофобия.

Формирование сексуальной и гендерной идентичности – сложный и многогранный процесс. Большинство специалистов сходятся во мнении, что осознание своей сексуальной ориентации происходит к 13-16 годам, при этом гомосексуальные подростки испытывают стойкое и непреодолимое желание открыться перед ближайшим окружением. Причиной потребности ЛГБТ-подростков¹ в самораскрытии является гетеронормативная матрица, покрывающая большую часть пластов социума, ставя подростка в положение «диссидента». Молодые люди, осознавшие свою гомосексуальную ориентацию, вынуждены жить в «другом мире», который предписывает подростку любить по гетеросексуальному образцу, что способствует развитию ролевого диссонанса – юные гомосексуалы попросту не знают, как вести себя с понравившимся человеком, не могут открыто говорить о своих чувствах, боясь осуждения и непонимания не только в среде ровесников, но и в семье.

Зарубежные исследования показывают, что 19% гомосексуальных подростков совершали попытки самоубийства или кончали жизнь самоубийством, т.е. в 2-3 раза больше, чем гетеросексуальные юноши, что

¹ Аббревиатура для обозначения лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров.

составляет до 30% всех покушений на самоубийство в этом возрасте [1, р. 33]. Исследование 630 гомосексуальных подростков, проведенное Д.Д. Исаевым [2], показало, что 26,5% молодых людей признались в том, что периодически думают о самоубийстве, а 10,8% заявили о конкретных попытках свести счеты с жизнью (в контрольной группе попытки суицида были лишь у 2,6% гетеросексуальных юношей). Единственным способом нивелирования напряженности и мучительного самоконтроля является каминг-аут (comingout – буквально – выход в свет) – открытое признание своей гомосексуальности, самораскрытие другим людям.

Клинические исследования показывают, что факторами увеличения риска суицида являются:

- 1) раннее обнаружение собственной гомосексуальности (ядерные гомосексуалы);
- 2) насилие и агрессия на этой почве;
- 3) обращение к алкоголю и наркотикам как попытка решения своих личностных проблем;
- 4) отвержение родителями.

В российской литературе по психологии и социологии нередко затрагиваются проблемы отношений родителей и детей в период их сексуального становления, однако исследователи межпоколенных проблем игнорируют особенности сексуальной ориентации и гендерной идентичности (далее СОГИ) молодых людей. При этом главным фактором межпоколенческих конфликтов считается «ценностный разрыв», связанный с ускоряющимся темпом социальных изменений. В этой связи представляется актуальным изучение процесса раскрытия сексуальной ориентации подростков как одного из базисных элементов системы детско-родительских отношений.

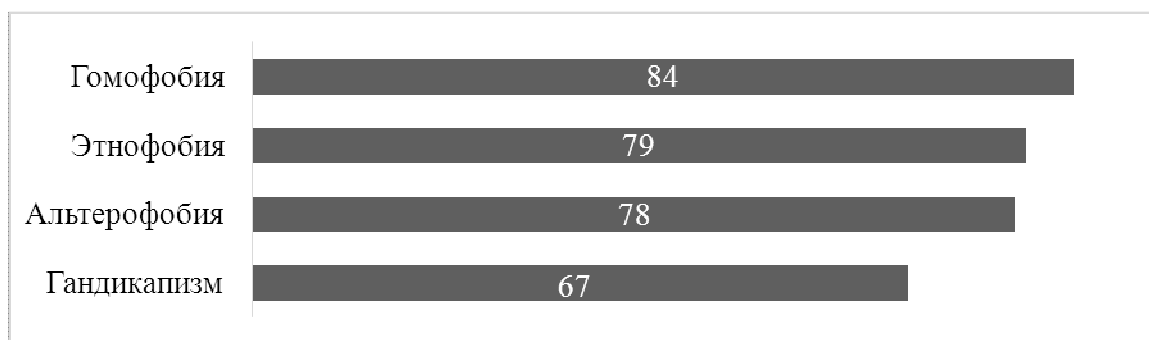

Рис. 1. Место гомофобии среди других форм ксенофобии, %

Уязвимое положение ЛГБТ-подростков доказывает и наше исследование, в рамках которого изучались различные виды ксенофобии в социокультурных пространствах нижегородских школ. Исследование показало, что гомофобия возглавляет иерархию форм ксенофобии в школах (рис. 1), а гомосексуальные подростки почти каждый день сталкиваются с различными формами буллинга [3].

Для ЛГБТ-подростков акт раскрытия своей идентичности перед другими представляет собой важнейшее, а зачастую ключевое решение в жизни. Этот шаг усложняется давлением со стороны гетеронормативного общества, которое может оказать фатальное влияние на всю жизнь молодых людей. Для тех, кто решается на этот шаг, «выход» перед семьей, особенно перед родителями, зачастую является самой большой проблемой. Российская ситуация усугубляется принятым законом «О запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних», усиливающий давление на таких детей и подростков, замыкая их в гомонегативистском дискурсе, лишая их необходимой поддержки, квалифицированной психологической помощи, а также ограничивая возможности их включения в общественную жизнь.

Исследование Д.Д. Исаева показало, что, по сравнению с гетеросексуалами, гомосексуальные молодые люди оценивают себя как более нежных, ранимых, хрупких, не уверенных в себе, неспортивных, тревожащихся, уступчивых, плаксивых, аполитичных и не склонных к лидерству [2]. В этом контексте подростки, начинающие осознавать свою гомосексуальность, должны получать поддержку и, в первую очередь, со стороны семьи.

Страх перед каминг-аутом и реальные негативные последствия хорошо изучены и включают такие компоненты, как неприятие, чувство вины и желание защитить семью от стресса. Тем не менее, результаты многих исследований показывают, что фактические процессы и последствия «выхода», включая последующую динамику семьи, сильно различаются между семьями. Некоторые родители отказывают в поддержке, в то время как другие приходят к согласию и/или поддерживают своих ЛГБТ-детей. Учитывая такую изменчивость, критически важным является вопрос, какие факторы и процессы имеют значение в процессе каминг-аута молодых людей перед семьей и каковы основные характеристики этого процесса.

Большинство исследований показывают, что родительская реакция на каминг-аут детей оказывается в разной степени негативной. Более того, согласно американским и европейским исследованиям, каждый второй случай каминг-аута перед родителями заканчивается крайне негативной реакцией,

сопровождающейся физическим и сексуальным насилием, давлением на ребенка, вплоть до выдворения из дома.

Наше исследование показывает результаты, схожие с другими отечественными и зарубежными данными. Было проанализировано 4300 анонимных писем ЛГБТ-подростков (Интернет-ресурс «Дети-404», 2017 г.). Большинство молодых людей, опубликовавших письма в Интернете, хотя бы перед кем-то совершали каминг-аут (91%). Полностью закрытых подростков оказалось 9% – эти дети никогда не открывали свою сексуальную ориентацию и гендерную идентичность перед другими. Лишь 23% ЛГБТ-подростков раскрылись перед своими родителями. В большинстве случаев реакция со стороны семьи оказывается негативной (62%), что может проявляться не только на вербальном, но и на физическом уровне. Лишь 38% из четверти раскрытых перед родителями подростков были приняты. В основном молодые люди открываются перед своими друзьями и знакомыми.

Во многих случаях, когда члены семьи узнают об ЛГБТ-идентичности их ребенка, они жалуются на разрушение ожиданий гетеросексуальности ребенка, что, в свою очередь, прямо влияет на последующие семейные отношения. В результате этого родители и дети могут начать дистанцироваться друг от друга в качестве способа ассимиляции новой информации на уровнях личного и семейного самосознания. Однако, как показывают исследования, дистанцирование и отчуждение, которые происходят в некоторых семьях, обычно преходящи. Например, при изучении процесса раскрытия в семьях Дж. Баптист и К. Аллен обнаружили, что «индивидуальные переживания вызвали напряжение в семейных отношениях, перешедшие затем в улучшение отношений» [4, р. 99].

Несмотря на высокую вероятность негативных реакций со стороны родителей на каминг-аут, большинство ЛГБ указывают на положительные психологические последствия самораскрытия перед родителями, независимо от родительской реакции [5, р. 191]. Таким образом, молодые ЛГБ, находящиеся в ситуации выбора, говорить или нет родителям о своей сексуальной идентичности, сталкиваются со сложными и противоречивыми импульсами и чувствами. С одной стороны, раскрытие сексуальной идентичности наверняка вызовет отвержение, возможно, агрессию, требование уйти из дома, психологическое давление. С другой стороны, желание быть открытым со своими близкими, построить искренние отношения, необходимость лгать о своей личной жизни, страх, что родители узнают сами из других, менее дружелюбных источников. Как было показано в исследовании С.С. Фадеева и М.Л. Сабунаевой, «независимо от того, каким образом происходил каминг-аут,

гомо-/бисексуалы всегда указывают на положительные изменения после его совершения:

- позитивное выстраивание отношений и снятие напряжения в межличностных контактах;
- ощущение внутренних сил и возможностей, осознание своей полноценности;
- повышающаяся взаимная степень доверия, освобождение от стигмы «неправильности» своего бытия, комфортность в общении, принятие своей идентичности» [6].

Кроме того, «адекватное, положительное восприятие своей сексуальности, раскрытие своей «инаковости» перед значимыми людьми, а также положительная реакция и принятие со стороны значимых других позволяют использовать адаптивные стратегии совладания с трудными жизненными ситуациями, влияют на самооценку, придают уверенность в своих силах. Было выявлено, что респонденты, которых принимает их семья, более открыты, откровенны и в то же время конкурентоспособны и активны, что согласуется с применением адаптивных копинг-стратегий» [6].

Что касается зарубежных исследований, то в связи с более обширной историей LGBTQ-studies, берущей начало в 1970-х гг., тема взаимоотношений с родителями людей с негетеросексуальной идентичностью разработана более обстоятельно. Чаще всего приводятся данные исследований о взаимосвязи каминг-аута и родительской реакции с показателями здоровья негетеросексуалов. На материале данных Массачусетской системы наблюдения за факторами риска (Ежегодное Массачусетское телефонное исследование, направленное на сбор данных о проблемах общественного здравоохранения), собранных с 2002 г., исследовались взаимосвязи между каминг-аутом перед родителями, опытом родительской поддержки, состоянием здоровья и рискованным поведением среди ЛГБ. Обнаружилось, что отсутствие каминг-аута перед родителями для гомо-/бисексуальных женщин связано с более высоким уровнем проявлений рискованного поведения и худшим психологическим состоянием (под рискованным поведением в данном случае подразумевается употребление алкоголя или наркотиков; психологическое состояние оценивалось самими респондентами).

Помимо самого факта открытия своей сексуальной идентичности перед родителями, важное значение для здоровья имеет и родительская реакция – насколько она является принимающей или отвергающей. Под отвергающими реакциями родителей понимаются игнорирование, агрессия, насилие, давление.

Под принимающими реакциями понимаются комментарии, поведение, отношение, установки и взаимодействие, которые демонстрируют принятие ребенка – прямые высказывания о том, что его/ее любят и принимают его/ее идентичность, общение семьи с ЛГБТ-друзьями ребенка, с партнером/партнершей, поддержка желаний ребенка выглядеть, как хочется, участвовать в активности, связанной с ЛГБТ-сообществом [7].

Исследование, проведенное Кэтлин Райан с коллегами в 2009-2010 гг., дало более развернутую картину: молодые ЛГБ в возрасте 21-25 лет сообщали о низком уровне семейной поддержки в связи с сексуальной идентичностью в подростковом возрасте, когда им было 13-19 лет, показали значительно более высокий уровень суицидальных мыслей и попыток по сравнению с участниками из принимающих семей. В два раза меньше участников из принимающих семей имели суицидальные мысли за прошедшие 6 месяцев по сравнению с теми, кто сообщил о низком уровне принятия в семье (18,5% и 38,3% соответственно), распространенность суицидальных попыток среди участников, которые сообщили о высоком уровне семейной поддержки, составила около половины от тех участников, чьи семьи проявили низкий уровень поддержки [7].

Факторы риска суицидального поведения в данном случае напрямую связаны с параметрами сексуальной идентичности, гендерной идентичности, возраста, когда наиболее вероятен стрессовый каминг-аут, и наличия родительской поддержки. Отвергающие реакции родителей после каминг-аута, социальное давление, предписания о том, какими должны быть «настоящие» мужчины и женщины, гомофобия и бифобия – в несколько раз увеличивают вероятность преждевременной смерти ЛГБТ-людей.

Депрессия и депрессивные состояния – еще один показатель здоровья, который был изучен в отношении к показателям принятия или отвержения родительской семьей гомо-/бисексуалов. Отсутствие родительской поддержки и принятия сексуальной идентичности взрослых детей значимо связано с проявлениями депрессии. Так, в исследовании К. Билз и Л. Пиплоу показано, что поддержка близкими сексуальной идентичности женщин-лесбиянок снижает риск появления симптомов депрессии. В течение двух недель участницы исследования ежедневно заполняли отчет о своем состоянии и об ощущении поддержки или обесценивания сексуальной идентичности со стороны близких. Через два месяца повторно оценивалось психологическое состояние участниц. Эффект влияния родительского отношения оказался важен не только для текущего состояния, но и для ближайшего будущего – спустя два месяца те, кто в период ежедневных отчетов сообщали о поддержке

идентичности со стороны близких, ощущали свое состояние как более благополучное по сравнению с теми, кто не чувствовал поддержки. Что касается ощущения обесценивания сексуальной идентичности со стороны близких (отвергающее поведение), то оно снижает уровень удовлетворенности жизнью, самоуважения и общего благополучия [8].

В уже упомянутом исследовании К. Райан выявлена связь между симптомами депрессии и опытом отвержения родителями в подростковом возрасте. Гомо-/бисексуальные мужчины и женщины – участники исследования И. Ротмана, чьи родители не проявили поддержки после каминг-аута, сообщили о том, что в течение предыдущего месяца (на момент исследования, независимо от момента каминг-аута) находились в депрессивном состоянии более 15 дней [5].

Отвергающие родительские реакции повышают и риск употребления психоактивных веществ – алкоголя и наркотиков молодыми ЛГБ. М. Розарио и коллеги оценили употребление психоактивных веществ молодыми ЛГБ в зависимости от реакций на их идентичность значимых для них людей – были ли эти реакции принимающими, нейтральными или отвергающими. Опыт принятия родителями снижал риск употребления. Интересно, что принимающие и отвергающие реакции могут существовать одновременно в одних и тех же отношениях, и в зависимости от индивидуального сочетания этих факторов снижается или повышается риск употребления психоактивных веществ для конкретного негетеросексуального человека. В вышеупомянутой работе И. Ротмана отмечено, что среди тех гомо-/бисексуалов, чьи родители не проявляли поддержки после каминг-аута, оказалось значительно больше злоупотребляющих алкоголем (мужчины) и имеющих опыт употребления наркотиков (женщины) [5].

В исследовании К. Райан также было показано, что употребление молодыми ЛГБ психоактивных веществ связано с отвергающими реакциями родителей после каминг-аута в подростковом возрасте.

Возвращаясь к российской действительности, отметим, что в статье «Социально-психологический портрет лесбиянок, геев и бисексуалов в современной России» М.Л. Сабунаева приводит статистику переживания депрессивных состояний и возникновения суицидальных мыслей у ЛГБ, живущих в России (82,4% и 63% соответственно), а также попыток суицида, в том числе неоднократных (24,3%).

Психологами замечено, что при сравнении групп гетеро- и гомосексуальных людей обнаруживается устойчивая тенденция к попаданию последних в группы риска по параметрам употребления психоактивных веществ, вероятности суицидального поведения, депрессии. Приведенные выше

исследования последнего десятилетия показывают, что важную роль в данном случае играет отношение родителей – между теми негетеросексуалами, которых родители принимают, и теми, кого отвергают, весьма ощутимая разница в негативных показателях здоровья.

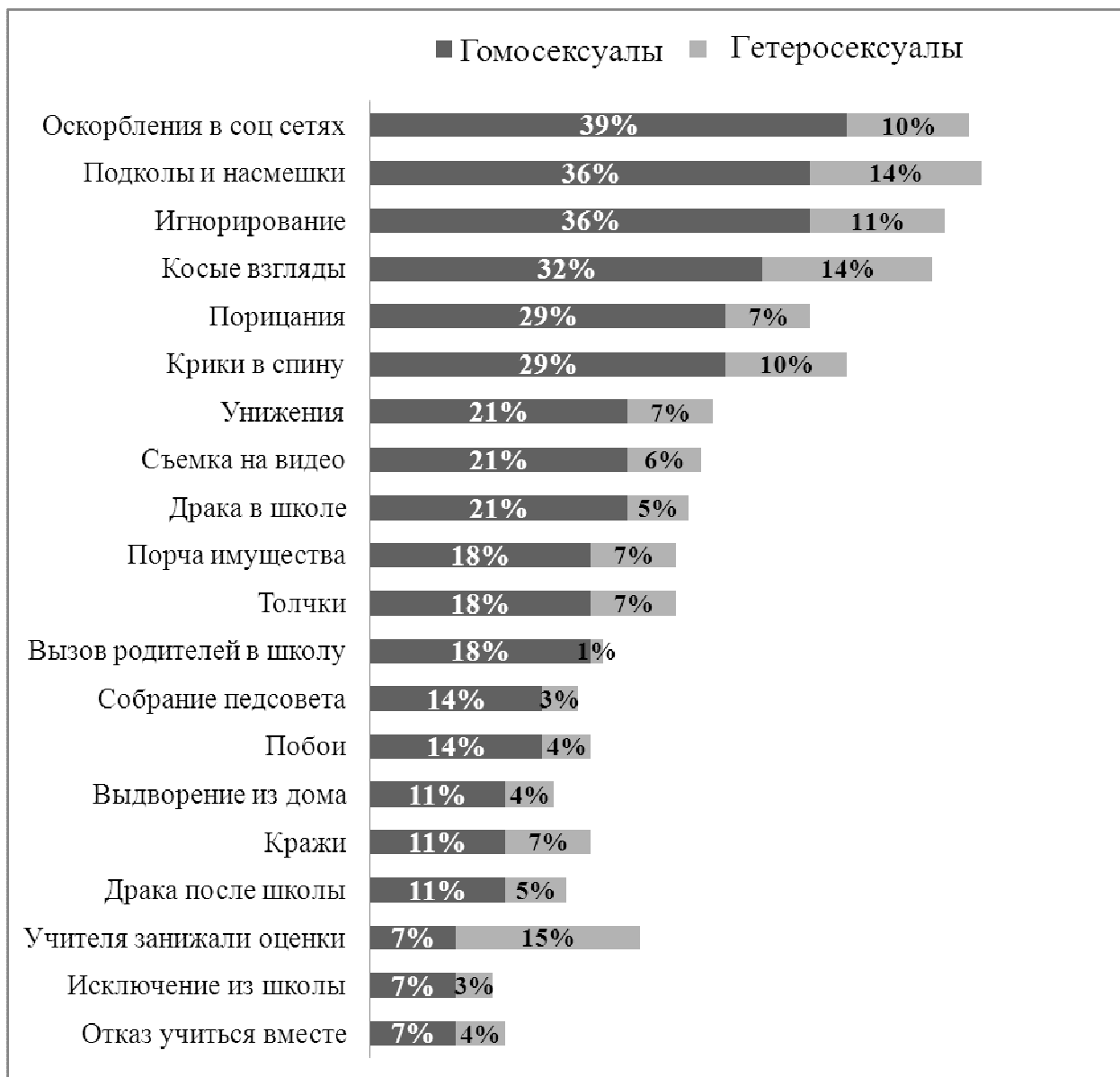

Рис. 2. Формы буллинга в нижегородских школах, %

В качестве отдельной темы можно выделить статус ЛГБТ-подростков в социокультурных пространствах школ (рис. 2). Количественный замер уровня ксенофобии в нижегородских школах позволил выявить наиболее уязвимые группы школьников в контексте насилия. Как уже было показано, наиболее уязвимой группой в школах оказались гомосексуальные подростки – 84%

школьников не готовы принять таких людей в своем ближайшем окружении (как друга, одноклассника, ученика своей школы) [3].

Рассматривая характеристики данной группы в контексте насилия, было установлено, что ЛГБТ-подростки в несколько раз чаще становятся жертвами различных форм насилия, среди которых на первый план выходят кибербуллинг, вербальное насилие и невербальные формы буллинга. Более того, подростки из данной группы почти в 3 раза чаще, по сравнению с общей выборкой, заявляют о том, что их выгоняли из дома. В этом контексте представляется важным изучение роли семьи в процессах социальной инклюзии/эксклюзии.

Рис. 3. Типы семей гетеросексуальных и гомосексуальных подростков

Рассматривая специфику семьи (рис. 3) данной группы школьников, мы выявили, что, по сравнению с основной выборочной совокупностью, полный состав семьи встречается почти на 20% реже. Однако среди ЛГБТ-подростков почти в 4 раза больше тех, кто проживает в так называемой многопоколенной семье, т.е. в семье, где помимо родителей живут родители родителей (бабушки/дедушки). Более того, ЛГБТ-подростки в 7 раз чаще заявляют о том, что живут отдельно, что может быть индикатором как хорошего материального обеспечения, так и проблем внутри семьи.

Результаты исследования показали прямую связь родительской поддержки и принятия ЛГБТ-детей не только с индивидуальными характеристиками (психическое здоровье, степень самопринятия, самооценки), но и с дальнейшими процессами социальной инклюзии/эксклюзии (аддиктивное поведение, отношения с друзьями, одноклассниками, учителями, школьным буллингом).

Литература

1. Jarman D. At your own risk. Asaint's testament. London, Hutchinson. 1992.
2. Исаев Д.Д. Копинг-поведение гомосексуальных подростков: пособие для врачей / Д.Д. Исаев, Д.Г. Пирогов. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский научно-исследовательский психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева, 2001. 28 с.
3. Шорыгин Е.А. Характеристики альтерофобии в школе / Е.Е. Кутявина, Е.А. Шорыгин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2017. № 1 (45). С. 99-107.
4. Baptist J.A., & Allen K.R. A family's coming out process: Systemic change and multiple realities, Contemporary Family Therapy. 2008. pp. 30-99.
5. Rothman E.F., Sullivan Mairead, Keyes Susan, Boehmer Ulrike. Parents' Supportive Reactions to Sexual Orientation Disclosure Associated With Better Health: Results From a Population-Based Survey of LGB Adults in Massachusetts, Journal of Homosexuality. 2012. Vol. 59. № 2.
6. Фадеев С.С., Сабунаева М.Л. Самораскрытие как ключевой фактор становления гомосексуальной идентичности // Возможен ли «квир» по-русски? ЛГБТК-исследования. Междисциплинарный сборник / сост. и ред. В.В. Созаев. СПб.: Интан, 2010. С.137-142.
7. Петрова Е. До и после камин-аута: отношения с родителями. СПб.: ЛГБТ-инициативная группа «Выход», 2015. 35 с.
8. Beals K.P., Peplau L.A. Identity support, identity devaluation and well-being among lesbians// Psychology of Women Quarterly. 2005. № 29. P. 140-148.

THE FAMILY IN THE SOCIAL INCLUSION OF LGBT-TEENS

The issue of homosexuality and the of LGBT community in Russian society are both in headlines and public agendas. There is an increasing interest to it in the academic community too- the number of relevant articles steadily grows every year, regularly held conferences welcome leading experts in family sociology and gender to discuss this problem in depth.

However, despite decriminalization of homosexuality in Russia in 1993 and its further depatologization in 1999, a stereotypical and biased attitude to it still prevails while discussing the topic publicly and in the scientific community. The paragraph focuses on problems of parent-child relations in the context of adolescent sexual orientation and gender identity. Based on the analysis of foreign and domestic research, the primary role of family ecology in the process of social inclusion of LGBT adolescents is demonstrated. The results of the study showed that the process of coming out in front of parents makes the culmination of emergence of LGBT identity, and the reaction of parents to the child's disclosure is directly related to the characteristics of social inclusion/exclusion.

Keywords: sexual orientation, gender identity, coming out, LGBT, homophobia.

4.4. СИБЛИНГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СЕМЕЙНОЙ ЭКОСИСТЕМЕ

Если рассматривать семью на мезоуровне, важно учитывать сообщества, которые напрямую или опосредованно влияют на нее. На микроуровне необходимо охватить значимые вертикальные и горизонтальные родственные связи (родителей супругов, братьев и сестер). Семья – это сочетание отношений между родителями и детьми, между супругами и межсиблинговые отношения. Социология постепенно актуализирует исследования детской подсистемы, опираясь на результаты исследований в области медицины, психологии, педагогики. Представлены результаты анкетного опроса школьников (n=60), в возрасте 13-16 лет об опыте взаимодействия с сиблингами. Результаты показывают, что младший ребенок может испытывать привязанность к старшему брату/старшей сестре. Среди опрошенных, кто имел младшего сиблинга, выражали как заботливое, так и отстраненное отношение к нему. Подтверждается тезис о различном уровне доверия в диадах: девушки больше доверяют сестрам, но юноши в равной степени выражают готовность делиться чем-то с сиблингом.

Ключевые слова: семейная структура, сиблинги, сиблинговые отношения, социальное окружение.

Семья – специфическая форма организации, которая характеризуется наличием родственных связей или свойства, устойчивыми межличностными отношениями, совместным хозяйством [1]. В структуру семьи входят родительско-детская, супружеская и сиблинговая подсистемы.

Термин «сиблинги» трактуется российскими учеными как проживающие в одной семье братья и сестры [2, с. 32]. В англоязычных источниках представлено несколько интерпретаций понятия: родные братья и сестры, а также полусиблинги, сводные сиблинги [3]. Сиблинги тесно связаны генетическими и семейными узами, их объединяют общие социальные условия. Но учитывая данный контекст, можно сказать, что дети даже с минимальной разницей в возрасте будут отличаться по характеру, когнитивным способностям, личностным потенциалом. На протяжении всей жизни взаимоотношения между сиблингами могут изменяться, т.к. обстоятельства (внешние и внутренние) способны сблизить или оттолкнуть братьев и/или сестер друг от друга.

Сиблинговая подсистема не только позволяет проследить динамику семейной жизни, но и влияние этой структуры на индивидов. Она может рассматриваться как набор статусов, ролей, которые обуславливают характер социализации личности. В случае, если каждый ребенок в семье значим, он

вместе с братом/сестрой учится делиться, договариваться, уважать мнение другого. В соперничестве сиблинги осваивают навыки постановки конкретных целей и задач для собственного развития.

Взаимоотношения сиблингов могут варьироваться в зависимости от:

- 1) пола (в женских парах наблюдаются более тесные связи, чем в отношениях между братьями или братьями и сестрами);
- 2) разницей в возрасте (оптимальная разница 2-3 года);
- 3) семейного положения (одинокое больше стремятся к общению со своими сиблингами);
- 4) родительским статусом (бездетные сиблинги готовы помогать в воспитании племянников).

Данные позиции могут варьироваться и в зависимости от разницы в возрасте, например, если она незначительна, сиблинги будут воспринимать друг друга как сверстники, если более десяти лет, отношения будут носить отдаленный характер.

Сиблинговая подсистема выполняет важные функции, например, коммуникативную, досуговую, взаимодействие между братьями и сестрами занимает большую часть повседневной жизни во многих семьях, и в ранние детские годы братья и сестры проводят больше времени друг с другом, чем со сверстниками. Сиблинги существуют как общее в отношении к ним со стороны других членов семьи. Сиблинги взаимодействуют в особом пространстве, которое не доступно взрослым, могут общаться на «своем языке», выстраивают собственные правила коммуникации, иногда старшие дети диктуют условия младшим (в детстве, например, в играх), в повседневной жизни (с кем дружить, какие обязанности выполнять по дому). Семейная среда формирует определенный образ жизни, каждый сиблинг усваивает свой набор статусов, реализует потенциал. Активность и самостоятельность, развитые в детстве, помогают в дальнейшем обучении в школе, построении карьеры в будущем.

Структура родственных связей влияет на детей через два основных механизма: распределение ресурсов в семье, взаимодействие между родителями и детьми, между братьями и сестрами. Можно добавить, что младшие братья и сестры требуют увеличения материальных и нематериальных ресурсов семьи, в том числе происходит переключение родительского внимания в семье на них. В большинстве случаев, когда появляется младший ребенок в семье, старшие сиблинги начинают ревновать и проявлять негативные эмоции. Причины могут быть связаны с желанием оставаться

центром внимания родителей, нежеланием брать ответственность за себя и сиблинга.

Семейный климат зависит не только от количества детей в семье, разницы в возрасте между братьями и сестрами. Важна интеллектуальная и культурная среда, которую создают и поддерживают родители. Первенцы, как правило, имеют более высокие устремления, поэтому ориентируются на более высокий уровень образования. В российских условиях, например, обеспечить всем детям высшее образование в многодетной семье очень сложно, поэтому обучение на платной основе может расцениваться детьми для одних как привилегия, для других как депривация.

Для анализа конфликтности между сиблингами нужно подробно рассмотреть сиблинговые позиции. Старший сиблинг стремится к высоким достижениям, может остро воспринимать замечания. Среднему ребенку в семье приходится проявлять гибкость, так как он находится одновременно в позициях старшего и младшего. Ему приходится в развитии тянуться за старшим или даже опережать его, чтобы «заслужить» внимание и похвалы родителей. Находясь между братьями или сестрами, он может стать зависимым, замкнутым, проявлять робость либо, напротив, быть агрессивным, сильна вероятность проявления двойственности характера. Младший ребенок находится под вниманием взрослых и старших детей, поэтому он может использовать эту позицию и пытаться применять ее как жизненную стратегию в сложных для себя обстоятельствах. Опекаемый другими членами семьи, он стремится избежать ответственности, перенести ее на других. В конфликтных ситуациях родители чаще видят виновниками старших детей, что обостряет взаимоотношения между детьми.

Перспективы социализации в двухдетной и многодетной семье позволяют усвоить сиблингам множество ролей, например, связанных с выполнением домашних обязанностей. Во многих семьях может проявляться асимметрия, девочек чаще привлекают к работе по дому, чем мальчиков. Кроме того, старшим детям часто предписывается заботиться о младших детях, поэтому они берут на себя большую ответственность по сравнению с однополыми младшими братьями и сестрами [4]. В характере сиблинговых отношений, основанном на опыте в родительской семье, можно предположить образ их будущих семей. В многодетных семьях, например, родители ожидают, что старшие дети возьмут на себя дополнительные обязанности, станут примером для подражания.

В чем проявляется соперничество между сиблингами? Взрослые сравнивают детей, ставят в пример более успешного, по их мнению, ребенка,

возможно, чтобы уравнивать их достижения. Дети в этом случае стремятся превзойти брата/сестру или замыкаются в себе, становятся агрессивными. Конкуренция между детьми может продолжаться и во взрослой жизни. Здесь важна позиция родителей, их авторитет.

Несмотря на вынужденный характер отношений в детстве, сиблинги в течение нескольких жизненных периодов могут вновь актуализировать родственные связи. Различные жизненные обстоятельства могут приводить к эмоциональному сплочению сиблингов, нередко и решению жить совместно. Это связано с потребностью в материальной поддержке, помощью в воспитании детей (если родители в силу различных причин не могут или с ними конфликтные отношения).

Сложнее сохранить поддерживающие отношения, когда сиблинги создают свои семьи. Вследствие переезда одного из сиблингов, смерти или наличия зависимости, инвалидности одного из членов экосистема семьи может замкнуться, что ограничит ее социальные связи и чревато угрозой разрушения.

При изучении семьи на микроуровне важно учитывать не только родительско-детские отношения, но и отношения между сиблингами, особенно в ситуации ребенок с инвалидностью – здоровый ребенок. Братья и сестры могут воспринимать эту проблему как свою, направленную против них, т.к. родители обычно переключают свое внимание на больного ребенка. В ситуации инвалидности одного из детей велика вероятность проявления со стороны его сиблинга психологического насилия, эмоционального отторжения.

Морально-психологический климат может быть неустойчивым, если в семье только один родитель. Независимо от причины неполноты семейной структуры (инвалидность, развод, смерть одного родителя, внебрачное рождение) дети оценивают свой статус в ней как неполноценный.

В исследовании К. Росса, М. Мартин, К. Дунливи [5] были выделены основные мотивы общения, такие как привязанность, включенность, удовлетворенность. Количество братьев и сестер, очередность рождения, состав семьи могут формировать и подвергать изменениям характер взаимодействия между сиблингами. Наличие эмоциональной близости обуславливает частоту телефонных звонков и причины для встреч. Ученые обращают внимание, что в сестринской паре более близкие отношения. Во взрослой жизни сиблинги стараются поддерживать межличностные отношения для реализации личных интересов и потребностей.

В исследованиях зарубежных авторов подчеркивается, что сиблинги объединены хозяйственно-бытовой обязанностью через организацию и выполнение совместного ухода за пожилыми родителями, присмотром за

племянниками. В 2009 г. ученые из Индии Ш. Нандвана и М. Катош [6] провели анкетирование с целью анализа форм сиблинговых отношений. В выборку вошли респонденты в возрасте от 40 до 60 лет (родители одного ребенка и более). Социологи выявили особенности взаимодействия взрослых сиблингов: их собственные семьи переживают период «пустого гнезда», т.к. свои дети выросли, учатся или создали свои семьи, а родители нуждаются в уходе, в результате связи с братьями/сестрами становятся необходимыми, т.е. актуализируются, восстанавливаются и поддерживаются.

Авторское исследование, проведенное в 2017 г. в школах г. Нижнего Новгорода, было направлено на изучение особенности сиблинговых отношений в подростковом возрасте. В нем приняло участие 20 юношей и 40 девушек в возрасте 13-15 лет. В целом все респонденты положительно отзываются о своем брате/сестре, но все же между ними возникали конфликтные ситуации.

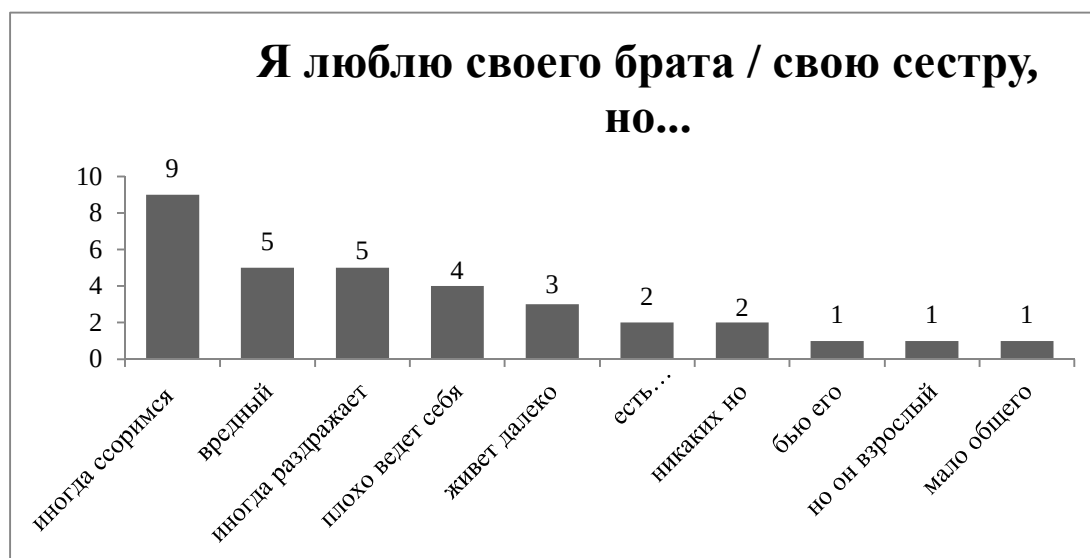

Рис. 1. Характеристика сиблинга

Результаты исследования показали: почти половина детей не скрывали, что отношения с братом/сестрой неидеальны, в особенности девочки (один из ответов – плохо ведет себя), у которых есть младший брат, мальчики выражаются более резко, что он/она иногда раздражает, у них мало общего. Несмотря на разногласия, школьники согласны уделять внимание и поддерживать сиблинга, выражают надежду, что у них в «жизни будет все хорошо».

Рис. 2. Ожидания родителей (по мнению детей)

Ответы респондентов по вопросу «Наши родители хотят, чтобы мы...» можно разделить на несколько групп: установки в целом на детей и индивидуальные достижения. Взрослые стремятся, по мнению школьников, видеть внешние проявления отношений, не углубляются в сферу детских интересов.

Для подростков, принявших участие в исследовании, соперничество не является основной характеристикой отношений с братом/сестрой. Исследование показало, что между ними существует эмоциональная связь, в которой заинтересованы, прежде всего, младшие братья/сестры.

Роль братьев и сестер в последнее время исследуется не только в детском и подростковом возрасте, но подчеркивается важное значение sibлинговых связей в жизни пожилых людей.

В статье Scott A. Myers и C. Rittenour [7] анализируются типы поддерживающего поведения от подросткового до позднего возраста sibлингов. От 55 лет и старше наблюдается возрастание значимости брата и/или сестры. В это время свои дети, как правило, создают семьи, сам sibлинг выходит на пенсию, прежние социальные связи обрываются. Человек сталкивается со многими проблемами: потерей (частичной или полной, в зависимости от профессиональной деятельности) трудоспособности, одиночеством. Он может чувствовать неопределенность, страх, возможно, он пережил смерть супруга, друзей, коллег. Sibлинговые отношения подкрепляются эмоциональными связями, заложенными в детстве, sibлинги

могут поддерживать друг друга и материально. В результате, мы можем наблюдать, что эти отношения длятся всю жизнь.

Сиблинговые позиции и разница в возрасте между детьми закладывает основу для формирования стиля общения, формы взаимодействия как в детстве, так и во взрослой жизни. Наличие разнообразия социальных ролей может помочь сиблингам успешно социализироваться. В формировании системы отношений между детьми участвуют все члены семьи.

Развитие ребенка необходимо рассматривать в контексте взаимоотношений внутри семьи, а также в ее окружении. Уровни социального взаимодействия образует единую экосистему семьи, в которой переплетены формальные или неформальные подсистемы. Туда могут входить родственники, друзья, соседи, коллеги, педагоги, общественные организации.

На микроуровне сиблинговая подсистема играет существенную роль в формировании индивидуальности. В этой структуре отсутствует правило большинства при принятии решений, поэтому сиблинги прибегают к переговорам, сотрудничеству, обмениваются мнениями и ресурсами. По мере расширения этой подсистемы (рождение младших сиблингов) динамика отношений внутри группы может кардинально измениться. Младший ребенок может выступать в качестве посредника и сокращать конфликты или стать их источником. Возможно также, что старшие дети объединятся против младшего и ограничат с ним общение.

На личность ребенка, самосознание влияют такие характеристики, как пол, возраст, когнитивные способности, уровень здоровья, темперамент. В процессе социализации он смотрит на сиблинга и сравнивает себя, это может продолжаться всю жизнь. В представленных результатах исследований можно проследить зависимость характера отношений между сиблингами от конфигурации семьи, возраста, очередности рождения, отношения отца/матери к сиблингам, привязанности друг к другу, причем не только в детском, но и в старшем возрасте.

Описание семейной структуры, роль братьев и сестер присутствует в каждой культуре. Соответственно, неудивительно, что существуют определенные ожидания у родителей, кто и в каком объеме будет заботиться о них, что взрослые сиблинги не перестанут общаться и помогать друг другу.

Сиблинговые отношения представляют собой уникальные связи между индивидами. Они могут быть наиболее влияющими и значимыми, потому что являются единственными, которые зарождаются с детства и остаются во взрослой жизни. В результате между сиблингами может появиться прочное партнерство. Социальные связи, которые могут быть задействованы на

протяжении всей жизни, служат основой самореализации и успешной социализации.

Сиблинговые отношения являются продолжительными и распространенными видами связей. Согласно микропереписи 2015 г., в 31% домохозяйствах двое детей, в 9% – трое и более детей [8]. Происходящие трансформации в семейной структуре, ориентации на однодетность приводят к тому, что у детей отсутствует возможность освоить те роли, которые существуют в межличностном взаимодействии с сиблингом. Это отражается на содержании социализации и жизненных ориентирах ребенка.

Преимущества наличия сиблинговой подсистемы в экосистеме семьи:

- разветвленная сеть родственников;
- потенциально расширенный социальный капитал;
- возможность дополнительной материальной и нематериальной поддержки.

Особенности:

- сравнение собственного жизненного сценария с сиблингами;
- распределение ресурсов неравномерно (в том числе и нематериальных, например, участие родителей в воспитании, помощи взрослым детям), в отличие от однодетных семей;
- дополнительная ответственность за сиблингов.

Литература

1. Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб, 1998. 272 с.
2. Лукьянченко Н.В. Социально-психологические особенности сиблинговых отношений как значимый фактор становления и жизненного пути зрелой личности // Психологическая наука и образование. 2010. № 1. С. 31-40.
3. White L. Sibling relationships over the life course: A panel analysis // Journal of Marriage and Family 63. 2001. Pp. 555-568.
4. Jennifer L. Sibling Closeness and Similarity and the Presence of Perfectionism // Crowe Submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Psychology in the Department of Clinical Psychology. 2013. Pp. 81.
5. Rocca K., Martin M., Dunleavy K. Siblings' Motives for Talking to Each Other / Kelly A. Rocca, Matthew M. Martin, Katie Neary Dunleavy // The Journal of Psychology. 2010. 144(2), Pp. 205-219.
6. Nandwana, S., Katoch, M. Perception of sibling relationship during middle adulthood years: A Typology // Journal of the Social Sciences. 2009. Vol. 21(1). Pp. 67-72.

7. Myers Scott A., Rittenour C. Demographic and Relational Predictors of Adult Siblings' Use of Relational Maintenance Behaviors // Journal of the Communication, Speech & Theatre Association of North Dakota. Volume 24. 2011/2012. Pp. 1-17.
8. Об основных итогах федерального статистического наблюдения «Социально-демографическое обследование (микрореперись населения) 2015 года». [Электронный ресурс]. Доступ через: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/doklad.pdf (дата обращения 14.12.2017).

I.G. Golubeva

SIBLING RELATIONS IN THE FAMILY ECOSYSTEM

If we examine the family at a mesolevel, it is important to consider the communities that directly or indirectly influence it. At a microlevel it is necessary to cover significant vertical and horizontal family ties (parents of spouses, brothers and sisters). Family is a combination of relations between parents and children, between spouses as well as intersibling relations. Sociology is gradually placing children's subsystem into the focus of its scientific attention based on the results of research in medicine, psychology and pedagogics. The paper presents the results of a questionnaire survey how schoolchildren (n=60), aged 13-16 years, interact with siblings. The results show that the youngest child may feel strong attachment to an elder brother / elder sister. Those surveyed who had a younger sibling expressed both caring and detached attitude towards him. The paper confirms the statement about variable level of trust in dyads: girls trust sisters more but young men equally express readiness to share something with a sibling.

Keywords: family structure, siblings, sibling relations, social environment.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Экологичность семьи – суммирующее качество всех составляющих ресурсности, ценностных ориентаций, усилий здоровьесбережения, заботы о здоровом потомстве и долголетьи прародителей. Несмотря на безусловную значимость финансово-материального положения семьи, *определяющую роль* следует отдать субъектному фактору, интенциям родительского ядра главным образом на обеспечение здоровья и здорового образа жизни. Здоровье, как и семья, продолжают сохранять свои позиции в ценностной шкале, укореняясь в качестве традиционной ценности, передающейся от поколения к поколению, сохраняющей безопасность полиэтнической страны – Российская Федерация. Здоровая семья – ведущий актер трансформации современного мира, его экологического пространства.

Глобальные экологические сдвиги, особенно в промышленно развитых странах и регионах, серьезным образом влияют на здоровье, продолжительность жизни населения, подвергая современную семью различным негативным взаимодействиям. Минимизировать, нейтрализовать их – содержание экономической, социальной, социокультурной политики государств и усилий самой семьи. Чтобы правильно ориентироваться в решении сложнейших задач, необходимо традиционные направления исследований в социологии семьи дополнить разнообразной экологической тематикой. Это поможет поддержанию процесса непрерывного развития, наращивания семейного капитала, конвертируемого в межпоколенную справедливость, обеспечению доступа разных поколений к ресурсам дружелюбной к людям окружающей среды.

Рассмотрение современной семьи с позиции бифуркационных внутрисемейных процессов позволяет выявить изменения в воспитательной функции в данном социальном институте. Потребительское настроение женщин-матерей, а также низкий уровень пенсионного обеспечения большей части представителей третьего поколения способствуют усилению их активизации в сфере трудовой деятельности, что отрицательно отражается на функционировании института семьи и брака. Данный тип бифуркации, как и реализация воспитательной и социализирующей функций через электронные коммуникативные сети, провоцируют отмирание постфигуративного и кофигуративного типов культурного обмена информацией между поколениями. Современная полная семья все интенсивнее перестраивается в префигуративном векторе культурного обмена.

Информационная безопасность семейной экосистемы подвергается сегодня серьезным испытаниям. Рискуют подвержены все семейные подсистемы, все стороны жизни человека – общественная, профессиональная, интимно-личностные связи, межличностные отношения. Противодействию угрозе нарушения целостности и конструктивного функционирования семейной экосистемы должны быть подчинены усилия гражданских институтов, семейной политики, самой семьи как института и малой социальной группы, научного сообщества.

В контексте трансформаций современной семьи (не только в России), изменений во внутрисемейном взаимодействии отцовство ответственное и вовлеченное играет все более значимую роль в сохранении стабильности и целостности семьи, ее экологичности. Это относится к отцам и в полных семьях, и в монородительских. Нездоровье, инвалидность детей, которое, к сожалению, до сих пор приводят к уходу отца из семьи, сужает свое влияние в пространстве ответственности отцовства.

Здоровье и все, что с ним связано, оказывается самым показательным примером взаимосвязи биологического, психологического и социального компонентов личности, семьи и общества в целом. В монографии продемонстрировано, насколько далеко за пределы отдельной личности и биомедицинского дискурса распространяется проблематика здоровья. Выходя за границы традиционных научных представлений, она охватывает вопросы культурной обусловленности поведенческих практик в отношении здоровья, рассматривает их в социально-культурном контексте семьи как носителя норм, ценностей и правил. Но эта связь оказывается сложнее и характеризуется взаимной обусловленностью семейной успешности и здоровья, поскольку физическое и психическое благополучие членов семьи становится главным фактором повышения ее ресурсности.

Очевидно, что эта взаимная обусловленность не реализуется сама собой: семья нуждается в помощи со стороны государства и институтов гражданского общества. Особенно четко это проявляется при изучении семей с вынужденной дисфункциональностью, которая не является следствием традиционных деструктивных факторов, например, родительского алкоголизма или наркомании. Такая семья, как никакая другая, нуждается в компетентных советах в рамках профессиональных медицинских консультаций и групп самопомощи, в образовательных и антистигматизационных мероприятиях, в общественной оценке и признании собственных усилий в повышении своего потенциала и социальной субъектности.

Признание сохранения здоровья приоритетом социальной политики государства, необходимость выработки инновационных подходов к реабилитации инвалидов и членов их семей должны повлечь за собой повышение доверия к институтам гражданского общества в силу их глубокой вовлеченности в решаемые проблемы, понимания реальных потребностей семей и необходимых для их решения механизмов.

САРАЛИЕВА Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна

Доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

В 1958 г. окончила исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, диплом по специальности «история»; 1983 г. – ученая степень доктора исторических наук. Профессор, заведующая кафедрой с 1983 г., в 1985 г. присвоено звание профессора. Ассоциированный научный сотрудник Социологического института РАН.

Круг научных интересов: проблемы социальных процессов современности; социальные институты; социальная политика; теория и практика социальной работы; проблемы современной семьи; родительство.

Автор более 300 научных и научно-методических публикаций, в том числе:

1. Саралиева З.Х. Голос детей и детский взгляд на взрослые проблемы / З.Х. Саралиева, Е.Е. Кутявина // СОЦИС. 2018. № 3. С. 70-76.
2. Саралиева З.Х. Пожилые в российской негосударственной социальной работе / З.Х. Саралиева, И.Э. Петрова // Журнал исследований социальной политики. 2018. Т. 16. № 1. С. 95-108.
3. Саралиева З.Х. Экологическая культура: социальная ответственность и личный интерес студентов / З.Х. Саралиева, Г.С. Широкалова, П.И. Куконков // Социология образования. 2017. № 5. С. 43-56.
4. Саралиева З.Х. Социальная экология как поле конфликтов интересов / З.Х. Саралиева, Г.С. Широкалова, П.И. Куконков // Конфликтология. 2017. № 3. С. 108-121.
5. Саралиева З.Х., Отделкина Т.Н., Янак А.Л. Родительство как ценность // Российская молодежь: социально-демографический портрет и система ценностей в контексте многонациональной основы Российского государства // Коллективная монография / Под редакцией С.В. Рязанцева, Т.К. Ростовской. Москва: ООО «Издательско-торговый Дом «Перспектива», 2017. 600 с. С. 345-377. <https://elibrary.ru/item.asp?id=27604025>.
6. Саралиева З.Х. Helping Parents With Chores or Going Out With Friends: Cultural Differences in Adolescents' Responses to Potentially Conflicting Expectations of Parents and Peers / Tamm A., Kasearu K., Tulviste T., Trommsdorff G., Saralieve Z.K.-M. // Journal of Adolescent Research. 2017, 32 (4), pp. 456-478. DOI: 10.1177/0743558416637425
7. Саралиева З.Х. Субъект-субъектная парадигма в основе помогающих профессий // Помогаящие профессии: научное обоснование и инновационные технологии / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. – Нижний Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2016. 864 с. С. 592-596. <https://elibrary.ru/item.asp?id=27557865>.
8. Саралиева З.Х. Социальная политика в России и Китае: раздел в монографии / Отв. ред. З.Т. Голенкова. М.: Новый хронограф, 2016. 528 с. <https://elibrary.ru/item.asp?id=28180080>.

Читаемые курсы: «Основы семейной терапии», «Семья – клиент социальной работы», «Социокультурные функции семьи», «Современные подходы к исследованию семьи: макро- и микроуровни», «Система социальной работы».

ВОРОНИН Геннадий Леонидович

Доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского

В 1979 г. окончил Высшее политическое училище МВД СССР, в 1986 г. окончил Горьковский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, историк, преподаватель обществоведения.

В 1995 г. окончил аспирантуру ИС РАН, защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидат социологических наук (специальность 22.00.06 – социология культуры и духовной жизни) «Философско-социологический анализ духовной структуры личности и общества»; в 2003 г. окончил докторантуру ННГУ им. Н.И. Лобачевского и защитил диссертацию «Социологический анализ духовной составляющей социального взаимодействия» на соискание ученой степени доктора социологических наук (специальность 22.00.06 – социология культуры и духовной жизни); в 2001 г. присвоено ученое звание доцента. Ведущий научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН).

Круг научных интересов: социальное взаимодействие; субъективное благополучие; удовлетворенность жизнью, детерминанты и индикаторы; статистический анализ социологической информации.

Автор 138 научных и научно-методических публикаций, в том числе:

1. Воронин Г.Л., Янак А.Л. Монородительские семьи: их типы и социальный портрет одинокого родителя // Женщина в российском обществе. 2018. № 1(86). С. 53-66. DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.5. https://womaninrussiansociety.ru/wp-content/uploads/2018/03/Voronin_53_66.pdf
2. Воронин Г.Л. Динамика социально-экономического поведения российских домохозяйств (1994-2016 гг.) // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). Вып. 8 [Электронный ресурс]. Сб. науч. ст. / отв. ред. П.М. Козырева. – Электрон. текст. дан. (объем 10 Мб). – М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2018. 191 с.: илл. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM), 12 см. DOI: 10.17323/978-5-7598-1825-0 С. 8-99. URL: https://www.hse.ru/data/2018/06/21/1152561475/Вестник_РМЭЗ_НИУ_ВШЭ_2018.pdf
3. Воронин Г.Л. Модель определения формы супружества: социально-демографические факторы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. № 3(47). Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2017. 154 с. С. 71-78. URL: <http://www.vestnik-soc.unn.ru/2017.pdf>
4. Воронин Г.Л. Трансформация супружеских и родительских траекторий и новые вызовы социальной работы // Отечественный журнал социальной работы. 2017 г. № 1. С. 93-98. ISSN: 2307-1125. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30060508>
5. Voronin G.L., Zakharov V.Ia., Kozyreva P.M. Who Lives Well in Russia? Monitoring Survey 1994-2013 // Sociological Research. Economy, Employment and Lifestyle in Russia. 2017. Volume 56. Pp. 363-387. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10610154.2017.1393218>
6. Воронин Г.Л. Счастливые или удовлетворенные жизнью: эмпирическая интерпретация понятий // Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия / Под общ. ред. проф. З.Х. Саралиевой: В 2 т. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2017. 644 с. С. 120-125.

Читаемые курсы: «Социология», «Статистический анализ социальной информации в IBM SPSS Statistics», «Современные социологические теории и школы».

СУДЬИН Сергей Александрович

Доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

В 2000 г. окончил ННГУ им. Н.И. Лобачевского, бакалавр социальной работы; в 2002 г. – магистр социологии, в 2005 г. окончил аспирантуру, защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата социологических наук «Соотношение обыденных и научных представлений о психических болезнях» (специальность 22.00.04 – социальная структура, социальные институты и процессы).

В 2017 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора социологических наук по теме: «Социологический анализ роли институтов гражданского общества в работе с психически больными и их семьями» (специальность 22.00.04 – социальная структура, социальные институты и процессы).

Круг научных интересов: Социология медицины и здоровья; социология психического здоровья; роль негосударственных организаций в сохранении общественного здоровья.

Автор 53 научных и научно-методических публикаций, в том числе:

1. Саралиева З.Х., Судьин С.А. Взаимодействие государства и НКО, действующих в сфере социально-психиатрической работы // Отечественный журнал социальной работы. № 1. 2017. С. 69-77.
2. Судьин С.А. Общественные организации в психиатрии: социологический анализ: монография. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2016. 166 с.
3. Судьин С.А. Психическая болезнь в массовом сознании: динамика представлений // Личность. Культура. Общество. Т. 16. № 1-2. 2014. С. 254-262.
4. Судьин С.А. Психическое здоровье как фактор школьного насилия в России и США // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. № 4(32). 2013. С.100-105.
5. Судьин С.А. Психическая болезнь и семья: объективные и субъективные проблемы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 2. 2012. С. 390-395.
6. Судьин С.А. Гендерный аспект социологии медицины и здоровья / Женщина в российском обществе. № 4. 2012. С. 24-31.
7. Судьин С.А. Опыт внедрения семейного патроната как инновационной формы предотвращения социального сиротства // Социальная политика и мир детства в современной России / Коллективная монография под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой и Е.П. Антоновой. М.: ООО Вариант, 2009. С. 165-181.

Читаемые курсы: «Социальная эксклюзия и пути ее преодоления», «Технологии социальной работы с семьей психически больного», «Социальная работа с семьей ребенка-инвалида», «Социальные проблемы труда», «Социальная работа в психиатрии», «Международный опыт социальной работы», «Психология личности».

ШПИЛЕВ Дмитрий Анатольевич

Доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского; профессор кафедры криминологии НА МВД России.

В 2001 г. окончил ННГУ им. Н.И. Лобачевского, магистр социологии; в 2002 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата социологических наук «Россия и Германия: проблема ценностей в процессах трансформации общества» (специальность 22.00.04 – социальная структура, социальные институты и процессы).

В 2012 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора социологических наук «Социальные трансформации современного немецкого общества: многофакторный социологический анализ» (специальность 22.00.04 – социальная структура, социальные институты и процессы).

Круг научных интересов: социология молодежи, социология ценностей и ценностных ориентаций, социология социальных изменений, социология права и преступности.

Автор 70 научных и научно-методических публикаций, в том числе:

1. Шпилев Д.А., Алексеев С.А. Преступность несовершеннолетних в Германии: профилактика и изучение // Социально-правовая защита детства как приоритетное направление современной государственной политики. 2018. С. 735-740.
2. Шпилев Д.А., Глухова А.А., Иудин А.А. Старшеклассники о наркотиках в Интернете: результаты пилотажного исследования // Актуальные проблемы экономики и права. 2017. Т. 11. № 1. С. 129-151.
3. Шпилев Д.А., Глухова А.А., Иудин А.А. Оценка гражданами уровня доверия полиции и защищенности от преступных посягательств // Актуальные проблемы экономики и права. 2017. Т. 11. № 3(43). С. 56-80.
4. Шпилев Д.А., Глухова А.А., Шапошников Е.Л. Противостояние криминалу: право и правосознание. Социологический анализ / Под общей ред. проф. А.А. Иудина. Нижний Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2017. 128 с.
5. Социология в схемах, таблицах и определениях: учебное наглядное пособие. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2017. 94 с.
6. Шпилев Д.А., Глухова А.А., Иудин А.А. Социология права: феномен разрухи // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. № 1. С. 170-179.

Читаемые курсы: «Прикладные методы научного исследования»; «Криминология»; «История и методология социологии»; «Социология права»; «Современные социологические теории».

ЕГОРОВА Надежда Юрьевна

Кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

В 1999 г. окончила факультет социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, магистр по направлению «Социология».

В 2004 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата социологических наук по теме «Институционализация отношений сожительства» (специальность 22.00.04 – социальная структура, социальные институты и процессы).

Круг научных интересов: социология семьи и демография, социальная работа с семьей и детьми, социальная семейная политика.

Автор 62 научных и научно-методических публикаций, в том числе:

1. Егорова Н.Ю., Судьин С.А. Социокультурные корни школьного насилия // Российская молодежь: социально-демографический портрет и система ценностей в контексте многонациональной основы российского государства / Коллективная монография // Под ред. чл.-корр. РАН, д.э.н., проф. С.В. Рязанцева и д.соц.н., проф. Т.К. Ростовской. М.: ИТД «Перспектива», 2017. 600 с. ISBN 978-5-905790-28-7. С. 546-569.
2. Егорова Н.Ю. Трансформация супружества в контексте семейных ценностей // Вестник Пермского Национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. № 2. С. 18-32.
3. Егорова Н.Ю. Сожительство в брачных стратегиях молодых: восприятие и практики // Женщина в российском обществе. 2016. № 2 (79). С.12-21.
4. Мир внутрисемейного взаимодействия // Жизненные миры современной семьи: монография / З.Х. Саралиева, В.А. Блонин, Н.Ю. Егорова [и др.]. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2015. 264с. ISBN 978-5-91326-338-4.
5. Егорова Н.Ю. Молодая семья в контексте социологии семьи / Н.Ю. Егорова, Е.Е. Кутявина, З.Х. Саралиева // Личность. Культура. Общество. 2015. Т. 17. № 3-4. С. 195-206.
6. Егорова Н.Ю., Сизова И.Л. Имеет ли российская семья шанс стать солидарной? // Социологические исследования. 2014. № 4. С. 97-102.

Читаемые курсы: «Семьеведение», «Социология семьи», «Социальная работа с разными типами семей», «Деятельность служб социальной защиты и социальная помощь семье», «Современные концепции семьи», «Современные модели семейных отношений», «Основы семейной терапии», «Технологии формирования ответственного родительства».

ЕРМИЛОВА Анна Вячеславовна

Кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

В 1998 г. окончила Ивановский государственный энергетический университет, присуждена квалификация «Социолог», «Преподаватель социологии».

В 2003 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата социологических наук на тему «Лица без определенного места жительства как маргинальная группа в современном российском обществе» (специальность 22.00.04 – социальная структура, социальные институты и процессы).

Круг научных интересов: социальная структура российского общества, маргинальность как социальное явление, специфика активизации лиц пожилого возраста.

Автор 31 научных и научно-методических публикаций, в том числе:

1. Ермилова А.В. Региональное проблемное поле волонтерства / А.В. Ермилова, И.А. Исакова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 2. С. 88-97.
2. Ермилова А.В. Специфика волонтерской деятельности в современной России: региональные практики / А.В. Ермилова, И.А. Исакова // Вестник Пермского Национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. № 4. С. 48-57.
3. Ермилова А.В. Научно-теоретические и эмпирические разработки кафедры общей социологии и социальной работы ННГУ в области социальной политики государства / А.В. Ермилова, М.В. Курникова // Отечественный журнал социальной работы. 2017. № 1. Москва. С. 102-120.
4. Ермилова А.В. Жизнь после развода родителей в восприятии детей: социологический аспект // Женщина в российском обществе. № 1(78). 2016. С. 69-79.
5. Ермилова А.В. Развод глазами ребенка: социологический аспект // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 1. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2015. С. 115-120.

Читаемые курсы: «Теория социальной работы», «Основы социального государства», «Социальная политика», «Занятость населения», «Социальная работа с ищущими работу», «Социальная работа с бездомными», «Социология спорта, социологические исследования в менеджменте спорта», «Социальная работа с коммерческими секс-работниками», «Технологии социальной работы с безработными».

ЗАХАРКИНА Татьяна Николаевна

Кандидат социологических наук; заместитель декана по воспитательной работе факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского; ассистент кафедры общей социологии и социальной работы.

В период с 2007 по 2016 гг. окончила бакалавриат, магистратуру и аспирантуру факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

В 2016 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата социологических наук по теме «Формирование и сопровождение замещающей семьи как формы жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (специальность 22.00.04 – социальная структура, социальные институты и процессы).

Круг научных интересов: социология семьи, социология молодежи, социальная политика.

Автор 35 научных и научно-методических публикаций, в том числе:

1. Захаркина Т.Н., Исакова И.А. Детство в условиях информатизации общества // Географии детства: междисциплинарный синтез исследовательских подходов и практик: материалы междунар. молодежной научной школы-конференции, Владивосток, 29-31 мая 2018 г. / отв. ред. А.Г. Филиппова. СПб.: Астерион, 2018. С. 96-99.
2. Захаркина Т.Н. Родительство как ценность семьи // Российская молодежь: социально-демографический портрет и система ценностей в контексте многонациональной основы Российского государства / Коллективная монография // Под ред. чл.-корр. РАН, д.э.н., проф. С.В. Рязанцева и д.соц.н., проф. Т.К. Ростовской. М.: ИТД «Перспектива», 2017. 600 с. С. 345-377.
3. Захаркина Т.Н. Школа принимающих родителей как фактор успешной социализации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Социализация человека в современном мире в интересах устойчивого развития общества: междисциплинарный подход. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Калуга: ФБГОУ ВПО Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, 2017. С. 318-326.
4. Захаркина Т.Н. Медиация в системе формирования и сопровождения замещающей семьи // Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой: В 2 т. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2017. С. 432-436.
5. Захаркина Т.Н. Формирование института замещающей семьи: история и современность // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. Пенза, 2015. № 4. С. 104-112.

Читаемые курсы: «Многодетная семья в современной России», «Основы социологии детства», «Семья как объект социальной политики».

ИСАКОВА Инна Александровна

Кандидат социологических наук, доцент кафедры, общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

В 2009 г. окончила Владимирский государственный университет им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых по специальности «Социальная работа».

В 2013 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата социологических наук по теме «Социальное влияние городской транспортной рекламы на жителей города» (специальность 22.00.04 – социальная структура, социальные институты и процессы).

Круг научных интересов: социология рекламы, социология массовых коммуникаций, социология города, социология семьи, социология конфликта, медиация, медиасоциология, анализ Интернет-зависимости как социальной проблемы.

Автор более 30 научных и научно-методических публикаций, в том числе:

1. Исакова И.А., Ермилова А.В. Региональное проблемное поле волонтерства // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2018. № 2 (50). С. 88-97.
2. Исакова И.А. Детство в условиях информатизации общества // Географии детства: междисциплинарный синтез исследовательских подходов и практик: материалы междунар. молодежной научной школы-конф., Владивосток, 29-31 мая 2018 г. / отв. ред. А.Г. Филиппова. – СПб.: Астерион, 2018. 296 с. С. 96-99.
3. Исакова И.А. Новые практики семейного взаимодействия в современном информационном пространстве // Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой: В 2 т. Т. 2. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2017. 903 с. С. 444-447.
4. Исакова И.А., Ермилова А.В. Специфика волонтерской деятельности в современной России: региональные практики // Вестник Пермского Национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. № 4. С. 48-57.
5. Исакова И.А., Мигунова А.В. Медиация для молодежи: возможность или необходимость? // Личность. Культура. Общество. 2016. Т. 18. № 3-4 (91-92). С. 103-111.

Читаемые курсы: «Медиативный подход в профессиональной сфере», «Проблема социальной работы с молодежью», «Социальная работа с молодежью», «Социальная работа с пожилыми», «Социальная реклама», «Теория и практика медиации», «Этические основы социальной работы».

КУРНИКОВА Мария Владимировна

Кандидат медицинских наук, доцент кафедры адаптивной физической культуры Института реабилитации и здоровья человека ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

В 1996 г. окончила Нижегородскую государственную медицинскую академию, врач по специальности «Лечебное дело».

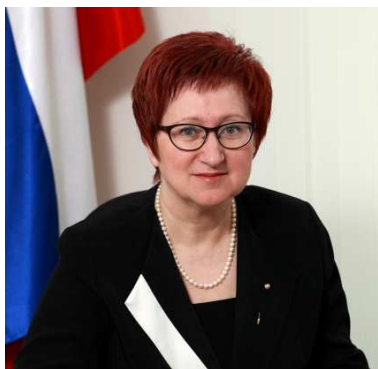
В 2009 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидат медицинских наук «Состояние морфофункционального статуса высококвалифицированных спортсменов подросткового возраста» (специальность 14.00.51 – восстановительная медицина).

Круг научных интересов: организация физкультурно-оздоровительной деятельности детей, подростков и молодежи с отклонениями в состоянии здоровья; адаптация к физическим нагрузкам детей и подростков с инвалидностью; социальное самочувствие семьи с ребенком-инвалидом.

Автор 52 научных и научно-методических публикаций, в том числе:

1. Курникова М.В., Ермилова А.В. Научно-теоретические и эмпирические разработки кафедры общей социологии и социальной работы ННГУ в области социальной политики государства / Отечественный журнал социальной работы. № 1. 2017. С. 102-120.
2. Курникова М.В. Физкультурные праздники как средство формирования положительного отношения к занятиям адаптивной физической культурой / Адаптивная физическая культура. № 1(69). 2017. С. 11-15.
3. Zverev Yu.P., Kurnikova M.V. Adapted community-based group aquatic program for developing balance: a pilot intervention study involving children and adolescents with cerebral palsy / Journal of Physical Education and Sport. 2016. Vol. 16 (4). pp. 1258-1265.
4. Курникова М.В. Взаимодействие социальных партнеров для формирования навыка круглогодичной двигательной активности детей и подростков с инвалидностью // Помогающие профессии: научное обоснование и инновационные технологии: Материалы Международной научно-практической конференции (Н. Новгород, 15-16 сентября 2016 г.). – Н. Новгород: изд-во НИСОЦ, 2016. С. 707-713.
5. Курникова М.В. Изучение отношения лиц с ограниченными возможностями здоровья различных нозологических групп к занятиям адаптивной физической культурой (на примере физкультурных праздников) / Адаптивная физическая культура. № 1(57). 2014. С. 35-37.

Читаемые курсы: «Частные методики адаптивной физической культуры», «Мониторинг физического состояния в адаптивной физической культуре», «Психология болезни и инвалидности».

ОТДЕЛКИНА Надежда Тимофеевна

Уполномоченный по правам человека в Нижегородской области.

Окончила Новосибирский институт инженеров водного транспорта и Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, факультет юриспруденции.

С 1992 г. трудилась в департаменте образования и науки, министерстве образования Нижегородской области. В 2002 г. перешла работать в систему социальной защиты начальником управления семейной политики министерства труда и социальной защиты Нижегородской области.

В 2009-2013 гг. заместитель министра социальной политики Нижегородской области. Курировала вопросы формирования и реализации государственной политики в отношении старшего поколения, инвалидов, семьи и детей, социального обслуживания и оказания мер социальной поддержки населению.

В соответствии с Законом Нижегородской области от 28.12.2012 г. № 167-З «Об Уполномоченном по правам ребенка в Нижегородской области» избрана Областным Законодательным Собранием на должность Уполномоченного по правам ребенка в Нижегородской области. 28 марта 2013 года приняла присягу и вступила в должность.

В соответствии с Законом Нижегородской области от 09.01.2004 г. № 3-З «Об Уполномоченном по правам человека в Нижегородской области» избрана Областным Законодательным Собранием на должность Уполномоченного по правам человека в Нижегородской области. 24 сентября 2015 года приняла присягу и вступила в должность.

Автор 3 научных и научно-методических публикаций

1. Отделкина Н.Т. Концепция соблюдения прав и свобод граждан: региональный аспект // Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой: В 2 т. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2017. С. 71-73.
2. Отделкина Н.Т. Развитие института приемной семьи в Нижегородской области как профессиональной замещающей семьи // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки, 2013. № 6 (1). С. 452-456.
3. Балабанов С.С., Отделкина Н.Т., Саралиева З.Х., Ушакова М.В. Нижегородские семьи: городские и сельские. Нижний Новгород, 2009. 111 с.

ПОПЕЛЬ Александр Александрович

Кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

В 1999 г. окончил НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, специальность «Лингвистика и межкультурная коммуникация», в 2005 г. окончил аспирантуру, защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата психологических наук «Развитие социальной креативности студентов в контексте профессиональной подготовки» (специальность 19.00.07 – педагогическая психология).

Круг научных интересов: психология креативности, когнитивная психология, английский язык для специальных целей.

Автор 25 научных и научно-методических публикаций, в том числе:

1. Попель А.А. Обусловленность креативности возрастным фактором // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. №3. С. 142-153.
2. Попель А.А. Перспективы развития социальной креативности // Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой: В 2 т. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2017. С. 309-313.
3. Попель А.А., Маркова Т.В., Коптелов А.О. Философские и психологические проблемы творчества: учебное пособие. Нижний Новгород, 2017. 102 с.

Читаемые курсы: «Психология личности», «Подготовка научных публикаций на английском языке для опубликования в иностранной периодической печати», «Теория дискурса», «Социологические аспекты социальной креативности».

РЯБОКОНЬ Мария Владимировна

Ассистент кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

В 2012 г. окончила ННГУ им. Н.И. Лобачевского, бакалавр социологии; в 2014 г. – магистр социологии. В 2017 г. окончила аспирантуру, защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата социологических наук «Социальные компоненты поведения абитуриентов (на примере классического университета)» (специальность 22.00.04 – социальная структура, социальные институты и процессы).

Круг научных интересов: социология образования, социология управления.

Автор 22 научных публикаций, в том числе:

1. Рябоконт М.В., Черномор М.С. Информационно-коммуникационная стратегия университета как средство привлечения абитуриентов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. № 2. 2017. С. 90-95.
2. Рябоконт М.В., Черномор М.С. Принятие абитуриентами решения о выборе вуза (на примере приема в ННГУ им. Н.И. Лобачевского) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. № 1. 2017. С. 79-87.
3. Саралиева З.Х., Рябоконт М.В. Модели поведения абитуриентов при выборе вуза // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. № 4. 2016. С. 177-185.
4. Рябоконт М.В. Семья и система образования // Жизненные миры современной российской семьи / Коллективная монография под ред. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород, 2015. С. 157-177.

Читаемые курсы: «Методика преподавания социальных наук», «Методика преподавания социальной работы», «Социология средней школы».

УШАКОВА Яна Владимировна

Кандидат социологических наук, заведующая Учебно-исследовательской лабораторией социологических исследований кафедры отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, ст. преподаватель кафедры отраслевой и прикладной социологии.

В 1995 г. окончила Всероссийский заочный финансово-экономический институт по специальности «Экономика и социология труда».

В 2010 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата социологических наук по теме «Практики самосохранительного поведения студенческой молодежи: социологический анализ» (специальность 22.00.04 – социальная структура, социальные институты и процессы).

Область научных интересов: социология образа жизни, социология здоровья, социология молодежи.

Автор более 30 научных и научно-методических публикаций, в том числе:

1. Ушакова Я.В. Восприятие городской социальной рекламы студентами Нижегородского университета // Социальные преобразования и социальные проблемы. Выпуск 17. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2017. С. 71-80.
2. Ушакова Я.В. Здоровье молодежи: характеристика и опыт исследований // I чтения памяти В.Т. Лисовского / Под ред. Т.К. Ростовской, Т.Э. Петровой. Электрон. дан. М.: Перспектива, 2017. С. 285-288. 346 с. <https://goo.gl/CC4wYk>.
3. Ушакова Я.В. Мотивация выбора вуза и специальности в контексте формирования человеческого капитала // Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия. Международная научно-практическая конференция (14-15 сентября 2017 г.). Нижний Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2017. Т. 2. С. 612-617.
4. Ушакова Я.В. Досуговые предпочтения студентов Нижегородского университета // Социальные преобразования и социальные проблемы. Сборник научных трудов (Выпуск 16). Нижний Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2016. С. 106-116.
5. Ушакова Я.В. Методы контрацепции: информированность и практика использования в подростковой среде // X Международная научная конференция «Сорокинские чтения» «Здоровье российского общества в XXI веке: социологические, психологические и медицинские аспекты». Сборник материалов. Электронное издание. М.: Издательство Московского университета, 2016. С. 854-856.
6. Ушакова Я.В., Ёркина Т.С. Проблемы и перспективные направления реформирования ЕГЭ // Социальные преобразования и социальные проблемы. Сборник научных трудов (Выпуск 15). Нижний Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2015. С. 143-156.
7. Ушакова Я.В., Зернов Д.В. Здоровый образ жизни как поле социальной работы // Специфика профессиональной деятельности социальных работников / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2015. С. 247-258.

Читаемые курсы: «Социология здоровья», «Введение в эмпирическую социологию». Руководитель учебной и производственной практик студентов 1-4 курсов направления «Социология».

ШИНКАРЕНКО Елена Александровна

Кандидат социологических наук, доцент Межвузовского центра по разработке концептуальных основ и содержания гуманитарного образования факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

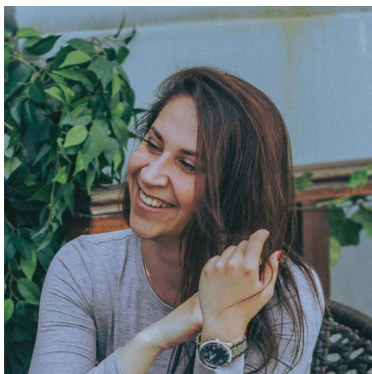
В 2004 г. окончила ННГУ им. Н.И. Лобачевского, бакалавр социологии; в 2006 г. – магистр социологии, в 2009 г. окончила аспирантуру, защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата социологических наук по теме «Деятельность рекламиста по созданию образов в российской телевизионной рекламе» (специальность 22.00.04 – социальная структура, социальные институты и процессы).

Круг научных интересов: социология молодежи, социология профессий, социология образования, проблемы молодежи на рынке труда.

Автор 45 научных и научно-методических публикаций, в том числе:

1. Оффлайн и онлайн ресурсы для поиска работы в оценках студентов вузов Нижнего Новгорода // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 1(1) 2014. С. 487-493.
2. Социальные проблемы молодежи в представлениях студентов вузов Нижнего Новгорода // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 1 (119). 2014. С. 168-180.
3. Взаимодействие вузов и бизнеса в трудоустройстве студентов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. № 2. 2014. С. 156-167.
4. Социальные проблемы в представлениях нижегородских студентов (на материале ННГУ им. Н.И. Лобачевского) / Кутявина Е.Е., Петрова И.Э., Шинкаренко Е.А. // СОЦИС. № 11. 2013. С. 39-46.

Читаемые курсы: «Социология рекламы»; «Социология молодежи»; «История русской социологии»; «Компьютерные программы для обработки текстов».

ЯНАК Алина Леонидовна

Заведующая Межкафедральной учебно-исследовательской лабораторией по социальной работе при кафедре общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

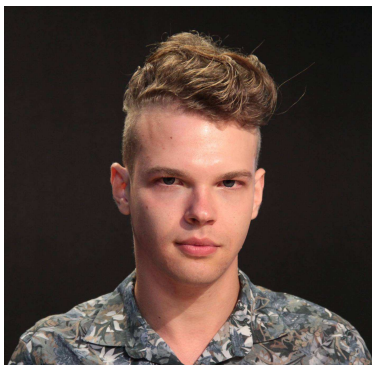
В 2013 г. окончила ННГУ им. Н.И. Лобачевского, бакалавр социальной работы; в 2015 г. – магистр социальной работы.

В 2018 г. окончила аспирантуру по специальности 22.00.04. – социальная структура, социальные институты и процессы, готовит к защите диссертацию на соискание ученой степени кандидата социологических наук на тему: «Социальные практики отцовства в современной российской семье».

Круг научных интересов: социология семьи, социология родительства, социальные практики отцовства, альтернативные формы семейных отношений, социальная работа с семьей, мужские родительские организации.

Автор 39 научных публикаций, в том числе:

1. Воронин Г.Л., Янак А.Л. Монородительские семьи: их типы и социальный портрет одинокого родителя // Женщина в российском обществе. 2018. № 1. С. 53-66.
2. Янак А.Л. Трансформация родительства и отцовства в обществе постмодерна // Вестник Пермского Национального исследовательского политехнического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2018. № 1. С. 118-126.
3. Саралиева З.Х., Отделкина Т.Н., Янак А.Л. Родительство как ценность // Российская молодежь: социально-демографический портрет и система ценностей в контексте многонациональной основы российского государства / Коллективная монография // Под ред. чл.-корр. РАН, д.э.н., проф. С.В. Рязанцева и д.соц.н., проф. Т.К. Ростовской. М.: ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2017. 600 с.
4. Янак А.Л. Практики постразводного отцовства: некоторые проблемы в осуществлении родительской роли // Политика и общество. 2016. № 3. С. 369-373.
5. Егорова Н.Ю., Янак А.Л. Отцовская семья как новый клиент социальной работы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2014. № 2 (34). С. 42-46.

ШОРЫГИН Евгений Александрович

Аспирант кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

В 2015 г. окончил ННГУ им. Н.И. Лобачевского, бакалавр социологии; в 2017 г. защитил магистерскую диссертацию на тему «Процесс каминг-аута в системе детско-родительских отношений».

В 2016 г. – выпускник кафедры междисциплинарной сексологии (Российское научное сексологическое общество, Москва). Член Европейской Конфедерации Психоаналитической Психотерапии.

Круг научных интересов: квир-теория, социология молодежи, гендерные исследования, психоанализ, сексология.

Автор 25 научных публикаций, в том числе:

1. Кутявина Е.Е., Шорыгин Е.А. Характеристики альтерофобии в школе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. № 1(45). 2017. С. 99-107.
2. Шорыгин Е.А. Гендерные режимы в школах // Журнал социологии и социальной антропологии. Тематический номер. Современные исследования гендера и сексуальности: теоретические разработки и эмпирические изыскания. 2017. Том XX. № 5. С. 167-186.
3. Шорыгин Е.А. Психоаналитическая и интеракционистская теории идентификации: общее и особенное // Psychology of the 21st century: theory, practice, prospect: materials of the V international scientific conference on February 15-16, 2015. Prague: Vmdecko vydavatelskij centrum «Sociosfýra-CZ». p. 16-24.
4. Шорыгин Е.А. Распространенность и особенности восприятия молодежных субкультур в современных школах // Молодежная галактика. 2015. № 12. С.63-71.

ЛАКОМОВА Анастасия Александровна

Магистр социальной работы по направлению подготовки «Социальная работа»

В 2016 г. окончила ННГУ им. Н.И. Лобачевского, бакалавр социальной работы; в 2018 г. – магистр социальной работы.

Круг научных интересов: социология миграции, маргинальность, социальное исключение, социальная работа с мигрантами.

Автор 50 научных публикаций, в том числе:

1. Лакомова А.А. Влияние миграционных процессов на региональный рынок труда (на примере Нижегородской области) // Политика и Общество. 2015. № 8. С. 1070-1075. DOI: 10.7256/1812-8696.2015.8.14574.
2. Лакомова А.А. Образовательная миграция: причины и особенности получения высшего образования за рубежом // Педагогика и просвещение. 2015. № 1. С. 36-50. DOI: 10.7256/2306-434X.2015.1.13890.
3. Лакомова А.А. Особенности образовательной миграции: теоретический анализ // Педагогика и просвещение. 2014. № 4. С. 16-29. DOI: 10.7256/2306-434X.2014.4.14029.

ГОЛУБЕВА Инна Геннадьевна

В 2016 г. окончила ННГУ им. Н.И. Лобачевского, бакалавр социальной работы, в 2018 г. – магистр социологии.

Круг научных интересов: социология семьи, социология молодежи, социальная политика.

Автор 15 научных публикаций, в том числе:

1. Голубева И.Г. Социальная работа с сиблингами в некоммерческих организациях // Надежды: Сборник научных статей студентов / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. Изд-во НИСОЦ, 2017. Выпуск 11. С.15-19.
2. Голубева И.Г. Влияние сиблинговых связей на развитие человеческого потенциала // Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия. Под общ. ред. проф. З.Х. Саралиевой: В 2 т. Т. 1. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2017. С. 252-254.
3. Голубева И.Г. Особенности взаимоотношений между сиблингами в подростковом возрасте // I чтения памяти В.Т. Лисовского: сборник научных трудов / Под ред. Т.К. Ростовской, Т.Э. Петровой. Электрон. дан. М.: Перспектива, 2017. 346 с. <https://goo.gl/CC4wYk>. С. 109-112.
4. Голубева И.Г. Сиблинговые отношения в системе // Новое и традиционное во взаимоотношениях между институтами супружества и родительства в современной социокультуре // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (26 октября 2017 г.) / под общ. ред. проф. Л.И. Савинова; ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарева», ист.-социол. ин-т, каф. социальной работы. – Саранск: Издатель Афанасьев В.С., 2017. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM); в контейнере, 142x124x5 мм.

АЛЕКСАНДРОВА Елена Алексеевна

В 2018 г. окончила факультет социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского по направлению «Социология».

Саралиева Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна
Александрова Елена Алексеевна
Воронин Геннадий Леонидович
Голубева Инна Геннадьевна
Егорова Надежда Юрьевна
Ермилова Анна Вячеславовна
Захаркина Татьяна Николаевна
Исакова Инна Александровна
Курникова Мария Владимировна
Лакомова Анастасия Александровна
Отделкина Надежда Тимофеевна
Попель Александр Александрович
Рябokonь Мария Владимировна
Судьин Сергей Александрович
Ушакова Яна Владимировна
Шинкаренко Елена Александровна
Шорьгин Евгений Александрович
Шпилев Дмитрий Анатольевич
Янак Алина Леонидовна

СЕМЕЙНАЯ ЭКОСИСТЕМА ЧЕЛОВЕКА

Монография

Подписано в печать 20.11.2018
Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 13,1
Тираж 500 экз.

Издательство НИСОЦ
г. Н. Новгород, Казанское ш., д.10/1, к.6

Отпечатано в типографии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
г. Н. Новгород, ул. Б. Покровская, д.37